Ю
С-14

Саджент Г.
Стратегия на
Зап. фронте
М, 1923

САДЖЕНТ

СТРАТЕГИЯ НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

1914-1918

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ.

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ.

МОСКВА, Смоленский бульвар, 53.

СКЛАД ИЗДАНИЙ В. В. Р. С.—Глазовский пер., 1.

ТАКТИКА, СТРАТЕГИЯ, ВОЕННОЕ ИСКУССТВО.

НОВЫЕ КНИГИ.

(Цены показаны в червонных рублях).

ШЛИФФЕН.

„КАННЫ".

Перев. с нем. проф. А. Е. Снесарева и А. Свечина. Размер 112 стр. Отдельн. прилож. в виде альбома из 101 схемы. Ц. 3 р. 50 к.

Общественный классический труд германской военной литературы, на которой воспитывались поколения военных людей Германии. Идеи Шлиффена были положены в основу плана военных действий Германии в минувшую мировую войну.

С. КАМЕНЕВ.

НОВЫЕ ПРИЕМЫ БОЯ.

1 п. л. и 9 схем.

Небольшая книжка хорошо известного всей Красной армии писателя—в сжатом виде излагает сущность современного боя пехоты, главную особенность и трудность которого составляет сочетание действий скорострельной машины (пулемета) и стрелков. Чертежи и особое приложение, изображающее положение наступающей пехоты на живой местности, прекрасно иллюстрируют мысли автора.

КЮЛЬМАН.

„КУРС ОБЩЕЙ ТАКТИКИ".

Перев. с франц., под ред. А. Е. Снесарева, в 2-х ч. 37 п. л. с 30 рис.

Первый обширный и систематический курс общей тактики, созданный на основании опыта минувшей великой мировой войны.

ЛЮДЕНДОРФ, Э.

„Мои воспоминания о войне 1914—18 гг."

Части I и II под ред. А. Свечина. I ч.—17 п. л., 14 схем. + 8 карт. II ч.—22 п. л., 33 сх.

Автор, крупнейший деятель германского генерального штаба, талантливо рисует картины величия и падения германской армии в мировой войне.

Н. МОРОЗОВ.

„ТАКТИКА ПЕХОТЫ".

20 п. л. с 96 рис. Изд. 2 е.

Этим трудом заполнен пробел в нашей военной литературе. Мы не имели до сих пор оригинальной работы по тактике пехоты с учетом современной техники и опыта мировой и гражданской войн. Автор хорошо справился со своей задачей, и его работа признана учебником для военно-учебных заведений.

ГЕФЛЬ.

„НОВЫЕ ТАКТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ".

Пер. с нем. 4 п. л.

Книжка заключает целый ряд тактических задач, с решениями и пояснениями на важнейшие случаи действий батальона и полка в современном бою. Может служить, с одной стороны, пособием для составления и разбора подобных же задач у нас, с другой—знакомит читателя с новыми германскими уставами и взглядами на применение пехоты в бою.

„Временный французский пехотный устав маневрирования пехоты".

Часть II, 450 стр. с прилож. и схемами.

Устав излагает боевую организацию: обучения и действия в бою французской пехоты на основании опыта мировой войны. Французская армия дальше всех ушла по пути „машинизации" пехоты, и в этом главный интерес ее пехотного устава.

ЛЕ-ЭНАФ и БОРНЭК.

„Французские железные дороги и война".

Перев. с франц. Серебрянникова, с 24 схем., $17^1/_2$ п. л.

Книга подробно освещает тяжелую и ответственную роль, которую выполняли французские ж. д. в мировой войне, и содержит массу ценных указаний по техническим и организационным вопросам, связанных с работой ж. д. в военное время.

„Указания по борьбе с воздушным флотом противника средствами войсковых частей".

В труде изложены способы борьбы с воздушным флотом противника, которых всегда должны придерживаться войска независимо от борьбы с воздушным противником в воздухе при помощи воздушного флота.

К „указаниям" будет издан „альбом" агрофотоснимков „что и как видно сверху", дающий войскам наглядное представление о том, как они видны воздушному наблюдателю.

Заказы адресовать в В. В. Р. С. При покупке не менее 10 экз.—скидка 20%, при покупке не менее 50 экз. воинскими частями и учреждениями, расположенными вне Москвы,—скидка 30%. Книгопродавцам—обычная скидка.

С. С. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

10
С14

Г. Х. САДЖЕНТ

СТРАТЕГИЯ НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

(1914—1918 г.г.)

Перевод с английского
под редакцией
проф. В. Ф. НОВИЦКОГО

с двумя схемами
на отдельных листах

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
МОСКВА
1923

В Ы С Ш И Й
В О Е Н Н Ы Й
РЕДАКЦИОННЫЙ
С О В Е Т № 816.
Тираж 3.000.
Петрооблит. № 7122.
Зак. № 615.
Воен. Тип. Ш. Р.-К. К. А.

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
№ 24213 1969 г.

Предисловие к русскому переводу.

Предлагаемая читателям книга принадлежит перу одного из более известных современных военных писателей Северо-Американских Соединенных Штатов полковника Саджента; она заключает в себе обсуждение некоторых важнейших стратегических вопросов, касающихся частью всей мировой войны, но главным образом—борьбы на Западном фронте.

При выборе этой книги для перевода на русский язык редакция руководствовалась тем соображением, что труд полковника Саджента, помимо разбора многих интересных стратегических положений, дающих, в общем, широкую обрисовку 4-хлетней гигантской борьбы в Европе, в то же время обстоятельно исследует некоторые вопросы, до него мало затронутые в европейской печати, как, например, значение Салоникского фронта, влияние клинообразного (выступного) начертания германских боевых линий, характер наступательных операций союзников, роль, сыгранную в этой борьбе американскими войсками (именно—войсками, а не американской техникой, как говорили до сих пор) и т. д.

От внимания редакции не ускользнули и некоторые отрицательные качества этой книги:—расплывчатость изложения, повторение одних и тех же умозаключений, хвастливость автора в смысле подчеркивания своей прозорливости и правильного

понимания событий и др.,—но эти частности нисколько не мешают общему благоприятному впечатлению, оставляемому сочинением.

Книга переведена без сокращений, если не считать одной, выпущенной в приложении „А", телеграммы, не имеющей никакого отношения к делу, но число картографических приложений сокращено—с 5 до 2-х, вполне достаточных для иллюстрации текста.

В. Новицкий.

Предисловие.

Бо́льшая часть этой книги была напечатана в „North American Review“ в ряде статей, начатых в феврале 1919 года и оконченных в октябре того же года. Эти статьи пересмотрены, некоторые их места изменены и теперь издаются отдельной книгой.

Приношу свою благодарность за дополнения и замечания, касающиеся англичан, лейтенанту национальной армии Соединенных Штатов Раймонду Фуллеру, который был одним из моих помощников в отделении военных планов генерального штаба армии Соединенных Штатов, в военной академии в Вашингтоне, в течение лета и развязки 1918 года.

Г. Х. С.

Джаксонвиль, Орегон.
7 мая 1920 года.

ГЛАВА I.

Первая крупная ошибка германцев.

„Война, это борьба на позициях".
Наполеон.

Прежде чем приступить к обсуждению стратегии войны уместно будет заметить, что значительное влияние на применение принципов стратегии во время войны имели огромные массы войск обеих сторон, изумительные улучшения в артиллерии и ручном оружии, применение ядовитых и удушливых газов, пользование паровозами, газовыми моторами, железными дорогами, танками, грузовиками, мотоциклетками, автомобилями, электротелеграфом, беспроволочным телеграфом, телефонами, прожекторами, подводными лодками, аэропланами и другими изобретениями и открытиями. В некоторых случаях они облегчали применение этих принципов, в других—сделали его более затруднительным, но не было случая, чтобы они повлекли за собой изменение самих принципов. Эти принципы непоколебимы. Они и в наши дни те же, что во времена Александра, Ганнибала, Цезаря и Наполеона.

Действовать наступательно, если это выполнимо; сосредоточить в пункте атаки превосходные по сравнению с неприятелем силы; маневрировать по внутренним линиям, если возможно; нападать внезапно и обманывать противника в отношении оперативного плана и места атаки; разделять силы противника и бить их по частям; действовать или атаковать в таком направлении, чтобы угрожать

сообщениям противника или разрушить их, не подвергая опасности своих собственных: таковы главные, неизменные принципы стратегии. Только при соблюдении их лучше всего достигается главная цель всякого боя,—поражение, уничтожение или пленение неприятеля. Они—краеугольные камни, на которых основан всякий крупный военный успех. Соблюдение их указывает на хорошее командование; нарушение их—на плохое. Ни один начальник не может долго пренебрегать ими, или преступать их, не навлекая бедствий и гибели на свои войска.

В течение войны Германия три раза наступала или делала попытки наступать на западном фронте. Она начала там войну с крупного наступления и продолжала его до тех пор, пока, в результате сражения на Марне, не была вынуждена перейти к обороне. В феврале 1916 г. она начала у Вердена вторую крупную попытку прорвать линии союзников, но потерпела снова полную неудачу. 21-го марта 1918 г., она в третий раз пыталась пробиться сквозь эти линии и возобновить маневренную войну, но была крайне неудачна в своих усилиях достигнуть этого. При каждом из этих наступлений Германия делала крупную стратегическую ошибку, и мы здесь предполагаем указать, почему именно это было так и исследовать с некоторыми подробностями операции на западном фронте со стратегической точки зрения.

Хотя Германия, может быть, и не намеревалась начать с одновременного наступления на обоих фронтах, на восточном и на западном, тем не менее она именно это и сделала. В то самое время, когда германские войска наводнили Бельгию и вторглись во Францию, Гинденбург начал в Восточной Пруссии крупное наступление, которое завершилось сражением под Танненбергом.

Когда Наполеон открывал военные действия на одном театре, его неизменным правилом было—

наступать [1]), но только по одной операционной линии; и если бы Германия последовала этому правилу и, сохраняя на французском фронте оборонительное положение от Люксембурга до Швейцарии, соединила бы остальные свои войска с австрийскими для наступления, сначала на Россию, а затем на Сербию, она могла бы разбить и сокрушить обе армии в короткое время и после этого, упоенная победой, вернуться к западному фронту и с превосходными силами быстро вторгнуться во Францию через Бельгию, как предполагалось первоначально, или занять и Бельгию, и Голландию и покорить Францию. И если бы в то же время, когда она справлялась со своими противниками вне Франции, Великобритания и Бельгия об'явили бы ей войну, она могла бы удержать свое расположение на западном фронте, так как в то время ни у одной из этих стран еще не было значительной армии; а затем, по возвращении, она могла бы пройти через Бельгию, не навлекая на себя упрека за нарушение ее нейтралитета.

Так как граница между Германией и Францией простиралась только на 150 миль и была прикрыта с германской стороны рекой Мозелем и укреплениями Меца, а сейчас непосредственно за ними — рекой Рейном и крепостью Страсбургом; и так как Франция не могла бы обойти этой границы, не нарушая нейтралитета Бельгии или Швейцарии или обеих одновременно, чего она, конечно, не сде-

---

[1]) Прочно установленный принцип или правило военной науки гласит, что только наступление ведет к решающим последствиям; но есть и другое, столь же прочно установленное правило, которое ограничивает применение этого принципа в случае ведения войны на одном театре, а именно, что следует наступать крупными силами в данное время лишь по одной операционной линии. Эти оба принципа, которым Наполеон почти всегда следовал во время своей замечательной военной карьеры, неоднократно высказывались им в течении его жизни. Фактически эти два принципа получили почти всеобщее признание среди военных, как верные руководители при ведении военных действий, главным образом, вследствие изучения походов Наполеона и его приемов ведения войны, приводивших к победам.

лала бы,—то Германия могла бы удерживать ее небольшой частью своих войск, пока не уничтожила бы неприятеля в других частях Европы. Если бы она последовала такому плану, война продолжалась бы не более двух лет, и, вероятно, даже меньше этого. Если бы она последовала этому плану, Великобритания, по всей вероятности, не об'явила бы ей войны с самого начала, потому что только нарушение нейтралитета Бельгии вовлекло Великобританию немедленно же в войну. Если бы Германия последовала этому плану, она не восстановила бы против себя с первых же дней всего мира. И все это было бы очень легко выполнимо, если бы у Германии было бы какое-либо стратегическое предвидение; но, преследуемая мыслью, что она должна начать наступление с первого же момента против Франции и разрабатывая годами план действий по этой операционной линии; и убежденная, что она может победить Францию так же, как она сделала это в 1870 г.; и не учитывая того, что вступление России в войну в 1914 г. создает стратегическую обстановку, совсем непохожую на ту, которая была в 1870 г.,—она понеслась навстречу своему окончательному поражению. Эта ошибка, это отсутствие стратегического предвидения, этот удивительный промах германского генерального штаба были ужасны, гибельны для центральных держав. Это превратило войну, которая должна была быть короткой, в продолжительную борьбу. Это обошлось центральным державам в миллиарды долларов и миллионы людей. Это вовлекло юного гиганта, Америку, в войну с ними, и подняло против них весь вооруженный мир. И это, наряду с несколькими последующими стратегическими промахами, привело к фактическому уничтожению Германии, как великой военной державы, что с германской точки зрения является наиболее катастрофическим.

Интересно отметить, что несмотря на то, что Германия сразу пошла в наступление на обоих фронтах, западном и восточном, с самого начала войны она была весьма близка к победе на обоих фронтах. В Восточной Пруссии она выиграла крупное сражение с русскими под Танненбергом, а на западном фронте, не будь она вынуждена выделить из своих армий два корпуса как раз перед сражением на Марне, она, вероятно, выиграла бы это сражение, овладела бы Парижем, и, может быть, покорила бы Францию до конца года. Это доказывает, что как бы армия ни была сильна, хорошо обучена, дисциплинирована и подготовлена в боевом отношении, невозможно нарушать стратегических принципов, хотя бы не намеренно, не подвергая себя крупному риску серьезных от этого последствий. Конечно, справедливо, что часто простой случай или военное счастье оказывают значительное влияние на решающий результат и что нередко, вследствие этого, победа достигается, несмотря на нарушение какого-нибудь стратегического принципа; но верно также и то, что поражение, как и в означенном случае, может явиться исключительно следствием такого нарушения [1]).

---

[1]) После того, как я написал эту главу, я узнал, что никто другой, как сам фельдмаршал Мольтке был сторонником оборонительной стратегии на западном фронте в случае вовлечения Германии в войну с Францией и Россией одновременно. Его мнение, изложенное Бисмарком в „Hamburger Nachrichten“ и цитируемое Мунро Смитом („Militarism and Statecraft“, стр. 125 и 127) заключается в следующем:

„Имея в виду наши укрепления в Страсбурге, Меце, Майнце и Кобленце, фельдмаршал Мольтке так был уверен в прочности нашего военного положения на западном фронте, что он считал возможным для нас, в случае если бы война вспыхнула на двух фронтах, ограничиться обороной на западном фронте до тех пор, пока война с Россией не будет доведена до конца. Он был того мнения, что при нашей железнодорожной сети и укреплениях на западной границе, французам не удастся так повести войну, чтобы прорваться сквозь линию нашего расположения; и точно так же он полагал, что мы будем в состоянии довести войну с Россией до конца и только тогда должны перейти по отношению к Франции от обороны к атаке“.

Это сообщение Бисмарка, опубликованное 9 января 1893 г., вызвало значительную полемику в Германии, вследствие чего через

Что касается поражения германцев на Марне, то генерал-лейтенант барон фон-Фрейтаг-Лорингoвен, помощник начальника германского имперского штаба, говорит в своей книге „Выводы из мировой войны", стр. 94, следующее:

„Таким образом, наступление германцев в начале сентября 1914 г. было недостаточно мощным, чтобы опрокинуть противника. Предполагалось произвести обход с обоих флангов. Однако, обход левым флангом был остановлен укреплениями на французской восточной границе, с которыми надеялись справиться в виду успешного овладения бельгийскими укреплениями. Обход французского левого фланга успешно развивался до Парижа и через Марну, но здесь фронтальное наступление германских войск было остановлено в то время, как в свою очередь им стал угрожать обход".

А на стр. 91 он говорит:

„Когда западные германские армии начали сражение на Марне, то первоначальное количество их перволинейных войск было уменьшено не только на два армейских корпуса, посланных на восток, но и еще на два корпуса, которые необходимо было оставить в тылу у Антверпена и Мобежа".

Отсюда мы видим, что план германцев предусматривал обход обоих флангов французской армии [1])

неделю он ответил, в то же время высказав свое собственное мнение:

„Неоспорим тот факт, что граф Мольтке сам высказался в этом смысле и был того мнения, что Германия, обладая Мецом и Страсбургом с Майнцем, Кельном и Кобленцом, позади них, могла бы, в случае двойной войны, обороняться против Франции в течение неопределенного времени и тем временем использовать свои главные силы на востоке... Мы считали бы самомнением попытку поддержать взгляд такого великого стратега нашим собственным мнением; но вследствие скептических взглядов, высказанных в статьях, помещенных в Nationalzeitung и других подобных замечаний в печати, мы желали бы добавить, что, пока мы владеем Мецом и Страсбургом и остаемся под прикрытием нейтральной территории Бельгии и Люксембурга, оборонительные действия Германии в войне против Франции не лишают левый берег Рейна, а лишь часть Эльзаса, защиты германских войск".

Обсуждая эти положения, профессор Мунро Смит говорит: „В 1914 г. германский генеральный штаб, с другим Мольтке во главе, стал исполнять противоположный план. Было установлено, как очевидность, что Франция должна быть раздавлена раньше, чем „медленно двигающиеся массы русских" будут в состоянии произвести какое-нибудь серьезное выступление на центральные империи. Чтобы достигнуть этой цели, был принесен в жертву нейтралитет Бельгии. Наступление на Францию было поведено через нейтральную территорию, по линии наименьшего сопротивления".

[1]) Главным сторонником обхода обоих флангов был в Германии граф Шлиффен, преемник старого Мольтке в должности начальника штаба. Он утверждал, что это единственный план, обеспечи-

и что он не удался, вследствие наличности „укреплений на французской восточной границе". То есть, иначе говоря, этому помешали как естественные преграды в виде Вогезских гор, так и крепости Верден, Туль, Эпиналь и Бельфор, и в особенности Бельфор, который командует над узким проходом, ведущим во Францию между горных цепей Вогезов и Юры. Если бы германцы могли овладеть этой крепостью, то путь для обхода Вогезских гор и крепостей Эпиналя, Туля и Вердена был бы для них открыт, а вместе с тем и для обхода правого крыла французов, что, в связи с обходом левого крыла и малочисленных британской и бельгийской армий, несомненно привело бы к окончательной сдаче французских армий и к занятию Парижа.

По выполнении этого, следующим предприятием германцев была бы переправа через английский канал. При наличии подводных лодок, аэропланов и цеппелинов, для прикрытия их транспортов от нападения во время переправы, и при отсутствии в Великобритании сколько-нибудь значительной армии для отражения вторжения, весьма возможно, что они достигли бы успеха, хотя потери их и были бы велики. При плохой подготовке Великобритании в то время, и при условии, что цвет ее регулярных войск уже был бы уничтожен во Франции, вероятно, что меньше чем пол-миллиона испытанных германских войск было бы достаточно для наводнения островов, занятия Лондона и покорения Великобритании.

Тогда, конечно, они захватили бы Британский флот; а владея уже французским флотом и имея

вавший полное уничтожение противника. Таким образом, это стало любимой мечтой германских стратегов.

При наличии благоприятных условий это был правильный план, но для успеха его нужно было, во-первых, чтобы топографические условия театра допускали его выполнение и, во-вторых, чтобы был достаточный перевес в силах, дабы, при выполнении обхода, не ослаблялся и не подвергался опасности центр атакующей армии. Но в большом наступлении германцев на Западном фронте не было соблюдено ни одно из этих условий.

свои собственные подводные лодки, они, вероятно, вызвали бы войну с Соединенными Штатами и быстро справились бы с американским флотом. После уничтожения этой преграды на пути, ничто не помешало бы им провести транспорты со своими лучшими войсками через Атлантический океан, и, при отсутствии в Соединенных Штатах армии, достаточной для борьбы с ними, они легко захватили бы хороший кусок Северо-Атлантических Приморских Штатов, заняли бы Нью-Йорк, Бостон, Филадельфию и Вашингтон и принудили бы эти города полностью возместить Германии военные расходы.

Теперь нетрудно понять, что во время сражения на Марне Германия была на волосок от победы над Францией, и что это по всей вероятности, повело бы к ее быстрой победе над Великобританией и Соединенными Штатами и к ее мировому господству. *Но Бельфор стоял на пути к этому.*

Так важен был этот факт, так чреват он был немедленными последствиями, что интересно узнать, как случилось, что Германия не настояла на передаче ей французской крепости Бельфора в конце франко-прусской войны 1870—71 г.; потому что, если бы она владела ею в 1914 г., победа, несомненно, увенчала бы ее усилия во время первого крупного сражения на Марне.

Обстоятельства были таковы: Париж капитулировал 29-го января 1871 г., перемирие было подписано на двадцать один день, начиная с 31-го января и затем продлено до полуночи 26-го февраля. В течение этого перемирия, германская армия не должна была вступать в Париж; а Бельфор все еще геройски держался.

21-го февраля представитель Франции Тьер отправился в Версаль, чтобы добиться наилучших условий мира от Бисмарка. Условия Бисмарка были следующие: уплата Францией контрибуции в шесть миллиардов франков, отторжение всего

Эльзаса и значительной части Лотарингии, включая крепости Страсбург, Мец и Бельфор, и вступление германской армии в Париж и пребывание ее там до ратификации мирного договора [1]). Тьер энергично возражал против этих условий, заявив, что контрибуция невероятно велика и что передача Меца сделает обе нации врагами навеки. Он особенно возражал против вступления германских войск в Париж и настаивал на сохранении Францией Бельфора, если уже Страсбург должен быть отдан. Переговоры продолжались несколько дней. Бисмарк был неумолим; но, наконец, красноречие Тьера, его волнение, усердие, патриотизм и пылкость,—побудили его обратиться к императору и Мольтке с целью некоторого изменения условий. Император согласился уменьшить контрибуцию с шести до пяти миллиардов франков [2]), но Мольтке настаивал на передаче Меца Германии, т. к., в случае войны с Францией, он будет стоить ей сто тысяч человек [3]). Что касается вступления войск в Париж, то Бисмарк предлагал уступить в этом, если Тьер согласится отдать Бельфор без дальнейших возражений. Но Тьер настаивал на сохранении Францией Бельфора. Чувствуя, что уступить его,—значит оставить восточную границу Франции открытой для вторжения, он сильно боролся против этого, готовый даже согласиться на вступление германских войск в Париж, лишь бы сохранить Бельфор за Францией. „Ничто", говорил Тьер в своей долгой и красноречивой защитительной речи, „не сравнится с печалью, которая охватит Париж, когда он откроет врата своих непавших стен неприятелю, который не мог одолеть их. Поэтому мы просили и все еще просим вас не подвергать города этому незаслуженному унижению. Тем не менее он готов выпить чашу до дна, лишь

[1]) Симон. „The Government of M. Thiers", том 1, стр. 123.
[2]) Симон. „The Government of M. Thiers", том 1, стр. 137.
[3]) „Memoirs of M. de Blowitz", стр. 144.

бы сохранить этим клочек земли и геройский город для родной страны. Благодарим вас, граф, за предоставление Парижу случая облагородить свою жертву. Траур Парижа будет выкупом за Бельфор“ [1]). Наконец, Бисмарк уступил по этому пункту, и Бельфор был сохранен Францией. Защита Тьера спасла этот день. Пятьдесят лет тому назад, пламенный патриотизм, горевший в его душе, и его красноречие спасли его возлюбленную Францию от поражения в 1914 г. Они сделали больше—они изменили судьбу многих наций, раздавили самодержавие и превратили в прах большинство тронов Европы.

---

[1]) Фавр, „Gouvernement de la Défense Nationale“, т. 3, стр. 106.

ГЛАВА II.

Вторая крупная ошибка германцев.

Конечно, в то время, когда пишется эта книга, т. е. в начале 1919 г., еще нельзя располагать точными сведениями о числе войск, сражавшихся в разные периоды на западном фронте; тем не менее, путем сравнения различных данных, их можно установить с приближением достаточным для исследования стратегии западного фронта.

Обе стороны признают, в общем, что, во время сражения на Марне, союзники численно значительно превосходили германцев.

„The Times History of the War" в томе II, на стр. 51, исчисляет количество союзных войск более, чем в два миллиона, а германских—значительно менее этого, и определяет общее число участвовавших в сражении приблизительно в три миллиона.

Генерал-лейтенант барон фон-Фрейтаг-Лоринговен, помощник начальника германского имперского штаба, в своей книге „Выводы из мировой войны", стр. 90 и 91, говорит следующее:

„В начале войны 1914 г. вооруженные силы одной Франции слегка превышали всю мобилизованную германскую армию, и если мы вычтем из этого количества германские войска, действовавшие на востоке и те, которые сначала были оставлены для обороны побережья, то у французов, англичан и бельгийцев получался численный перевес приблизительно в три четверти миллиона человек".

После сражения на Марне количество союзных войск на западном фронте возрастало, а германских уменьшалось вплоть до 1-го сентября 1915 г.;

общее количество их, согласно вычислениям Франка Г. Симона в американской „Review of Reviews", было в октябре 1915 г. следующее:

	Союзники.	Германцы.
Французов	2.000.000	
Британцев	750.000	1.500.000
Бельгийцев	100.000	
	2.850.000	

Но если такое большое неравенство сил между союзниками и германцами и существовало в то время, то недолго, так как спустя некоторое время после этого, но раньше Верденского наступления в феврале следующего года, несколько германских дивизий были переброшены с восточного на западный фронт. Сколько именно—в точности неизвестно, но вероятно около трех четвертей миллиона. Но, как бы то ни было, всеми, повидимому, признано, что число переброшенных войск не было достаточным, чтобы уравнять силы германцев на западном фронте с силами союзников ко времени Верденской атаки. В самом деле, ко времени этой атаки у союзников было по крайней мере на полмиллиона больше войск, чем у германцев.

В течении, следовавших за Верденским наступлением полутора лет, число союзных войск, повидимому, превышало число германских на несколько сотен тысяч; выход из войны России в ноябре 1917 г. позволил Германии значительно усилить свою армию на западном фронте в начале 1918 г.

16 марта 1918 г., как раз за пять дней до большого наступления, начатого германцами против Амьена, полковник Герберт Слокум, наш военный агент в Лондоне, сообщил о количестве действовавших войск на западном фронте следующее:

	Дивизий.	Батальонов.	Штыков.	Артиллерии.
Британских	58	555	600.000	5.892
Французских	97 [1])	915	764.000	9.806
Американских	4 [2])	48	49.000	316
Бельгийских	6	108	64.000	598
Португальских	2	24	26.000	68
Итого союзников . . .	167	1.650	1.503.000	16.680
Германских . . .	186	1.700	1.370.000	15.734

Но, повидимому, несколько германских дивизий, которые только что прибыли или находились еще в пути, не включены в это исчисленйе, так как 25 мая полковник Слокум сообщил следующие цифры:

	Дивизий.	Батальонов.	Штыков.	Артиллерии.
Британских	50	495	520.000	6.247
Французских	103	964	674.000	10.103
Американских	5	60	65.000	458
Бельгийских	6	108	56.000	699
Итальянских	2	24	16.000	100
Итого союзников . . .	166	1.651	1.331.000	17.607
Германских . . .	208	1.914	1.654.926	17.168

[1]) Сюда не включены две французские смешанные кавалерийские дивизии.

[2]) В то время во Франции было 5½ американских дивизий; 3 из 4-х вышеозначенных еще обучались.

Это должно бы указывать, что 25-го мая 1918 г. у германцев на фронте был перевес примерно в 300.000 обученных солдат; но при этом принято в расчет лишь 65.000 из бывших тогда во Франции 700.000 американцев. Из 1.019.115 американцев, которых министр Бекер считал отосланными во Францию до июля 1918 г., половина была готова вступить в боевые линии в конце августа. В августе, сентябре и октябре было отослано во Францию еще около миллиона человек; 1-го ноября во Франции было около двух миллионов американцев, из которых, вероятно, половина или более того были готовы вступить в бой. Все это ясно указывает на то, что у союзников на Западном фронте был значительный перевес в людях и орудиях с 1-го июля 1918 г. [1]).

В результате сражения на Марне германская армия остановилась, отступила, принуждена была окопаться и перейти к обороне, что положило конец ея наступлению на Западном фронте на ближайшее время. В течение приблизительно полутора лет она продолжала там оборонительные действия и хотя численно значительно уступала союзникам за этот период, все же она легко удерживала фронт.

Тем временем она перешла в наступление против своих противников на других театрах войны. И выполнив в течение этого времени гигантскую и успешную кампанию против русских и необы-

---

[1]) 1-го апреля 1918 г. у германцев было на 324.000 штыков больше на западном фронте. Их силы возрастали в течение последующих двух месяцев, но начали падать в течение июня. В то же время силы союзников, при постоянном росте американских сил, быстро увеличивались, почему обе стороны сравнялись в июне. С этого времени союзная армия все увеличивалась, а т. к. британцы и французы были в октябре и ноябре слабее, чем в апреле и в мае, то этот перевес союзных сил всецело зависел от численности американцев. 1 ноября у союзников перевес был более чем в 600.000 штыков, сравнительно с германцами".

(См. „The War with Germany"—полковника Леонарда Айрс, начальника статистического отдела генерального штаба армии С. Шт., а также „Statistical Summary" отр. 104—105.

чайно успешную против сербов, она решила сделать еще одно мощное усилие, с целью прорыва западного фронта и возобновления маневренной войны.

Почему именно она изменила свой план действий на западном фронте, перейдя от обороны к наступлению, не успев еще покончить со своими противниками в России, Сербии и Италии,—не вполне ясно. Но вероятной причиной этого было то, что она чувствовала необходимость сделать там еще одно мощное усилие, пока Великобритания не закончила организации и обучения своей большой армии и не подготовила ее к перевозке во Францию. А так как победы на Востоке и на Балканах сильно воодушевили германцев и давали им возможность перебросить некоторое количество испытанных и победоносных дивизий с восточного на западный фронт и т. к. падение крепостей Льежа, Антверпена и Мобежа, под огнем австрийских и германских тяжелых орудий, показало, что крепости большого значения в этой войне иметь не могут и не зная того, что французы уже восприняли этот урок и перенесли свои тяжелые орудия с фортов на закрытые позиции, немцы надеялись на этот раз более успешно прорваться на западном фронте. Во всяком случае они решили сделать попытку, и в феврале 1916 г. начали свое большое наступление против Вердена.

Эта атака была одна из самых упорных и грандиозных в истории. В течение пяти месяцев германский кронпринц пытался прорвать фронт в этом пункте. Повторными и отчаянными приступами, ценой огромных потерь человеческих жизней, он бросал свои дивизии на французов; но все его усилия были напрасными. Неприятель удержался. Верден остался в руках французов и вся кровь, пролитая германскими солдатами в этом мощном усилии, оказалась пролитой даром.

И все это было ошибкой, вторым большим заблуждением, потому что с теми же самыми уси-

лиями, и вероятно с гораздо меньшими потерями, Германия могла бы завершить свои победы на восточном фронте, разбить Салоникскую армию и захватить этот важный морской порт; затем, со значительно превосходными силами, нанести удар итальянской армии и раздавить ее; и уже потом, покончив со своими противниками вне Франции и Бельгии, вернуться на Западный фронт с огромным перевесом в силах, гордых великими победами, для наступления на этом фронте. И даже если бы ей не удалось сделать всего, ей удалось бы сделать бóльшую часть этого, что привело бы ее настолько же близко к конечной победе, насколько она была доведена до конечного своего поражения своими жертвами и полной неудачей под Верденом.

Два основных условия, с которыми должна считаться всякая стратегия, следующие: первое — для того, чтобы жить и сражаться армия должна иметь пищу, одежду, снаряжение, огнестрельные припасы, оружие и пополнения; и второе, что эти запасы и войска должны подвозиться к армии по ее путям сообщения. Эти пути сообщения, идущие от ее фронта к ее базе, являются ее нервами, артериями и венами; перережьте их и вы уничтожите армию; даже угрожая им, возможно достигнуть серьезных последствий. Отсюда следует, что командующий армией должен всегда зорко следить за ними и всегда быть готовым прикрыть их от всякого нападения или угрозы такового. Но простого прикрытия своих собственных сообщений еще недостаточно. Если он предполагает совершить на войне что-либо крупное, он должен сделать больше этого; он должен, если возможно, так вести свои операции, так направить свое наступление, чтобы угрожать сообщениям противника или захватить их. И именно тогда победа на поле сражения даст немедленные результаты. Но на западном фронте ни одна из сторон не могла обойти

другую или зайти в тыл для удара по ее сообщениям, так как оба фронта упирались в нейтральную Швейцарию одним флангом и доходили до Ламанша другим. Отсюда вытекало, что только фронтальной атакой каждая из них могла надеяться осуществить прорыв и перейти к маневренной войне; а так как каждая решилась не допустить другую прорваться, то обе стороны построили линии сильно укрепленных позиций, с пулеметными гнездами, проволочными заграждениями и другими приспособлениями.

Трудность прорыва этих сильно укрепленных линий еще увеличилась применением с обеих сторон нового вида оружия,—аэропланов, дававших возможность воздушным разведчикам пролетать над линиями неприятельского расположения и за ними и наблюдая доносить о всяком сосредоточении сил противника. Такая осведомленность давала возможность командующему армией стягивать резервы против угрожаемого участка своего расположения, с целью отражения атаки. Другими словами, элемент внезапности, который в таком множестве сражений был важным, решающим фактором, не мог, как ранее, быть использован при наличии этого нового боевого средства. Конечно, аэроплан не вполне исключает возможность применения внезапности, но он сделал это применение, даже в малой степени, весьма затруднительным.

Взгляд на карту железных дорог Германии, Франции и Бельгии убеждает в том, что наиболее многочисленные и важные линии перерезают их с востока на запад. Четырнадцать рельсовых линий пересекают Рейн между Швейцарией и Голландией. В добавление к этим главным линиям, две параллельные линии, разделяемые Рейном, проходят вдоль его течения с севера на юг, а много других поперечных линий соединяют между собою города, расположенные на западной и восточной линиях. В Германии линии двойной колеи

многочисленнее, чем во Франции и Бельгии; некоторые железные дороги имеют здесь четыре колеи. Главная разница между этими странами заключается в необыкновенном развитии германских соединительных и под'ездных путей между станциями и погрузочными платформами и в числе стратегических железных дорог, построенных немцами в большом количестве вблизи границы с чисто военными целями.

Важнейшими линиями сообщений сражавшихся армий, когда они стояли на западном фронте от Бельфора на границе Швейцарии, на Верден, Реймс и Сен-Кентен, до Ньюпора на Ламанше, были восточные и западные железные дороги, ведущие от Парижа в Вену, в Прагу, в Берлин и в Гамбург. Они проходили, в общем, под прямым углом к западному фронту и пересекали Рейн у Нейенбурга, Бризаха, Страсбурга, Гермерсгейма, Шпейера, Мангейма, Майнца, Кобленца, Бонна, Кельна, Дюссельдорфа, Рейнгаузена, Рурорта, Везеля и в других местах.

Считая с юга главные железные дороги следующие:

Первая: линия Париж—Вена через Бельфор, Мюльгаузен, Шафгаузен, Ульм, Аугсбург и Мюнхен.

Вторая: линия Париж—Вена через Шалон, Нанси, Страсбург, Карлсруэ, Штутгарт и Мюнхен.

Третья: линия Париж—Прага, через Шалон, Верден, Мец, Саарбрюкен, Гермерсгейм, Гейльброн и Нюренберг.

Четвертая: линия Париж—Дрезден, через Шато-Тьери, Верден, Мец, Майнц, Франкфурт и Лейпциг.

Пятая: линия Париж—Берлин, через Лаон, Мезьер, Тионвиль (Диденгофен), Трир, Кобленц, Гиссен, Кассель и Магдебург.

Часть этой линии, проходящая по извилистой долине Мозеля от Тионвиля до Кобленца, является стратегической железной дорогой, построенной после франко-прусской войны 1870 г., с целью перевозки

германских войск и грузов в случае войны с Францией. Она соединяется с железнодорожной сетью, построенной германским генеральным штабом в районе Меца в течении последних нескольких лет и является последней из числа железно-дорожных линий, по которым Германия могла вторгнуться во Францию, не проходя через Бельгию и Люксембург.

Шестая: линия Париж—Берлин, через Лаон, Мезьер, Мобеж, Намюр, Льеж, Аахен, Кельн, Бармен, Верден и Магдебург.

Седьмая: линия Париж—Берлин, через Лаон, Гирсон, Мобеж, Намюр, Льеж, Аахен, Дюссельдорф, Гамм и Магдебург.

Восьмая: линия Париж—Берлин, через Компьен, Сен-Кентен, Мобеж, Намюр, Льеж, Аахен, Дюмсбург, Эссен, Гамм и Ганновер.

Девятая: линия Париж—Гамбург, через Мондье, Камбрэ, Монс, Шарлеруа, Намюр, Льеж, Аахен, Везель и Бремен.

В отношении последних четырех линий нужно заметить, что они все сливаются в одну, проходя через Намюр, Льеж и Аахен, и что к югу от них до железно-дорожной линии в южных Арденнах—Мезьер—Седан—Тионвиль, нет более железных дорог с запада на восток.

Много важных железнодорожных линий соединяют также главные города Франции и Бельгии с Кале, Булонь и другими портами Ламанша.

Германцы получали снабжение, боевые припасы и пополнения по железным дорогам, идущим с Западного фронта на восток в Германию; французы—по тем, кои идут с Западного фронта на запад и юго-запад к Парижу, который был их главным производительным и распределительным центром; англичане—по дорогам, которые отходили от их тыловой полосы на Западном фронте к Кале, Булонь и другим портам канала. Снабжение, выгружавшееся в Гавре, Бресте и многих других

французских портах для нужд союзных армий, направлялось большей частью в Париж для распределения.

После того как Америка вступила в войну в апреле 1917 г., новые пути сообщения были созданы для американских войск. Они отходили от тыловой полосы Западного фронта в районе Сен-Мьеля, как раз к югу от Вердена, на запад, юго-запад и юг, до главных пунктов высадки американцев, как-то Сент-Назер, Ла-Рошель, Бордо и Марсель.

В течение $3^1/_2$ лет после сражения на Марне, Западный фронт, разделявший своими укреплениями во Франции и Бельгии обе враждовавшие стороны, оставался неподвижным, за исключением небольших изменений, вызванных сражением на Сомме; он имел вид удлиненной буквы S, лежавшей верхней частью к северу от Вердена, с загибом в сторону Парижа, а нижней частью—к югу от Вердена, в сторону Страсбурга. Таково было начертание Западного фронта когда началось большое наступление на Верден в феврале 1916 г.

В виду того, что Верден был одним из самых сильных пунктов всего фронта, что было достоверно известно германцам, естественно возникает вопрос: почему же германский генеральный штаб выбрал для нападения этот пункт и почему он решился на такие жертвы людьми, в повторных и бесплодных усилиях прорвать французский фронт именно здесь?

Потому, что участок от Вердена до Реймса был единственным участком французского фронта, на котором, в случае прорыва, германцы могли бы захватить сообщения большей части французской армии с Парижем. Поэтому в стратегическом отношении это был участок, удобный для нанесения удара.

Может казаться, что если бы попытка прорыва была произведена к западу от Вердена, близ Реймса, то она была бы более успешной; но если бы даже

и так, то все-же, пока Верден держался, прорыв не мог бы быть расширен настолько, чтобы обеспечить проход германской армии. Поэтому для успешного выполнения этого плана, было безусловно необходимо овладеть Верденом, а овладев им, уже легко было бы расширить прорыв в сторону Реймса.

Очевидно, что если бы этот план был успешно выполнен, он повлек бы за собой немедленные последствия, потому что прорыв на этом участке и наступление на Труа и Шомон, через Шалон и Сен-Менегу, угрожало бы сообщениям с Парижем всего правого крыла французской армии, занимавшего линию от Вердена до Бельфора. Прорвавшись здесь, германцы могли бы сделать одно из двух: они могли бы оставить заслон [1]) против правого крыла французской армии, тогда как остальные силы двигались бы на запад для обложения Парижа; или же они оставили бы заслон против французских сил к стороне Парижа, а прочими войсками окружили бы французское правое крыло и взяли бы его в плен. Вероятно, они последовали бы второму плану, т. к. все правое крыло французской армии с захваченными путями сообщения и при наступлении с фронта мощной германской армии не могло бы избежать сдачи. По выполнении этого, почти все германские войска как находившиеся с фронта, так и в тылу правого крыла французской армии, могли бы освободиться и принять участие в окружении и пленении французских войск около Парижа.

Последствия победы германцев у Вердена были бы огромны, потому что эта победа означала бы гибель Франции, а быть может и завоевание всего мира. Отсюда—те мощные усилия, которые делали гер-

[1]) „*Заслон*“: группа войск, на которую возложена задача отвлекать на себя часть неприятельских сил, обыкновенно численно превосходную, тогда как главные усилия армии направлены на другие участки расположения противника (Вагнер).

манцы для прорыва здесь французского фронта. Сначала их страшные удары казались невыносимыми и повлекли за собой овладение значительной частью укрепленного пространства под Верденом и важными передовыми фортами Дуомон и Во. Немцы были весьма упорны; опять и опять, в течение пяти месяцев, они вели свои войска в атаку, пока овраги не наполнились потоками крови. Казалось, что они могут победить, невзирая на свои громадные потери, потому что они проявляли готовность пожертвовать любым количеством людей для того, чтобы овладеть несколькими шагами пространства. Это был критический момент мировой истории; грядущее казалось зловещим; страны со свободным образом правления колебались на весах судьбы. И у всех, кто понимал стратегическую обстановку, сердца наполнялись от этих мощных приступов на Верден ужасом, близким к отчаянию при мысли о том, что германцы прорвутся и все погибнет. Но французские солдаты, неукротимые французские солдаты, вдохновляемые своим великим вождем Петеном, преградили им путь и отбросили их; и Франция была спасена; и друзья свободы снова воспрянули духом.

ГЛАВА III.

Третья крупная ошибка германцев.

Убедившись после неудачи, постигшей ее большое наступление на Верден, что больше нет надежды прорваться на западном фронте и возобновить маневренную войну, Германия снова вернулась к своему первоначальному плану—удерживать здесь фронт, обороняя его достаточными силами для предупреждения прорыва союзников, и перешла имевшимися в ее распоряжении войсками, в последовательное наступление против России, Румынии, Италии и снова против России; и в значительной степени, благодаря выполнению этого плана, она достигла всюду полного или частичного успеха. Если бы она таким образом продолжала сосредоточение своих войск против союзных армий в Салониках и в Италии, она по всей вероятности победила бы, уничтожила или захватила в плен обе армии, ценой гораздо меньших усилий, чем те, которые она затратила позднее, в своей попытке прорвать западный фронт.

Разбив армию под Салониками, германо-австрийские армии легко вторглись бы и заняли Грецию; а разбив итальянскую армию, они могли бы занять долину р. По, богатую в земледельческом и промышленном отношениях, и двинулись бы далее к французским и Морским Альпам; и могли бы перейти Морские Альпы и вторгнуться во Францию через Ниццу. И даже, если бы Германия была здесь задержана, она легко могла бы временно удерживать линию французских Альп и на юг

от них до моря, так же, как и линию Западного фронта, пока она устраивала бы и приводила в порядок все завоеванные страны. Господствуя в Италии, Греции, Албании, Черногории, Сербии, Румынии, Болгарии, Австрии, России, и в большей части Турции, она владела бы более обширной территорией, чем владел Наполеон на высоте своего могущества.

Достигнув такого успеха, какой здесь указан, она имела бы возможность воспрепятствовать любой высадке на Балканах с Эгейского моря, в Австрии с Адриатического или в Турции с восточного побережья Средиземного моря; а если бы таковая и произошла, то находилась бы в благоприятных условиях для сосредоточения против них значительно превосходных сил и для уничтожения их раньше, чем они успели бы упрочить свое положение и двинуться вглубь страны.

По некоторым причинам Германия не продолжала следовать этому плану, но решила возобновить наступление на западном фронте и, преследуя эту цель, 21 марта 1918 г., через два с небольшим года после наступления на Верден, начала мощное наступление против союзников у Амьена, сопровождая его подобным же нападением на британцев поблизости от Ипра, а также двумя такими же атаками против французов между Реймсом и Мондидье в сторону Шато-Тьери. Сосредоточивая превосходные силы против атакованных участков, германцам удалось оттеснить противника на 35 миль против Амьена, на 30 миль к Шато-Тьери и на 10 примерно миль поблизости Ипра; но нигде им не удалось закончить прорыв и вернуться к маневренной войне.

Почему именно Германия так быстро и резко изменила весь свой стратегический план в марте 1918 г., в точности неизвестно, но главные основания для этого изменения вероятно следующие.

Первое: потому, что она чувствовала, что ей надо сделать мощное усилие для достижения победы на Западном фронте, пока американские войска еще не прибыли в большом количестве.

Второе: потому, что германское командование, узнав, что британцы имеют на некоторых участках мало развитые в глубину укрепления и очень мало за ними резервов, надеялись прорваться на этих слабых участках и вернуться к маневренной войне, атакуя их значительно превосходными силами, собрать которые явилась возможность, вследствие крушения и разложения царской русской армии.

Третье: потому, что военные авторитеты, ознакомившись с планом, составленным генералом Хутье для атаки и основанным на его опыте по овладению Ригой, а также на основании опыта легкой победы над британскими войсками после успеха британцев у Камбре, пришли к убеждению, что наилучшее осуществление прорыва достигается не последовательными мелкими атаками, как они пытались сделать у Вердена и как британцы делали на Сомме, а сосредоточением своих дивизий в превосходном числе на широких участках боевой линии неприятеля и использованием всех своих средств и способов истребления, с движением вперед на широком фронте и нанесением сокрушительного удара.

Так как стратегическая обстановка на Западном фронте за это время не изменилась, возникает вопрос: почему же германцы не сделали второй попытки прорвать фронт союзников на участке Верден—Реймс, вместо того, чтобы направлять удар вдоль Соммы от Ла-Фера на Аррас? Ответ тот, что стратегически участок Верден—Реймс был наилучшим местом для прорыва, но тактически он был самым трудным. Германцы были уже научены горьким опытом, что прорыв на этом участке был бы невозможен. Затем германцы вероятно знали,

что значительная часть французских резервов находилась в то время в Шампаньи, к югу от Реймса, и что их было очень мало позади участка Соммы. И они без сомнения знали также, что британцы построили весьма мало укрепленных линий позади этого участка со времени сражения на Сомме; и что они только недавно завладели той его частью, которая лежит южнее Сен-Кентена, и еще не успели вполне оборудовать его для обороны. Затем германцы знали также, что линия, разграничивавшая французский фронт от британского, пересекает этот участок в южной его части и что в то время еще не было общего главнокомандующего союзными армиями на Западном фронте, почему каждый из союзников действовал в значительной степени самостоятельно; это препятствовало полному единству командования, столь существенному для успеха. Все эти соображения, без сомнения, побудили германцев выбрать для своего большего наступления именно этот участок.

Их план, очевидно, заключался в том, чтобы бросить огромные силы на этих 50 милях британского фронта и устроить прорыв между французской и британской армиями, отбросив, если возможно, британцев обратно к английскому каналу, а французов—к Парижу. Затем, заслонившись против одного противника, прикончить с другим.

Направили ли бы они, в случае успеха, свои усилия сначала против британцев, чтобы, оттеснивши их к портам канала, захватить последние, или бросились бы на французов, чтобы попытаться окружить их, разбить и взять в плен вместе с их столицей, теперь неизвестно и, может быть, в то время не было известно и им, потому что они могли выжидать выяснения обстановки для принятия решения.

Но здесь можно отметить, что для германцев вероятно было бы лучше сначала покончить с британцами, так как действовать против французов

в районе Парижа в то время, когда такие крупные британские силы находились бы у них в тылу и угрожали бы их сообщениям во Франции и Бельгии, было бы весьма опасно.

Хотя своим большим наступлением, начатым 21 марта 1918 г., германцам не удалось отделить французскую армию от британской, все же они отбросили союзников примерно на 35 миль, образовав огромный клин против Амьена, имевший около 50 миль у основания; и немедленным последствием этого было превращение слегка выгнутого фронта между Верденом и английским каналом в ломаный фронт, который шел от Вердена на запад, мимо Нойона, до пункта, лежавшего на милю южнее Мондидье, и затем на север до Ньюпора на английском канале. Это изменение фронта от изогнутого к ломаному, также как образование клина против Амьена, не только видоизменили стратегическую обстановку для сражавшихся армий, но и привели немедленно к об'единению действий союзников, побудив их выбрать генерала Фердинанда Фоша общим главнокомандующим. Обсудим каждое из этих изменений отдельно и подробно под следующими рубриками: ломаный фронт, клин, единство командования.

Ломаный фронт.

Занимая участок театра военных действий, расположенный внутри ломаного фронта, германцы пользовались преимуществами внутренних линий, которые давали им возможность сосредоточивать превосходные силы на западном или южном участках своего фронта гораздо быстрее и легче, чем могли сделать это союзники, находясь вне ломаного фронта.

Но, с другой стороны, этот ломаный фронт давал союзникам большое преимущество в стратеги-

ческом отношении, заключавшееся в том, что, в случае своего прорыва в какой либо части этого фронта, они настолько угрожали бы сообщениям германцев, атаковавших их в другом месте, что заставили бы их отступить для сохранения своих сообщений. Другими словами, это давало союзникам возможность следовать основному стратегическому принципу, гласящему, что следует угрожать сообщениям противника, не подвергая опасности своих собственных, потому что было не важно, пойдут ли они в северном направлении от участка Реймс—Верден на Мезьер и Седан, или в восточном от участка Амьен—Аррас—Ленс на Гирсон и Мобеж; в обоих случаях они перерезали бы большое количество германских линий сообщений и создали бы серьезную угрозу для остальных, нисколько не подставляя своих собственных под удары германцев.

Это преимущество, которым обладали союзники, при достаточных силах или умении использовать его, значительно превосходило то, которым обладали германцы, вследствие своего центрального расположения и внутренних линий. Об'ясняется это тем, что наступление непосредственно на линии германских сообщений не только тотчас же остановило бы германское наступление, но и поставило бы немцев в весьма опасное положение и побудило бы отступить, с целью вступить в бой за свои потерянные или угрожаемые сообщения.

Возьмем пример: предположим, что в то время, когда германцы начали свое большое наступление 21-го марта, или на день или два позднее, французы, сосредоточив в Шампаньи свои резервы, приготовились бы произвести крупное наступление к северу с участка Реймс—Верден и прорвались бы на значительно бо́льшую глубину, чем германцы в своем крупном наступлении на Амьен, и захватили бы железнодорожные линии, идущие с востока на запад южнее Арденских гор;

каков был бы в этом случае результат? Ответ будет тот, что германцам пришлось бы остановить свое наступление, повернуть обратно и либо сражаться за свои потерянные железные дороги, либо стараться выбраться из мешка, в который их загнал этот маневр, отступая к северо-востоку до линии железной дороги Шарлеруа — Намюр — Льеж—Аахен.

Если возразят на это, что Аргонский лес, расположенный прямо на север от участка Реймс—Верден, представляет собой настолько трудную для боевых действий местность и настолько был сильно укреплен и обороняем, что вряд ли можно было бы рассчитывать проложить себе через него путь, то на это можно ответить, что американцы впоследствии прошли через него при наличии самого отчаянного сопротивления; и что могущественная атака в этой жизненной части ломаного фронта, даже если бы она не проложила здесь широкого пути, все же принудила бы германцев задержать свои головные дивизии и отослать многие из них обратно, с целью остановить наступление французов, подобно тому, как им пришлось это сделать несколько месяцев спустя для того, чтобы остановить наступление американских войск.

Правило или принцип войны, применимый для таких случаев, может быть выражен таким образом: там, где враждующие армии совершают маневр против сообщений противника или атакуют одна другую, та из них, сообщения которой наиболее угрожаемы, неизменно окажется вынужденной отказаться от наступления и отступить для боя за свои сообщения. „Значение такого явления,—говорит Хемлей,—огромно, потому что начальник, очутившись в тылу противника, в то время как его тыл еще неуязвим для врага, может откинуть всякие опасения за свои сообщения и стягивать все свои части к решающему пункту, уверенный, что противник вынужден будет отказаться от своих наме-

рений с целью, по возможности, восстановить свое положение“ [1]).

Полагают, что в истории не было исключений из этого правила, кроме тех немногих случаев, когда главнокомандующий решал бросить свои сообщения, в виду того, что он установил или предполагал установить новые; так сделал Наполеон под Аустерлицем [2]), где он не принимал мер для обеспечения своих угрожаемых сообщений на юг с Веной, потому что уже подготовил себе новые на запад через Богемию, которыми он воспользовался бы, если бы был разбит; так сделал Шерман в Атлантском походе, когда он не пытался прикрывать своих сообщений с Чатанугой, во время движения Гуда в тылу его расположения, с целью отрезать его от них, потому что он решил бросить эти сообщения и направиться к морю, где он предполагал устроить новую базу для будущих операций.

Казалось бы, что для союзников, имевших возможность нанести удар по сообщениям противника, прорвавшись с той или другой стороны ломаного фронта, представлялся удобный в стратегическом отношении случай для успеха, так как германцы для своих крупных атак неизменно выбирали тот участок, за которым было сосредоточено союзниками немного резервов, а сами, прежде чем делать попытку прорыва, стягивали свои резервы, соответственно ослабляя те из участков своего собственного фронта, против которых были сосредоточены резервы союзников, и делая их этим наиболее подходящими участками для успешного наступления противника.

Но известно, что ничего подобного не было предпринято. Напротив, когда германцы начали свое наступление 21 марта 1918 г., резервы союзников в Шампаньи и все другие, которые можно было

---

[1]) Хемлей, „The Operations of War“, стр. 93.
[2]) Саджент, „Napoleon Bonaparte's First Campaign“, стр. 186 и 187.

стянуть, были с возможной быстротой двинуты вдоль фронта для остановки наступления германцев на Амьен; а когда германцы начали свое второе большое наступление южнее Ипра 9 апреля, резервы спешно перебросили на север к этому пункту для поддержки британцев, находившихся в критическом положении, „прижатыми к стене“ и отчаянно сражавшихся, чтобы не быть отброшенными к морю; затем, когда германцы произвели третье большое наступление 27 мая на Шато-Тьери и вторично в течении войны достигли Марны, резервы спешно были посланы на этот фронт, чтобы остановить германцев и помешать им отрезать правое крыло французов и дойти до Парижа.

Почему все усилия союзников остановить германцев в течении этих четырех месяцев, с 21-го марта до 18-го июля,—когда Фош начал свое большое наступление, — сводились исключительно к оборонительным действиям? До тех пор пока не будет вполне выяснена обстановка, на этот вопрос нельзя ответить удовлетворительно; вероятно, это в значительной степени зависело от отсутствия у союзников общего главнокомандующего до большого германского наступления 21-го марта; потому что следует помнить, что для подготовки наступления необходимо время, и что „переход от обороны к наступлению,—по словам Наполеона, — является одной из самых трудных военных операций“ [1]). Разумеется, целью союзников в течение этих четырех месяцев было сдерживать германцев до тех пор, пока Америка не подвезет во Францию достаточного числа войск, чтобы дать союзникам численное превосходство. Но была ли эта чисто оборонительная стратегия, которая, повидимому, входила в расчеты союзников до контр-наступления, предпринятого генералом Фошем 18-го июля,—настолько же выгодной для достижения искомого результата, как

[1]) Генерал Бюрно, „Napoleon's Maxims of War“, стр. 50.

могла бы быть стратегия оборонительно-наступательная, это—вопрос!

Что касается выжидания перевеса сил для перехода в наступление, то в пользу его говорит следующее: так как американцы отправляли во Францию в среднем больше двухсот тысяч солдат в месяц, то союзники вскоре должны были значительно превосходить германцев численно. Но оправдывало ли их это выжидание перевеса сил в течении этих критических месяцев? Быть может! Какой бы то ни было ценой, но оно привело к успеху. Тем не менее следует твердо помнить, что великие полководцы редко находили нужным, даже в критические минуты, выжидать перевеса сил для перехода к наступательным действиям; и что нередко такие действия приводили к крупнейшим победам. Значительный перевес сил противника не помешал Роберту Ли и его великому сподвижнику, „каменному" Джексону, выиграть сражение у Ченселорсвиля; также не помешал он и Бонапарту во время его первого итальянского похода, несмотря на постоянное значительное численное превосходство неприятеля на театре войны, оказываться сильнее противника на каждом поле сражения и разбить и сокрушить одну сардинскую и шесть австрийских армий, последовательно выставленных против него [1]).

Но пока события не будут вполне выяснены, нельзя подвергнуть окончательной критике ни одну из союзных операций в течение этих четырех критических месяцев. Тем не менее, из того, что известно, и судя по стратегическому искусству, проявленному фельдмаршалом Фошем, как главнокомандующим в его последующих операциях на Западном фронте и в других местах, я заключаю, что если бы он был назначен главнокомандующим союзными армиями достаточно заблаго-

[1]) „Napoleon Bonaparte's First Campaign", стр. 168 и 169.

временно до большого наступления германцев на Амьен, начатого 21-го марта 1918 г., чтобы успеть составить и выполнить свой план для встречи этого наступления, то он положил бы ему предел гораздо раньше, чем он в действительности сделал это.

Клин.

Мы видели, как германцам трижды удалось оттеснить союзников на расстояние от 10 до 35 миль, путем сосредоточения превосходных сил против слабых участков их фронта, но нигде они не могли выполнить прорыва. Причина этого заключалась в том, что в каждом случае, когда они продвигались сквозь линию окопов противника, они создавали обстановку, которая делала их собственные линии все более и более уязвимыми и все более затрудняла их оборону. Другими словами, они создавали клин.

Клин уязвим; его слабые в стратегическом отношении пункты лежат вдоль его сторон близ основания, потому что сильная на них атака, угрожая сообщениям войск, занимающих клин, заставила бы, в случае своего успеха, отступить эти войска.

При этом, преимущества центрального положения, т. е. внутренних линий, которыми обладают занимающие его войска, уступают тем выгодам, которые имеет противник, пользуясь внутренними линиями ломаного фронта по обе стороны клина. Возьмем пример: пусть линия *ABCDE* изображает

линию фронта двух враждующих армий. Теперь, если, вследствие своего центрального положения, войска, занимающие клин *BCD*, имеют преимущество внутренних линий, очевидно, что такое преимущество более чем уравновешивается преимуществом внутренних линий, которым обладают войска противника, занимающие входящие углы *ABC* и *CDE*.

И потому в действительности, если клин мал, или переполнен войсками, последние не имеют никаких стратегических преимуществ; напротив, для них возникают большие стратегические невыгоды: во-первых, занимаемое ими пространство слишком тесно для маневрирования; а во-вторых, они подвергаются перекрестному огню неприятеля, занимающего входящие углы. Войска, находящиеся внутри клина, нередко расположены таким образом, что дальнобойные орудия могут анфилировать их с одной стороны клина до другого, или бить им в тыл.

Также, многочисленные обыкновенные и железные дороги внутри клина, хотя и совершенно необходимые для перевозки людей и предметов снабжения, являются в стратегическом отношении источником слабости для войск, занимающих клин, главным образом потому, что их можно обстреливать, по различным направлениям и часто вдоль на большом их протяжении, артиллерией, расположенной во входящих углах или у вершины клина. И характер местности, и направление и расположение дорог внутри клина, конечно, сильно влияют на стратегическое положение занимающих его войск, но это особые вопросы, требующие отдельного рассмотрения.

Затем, клин сам по себе не только слаб, но он ослабляет и весь фронт, значительно удлиняя его, и вызывая этим необходимость иметь гораздо больше войск для его обороны. Таким образом, стороны *BC* и *CD* требуют больше чем вдвое войск

для их обороны, чем потребовало бы основание *BD*, которое является линией первоначального фронта. И разумеется, когда число этих клиньев увеличивается, сильно ослабляется фронт, так как соответственно их количеству значительно увеличивается его протяжение. Но с другой стороны, не следует забывать, что это ослабление относится не только к одной стороне, потому что неприятельский фронт соответственно тоже удлиняется и ослабляется.

Здесь, может быть, не лишним будет замечание, что предыдущие суждения относятся главным образом к так называемому стратегическому клину, т. е. клину, достаточно обширному, чтобы вмещать внутри себя дороги обыкновенные и железные, и другие пути сообщений и делать возможными и часто выполнимыми для войск, расположенных вне клина, стратегические марши и маневры, направленные против войск, расположенных внутри. Только в прошлой войне появились такие клинья, потому что только в эту войну боевые линии получили протяжение, допускавшее их развитие до крупных размеров. В прежние войны клинья бывали небольшие, и вследствие этого их слабость об'яснялась почти исключительно тактическими соображениями. В тактическом отношении, при прочих одинаковых условиях, невыгода клина для занимающих его войск заключается в математическом рассчете, что с внешней стороны угла возможно выставить больше людей и орудий для обстреливания его внутреннего расположения, чем сосредоточить внутри угла для обстрела его внешней стороны. Это—главная причина, почему клин „Персиковый Сад“ у Геттисбурга был слабым пунктом в линии федералистов; также „Кровавый Угол“ в Спотсильвании — слабым пунктом линии конфедератов; и вершина крупного стратегического клина у Шато-Тьери—слабым пунктом германской линии. Тактически,—каждый из крупных герман-

ских клиньев был слабым у вершины; стратегически,—каждый из них был слаб у своего основания.

Указавши на слабость клина в отношении занимающей его стороны, следует обратить внимание на тот факт, что после того, как было остановлено большое наступление германцев против Амьена 21 марта 1918 г., и до начала германского наступления южнее Ипра 9-го апреля того же года, представлялся великолепный случай для нанесения сокрушительного удара в основание Амьенского клина. Такой удар, если бы он был нанесен с достаточными силами, явился бы угрозой для сообщений войск, занимавших клин, и заставил бы их или отступить или отчаянно сопротивляться прорыву союзников у основания клина. Во всяком случае, в результате этого, несомненно, наступление к югу от Ипра было бы остановлено так же, как и всякое дальнейшее наступление германцев на какую-либо из сторон ломаного фронта.

Но неиспользование генералом Фошем этих благоприятных условий для своевременного наступления, однако, еще не доказывает, чтобы он не уяснял себе вполне уязвимости Амьенского клина от нападения союзников. Напротив, его последующие мастерские операции, начавшиеся с большого контр-наступления на клин Шато-Тьери 18-го июля 1918 г. и продолжавшиеся до тех пор, пока все германские клинья, включая и клин Сен-Мьеля, не были срезаны, и германцы не были отброшены на линию Гинденбурга и даже за нее, являются неоспоримыми доказательствами его полного понимания слабости клиньев и того—как и когда атаковать их.

Единство командования.

До начала большого наступления германцев в марте 1918 г. и во время такового, у союзных армий не было общего главнокомандующего. Каждая из них действовала более или менее само-

стоятельно; и так как было мало или вовсе не было согласованности в их действиях, то это угрожало серьезными последствиями. В особенности это верно в отношении германского наступления в марте. То здесь, то там обнаруживалась серьезная необходимость в едином главнокомандующем союзными армиями. Вследствие этого, 28-го марта, ровно через две недели после начала этого наступления, генерал французской армии Фердинанд Фош был назначен главнокомандующим.

До этого времени такое назначение встречало сильное противодействие. Еще в 1915 г. лорд Китченер высказывался за согласованность действий у союзников, но ничего не было сделано в этом направлении. В июле 1917 г., на совещании начальников союзных штабов Великобритании, Франции и Италии, было вынесено постановление о спешной необходимости установить единство действий, если желательно достигнуть успеха; но все же главнокомандующий не был назначен. Затем, в ноябре 1917 г. на совещании премьер-министров Великобритании, Франции и Италии и начальников штабов союзных армий, происходившем в Рапалло, близ Генуи, был поставлен вопрос о назначении главнокомандующего, который руководил бы всеми союзными армиями; но британский премьер, Ллойд Джордж, заявил, что он безусловно против такого плана. Соответственно этому был образован, в виде компромисса, междусоюзнический оперативный орган, известный под названием Верховного Военного Совета. Он должен был состоять из премьер-министра и одного члена правительства каждой из великих держав, войска которых сражались на Западном фронте. Его первым действием было образование междусоюзнического генерального штаба, состоявшего из генералов Фоша (французской армии), Вильсона (британской армии) и Кадорны (итальянской армии).

В Великобритании и в британской армии сильно возражали против образования этого Верховного Военного Совета, главным образом, на том основании, что его предложения, сделанные с целью достижения единства действий, не только подчинили бы военное командование политическому контролю, но и оказались бы неприменимыми и недействительными в военном отношении; и 14 ноября 1917 г. Ллойд Джордж сделал в палате общин следующее заявление:

„У Совета не будет исполнительной власти и права принимать окончательные решения в вопросах стратегии, а распределение и передвижение различных армий останется делом отдельных союзных правительств. Поэтому у него не будет оперативной деятельности".

18-го ноября 1917 г. президент Вильсон опубликовал свою телеграмму полковнику Эдуарду Гоузу, в которой он подчеркивал, что правительство Соединенных Штатов считает „единство плана и руководства у союзников и Соединенных Штатов существенным", и приглашал его, вместе с генералом армии Соед. Шт. Тамер Блисом, участвовать, в качестве военных советников на первом заседании Верховного Военного Совета в Версали 1-го декабря 1917 г. Этот поступок президента был истолкован, как устранявший все сомнения по поводу отношения его правительства к Верховному Военному Совету. В сущности это было равносильно признанию за ним неограниченных полномочий.

6-го декабря 1917 г. генерал Фош был отозван, как представитель Франции, из междусоюзнического генерального штаба Верховного Военного Совета для назначения военным советником при французском премьере Клемансо, а на его место был назначен генерал Вейганд.

В третий раз Верховный Военный Совет заседал от 30-го января до 2-го февраля 1918 г. в Версали. Из официального отчета о его постановлениях, об'явленного 3-го февраля, оказывается, что

решения, принятые Советом на этих совещаниях, „касаются не только общей военной политики, обязательной для союзников на всех главных театрах войны, но в особенности имеют целью более близкое и действительное согласование, под руководством Совета, всех усилий держав, участвующих в борьбе с центральными империями".

5-го февраля, в палате общин, канцлер казначейства Андрью Бонар-Лоу заявил, в ответ на запрос, что Совет на этих собраниях не назначил главнокомандующего; и в тот же день было сообщено из Вашингтона, что „в настоящее время американский представитель, заседающий в Совете, не даст своего согласия на какое либо постановление, кроме чисто военного, не сносясь предварительно со своим правительством и не получивши его одобрения".

Из этого видно, что, несмотря на заявление британского премьера, Верховный Военный Совет занялся на этих собраниях определением военных мероприятий, которые надлежало выполнить, и был озабочен более тесной и действительной согласованностью действий, но не путем назначения главнокомандующего, а „под руководством самого Совета"; и что правительство Соединенных Штатов давало заранее свое согласие на признание любой меры и любого постановления Совета, имеющих чисто военный характер, но воздерживалось от поддержки постановлений другого рода, пока они не были ему сообщены и одобрены им.

Но существенным результатом всего этого было то, что главнокомандующий не был назначен; и что высшее руководство продолжало оставаться в руках этого Совета и, вероятно, оставалось бы неопределенное время, если бы большое наступление германцев в марте не сделало безусловно необходимым немедленное назначение главнокомандующего.

Генерал-майор британской армии сэр Фредерик Морис, говорит, что во время этих собраний, Со-

вет „возложил высшее руководство союзными силами Западного фронта на исполнительный орган, состоявший из представителей армий американской, французской, итальянской и британской, под председательством генерала Фоша“; и что „это означало передачу высшего управления союзными операциями в руки совещательного органа“ [1]).

Но должно ли было высшее командование оставаться в руках самого Верховного Военного Совета или в руках назначенного им исполнительного комитета, это не важно, потому что в обоих случаях в результате должна была получиться неудача. Это доказывает история: неизменно, когда высшее руководство армиями возлагалось на совет или комитет, дело кончалось неудачей; потому что решение комитета или совета означает затяжку, пререкания, полумеры; а все это имеет роковой характер на войне. Должно быть очевидно, что ни одна сторона, принимавшая участие в компромиссном решении, и призванная выполнять его, не может питать доверия к его результатам, так как она всегда будет уверена, что ее собственное предложение гораздо лучше. На войне необходимо быстрое решение, единство цели, смелость действия, уверенность в своем собственном плане; откладывать, обсуждать, предлагать полумеры означает навлекать на себя поражение. „Гофкригсрату,— сказал Жомини в 1804 г.,—Австрия обязана всеми своими поражениями со времени принца Евгения Савойского“.

Было счастьем для союзников, что у них хватило мудрости назначить главнокомандующим генерала Фоша хоть тогда, когда они это сделали, и не предоставлять дальнейшего ведения кампании Верховному Военному Совету. А несчастье их в том, что у них не хватило мудрости назначить его главнокомандующим тогда, когда впервые воз-

[1]) Морис, в Review of Reviews, август, 1918 г., стр. 158.

ник вопрос об'единстве командования; или, по крайней мере, назначить его до 21-го марта 1918 г., и этим дать ему возможность выработать свой план и подготовиться к встрече этого большого наступления.

В этом отношении будет уместно припомнить взгляды Наполеона на высшее значение единства командования. В одном из своих изречений он сказал: „На войне нет ничего важнее единого командования". И во время своего первого итальянского похода, во многих отношениях самого удивительного из когда-либо бывших, когда директория, завидуя его блестящим успехам в Италии, задумала положить конец его карьере, назначением генерала Келлермана для совместного с ним командования его победоносной армией, он подал в отставку и написал директории:

„В высшей степени нецелесообразно разделять итальянскую армию, равным образом не соответствует интересам республики возглавлять ее двумя генералами... Если вы ослабите ваши средства разделением ваших сил; если вы нарушите в Италии единство военного замысла, я с горестью скажу вам, что вы потеряете наилучшую из когда-либо существовавших возможностей предписывать Италии законы.

„У всякого свой метод ведения войны. У Келлермана больше опыта и, может быть, он будет вести ее лучше меня. Но вместе мы не сделаем ничего, кроме вреда. Ваше решение в этом вопросе имеет большее значение, чем 15.000 человек, посланных к Болье австрийским императором".

А к Карно он писал:

„Присоединить ко мне Келлермана значит желать проиграть все. Я не могу охотно служить вместе с человеком, мнящим себя наилучшим тактиком в Европе; кроме того, я думаю, что один плохой генерал лучше двух хороших. Искусство воевать, как и управлять, является делом такта".

Таким образом, мы видим, что Наполеон считал единство командования существенно необходимым для выигрыша войны; что он находил его более важным, чем подкрепления, посылаемые его противнику; и что его уверенность в этом отношении была так сильна, что он считал, что лучше иметь во главе армии одного плохого генерала, чем двух хороших.

Никогда в военной истории единство командования не играло такой важной роли, как во время великой мировой войны. Операциями центральных держав руководила Германия. Верховная власть была в руках главнокомандующего германскими армиями, при котором состоял германский генеральный штаб. Австрийская, турецкая и болгарская армии, все подчинялись ему. Вследствие этого у центральных держав было единство командования, из которого вытекало единство замысла, единство цели и единство действия. В результате получалось, что как только был принят какой-либо операционный план, все средства и наличные военные силы центральных держав пускались в дело для успешного его проведения. Этому единству командования Германия в значительной степени обязана своими крупными победами в России, Италии и на Балканах, и, несмотря на ее изумительные стратегические промахи, была в пяти случаях близка к выигрышу войны на Западном фронте.

Но у союзников в течение почти четырех лет не было ни главнокомандующего, ни единства действий. Каждая из союзных армий действовала в значительной мере независимо от других. Между ними было мало согласованности, а если таковая и была, то она основывалась на обоюдном соглашении и не была обязательной для них. В результате этого, союзники были вынуждены потратить четыре года почти исключительно на оборонительную войну; и на Марне, и у Вердена, и во время больших наступлений германцев 21 марта, 27 мая и 15 июля 1918 г., они были близки к окончательному поражению, хотя большую часть этого времени они имели численный перевес в силах.

Конечно, успехи центральных держав не могут быть приписаны всецело единству командования, как и неудачи союзников его отсутствию, но, несомненно, оно играло большую роль в решающих

последствиях; в действительности настолько, что сомнительно, выиграли ли бы союзники войну, если бы не был назначен общий главнокомандующий.

Одним из замечательных явлений этой войны оказывается почти четырехлетнее ее ведение союзными армиями без общего главнокомандующего; а также то обстоятельство, что менее, чем через восемь месяцев после его назначения, война была закончена. Еще более замечательным, может быть, является тот факт, что союзники допустили четырехлетнее ведение войны, не делая почти никакой серьезной попытки назначить общего главнокомандующего. Правда, вопрос о назначении его обсуждался стоявшими у власти, но когда нужно было действовать, наиболее близким шагом к этому явилось образование Верховного Военного Совета, пока, наконец, наступление германцев 21 марта не вынудило к этому.

Но из этого не следует, что если бы раньше назначили главнокомандующего, то война непременно и кончилась бы раньше, потому что это зависело бы от личности избранного главнокомандующего. Только война выявляет гений командования и руководительства; а потому выбор союзного главнокомандующего в начале войны был бы нелегкой задачей. Однако, блестящие действия генерала Фоша в первом сражении на Марне ясно показали, что он мог бы быть наиболее подходящим для этого лицом.

ГЛАВА IV.

Большое наступление германцев.

Прежде чем продолжать стратегический обзор операций на западном фронте уместно будет упомянуть о численности сторон.

21 марта 1918 г. боевые силы германцев, вероятно, превышали таковые союзников примерно на 300 тысяч человек; но пока шли недели и месяцы, все больше и больше прибывало американских войск, и исчезало это неравенство между сторонами; и 18-го июля 1918 г., когда Фош начал свое большое встречное наступление, боевая мощь союзников на западном фронте, вероятно, настолько же превышала германскую, насколько германская превышала ее 21-го марта.

Но следует постоянно иметь в виду, что перевес боевой силы у какой либо из сторон не является необходимым для осуществления Наполеоновского принципа о сосредоточении превосходных сил против противника в пункте атаки, потому что опытный полководец нередко сумеет достигнуть этого либо внезапностью, либо быстротой сосредоточения, либо искусством в маневрировании, независимо от того, обладает ли он или его противник общим численным превосходством на театре военных действий.

Здесь, может быть, уместно упомянуть, что в течение более 4-х лет жестоких и кровавых боев на Западном фронте, постоянным стремлением командования обеих сторон,—направляли ли удар на какой-либо слабый пункт расположения против-

ника, или били в основание его выступов, или пытались сделать прорыв на широком фронте, с целью возобновить маневренную войну,—было стремление сосредоточить на поле сражения, против намеченных целей, число войск, значительно превосходившее неприятельские силы.

Генерал Фош, в своей книге „Принципы войны", называет этот принцип,—„употреблением численного превосходства для достижения решительного результата", и иллюстрирует его разговором, происходившим между Бонапартом и Моро в 1799 г. у Гойе [1]), который передает его в следующих словах:

„Оба генерала, никогда не видавшие друг друга, казались очень довольными встречей. Было замечено, что оба с минуту, молча, смотрели друг на друга. Бонапарт заговорил первым и сказал Моро о том, как он долго желал с ним познакомиться: „Вы возвращаетесь из Египта после победы,—отвечал ему Моро,—а я из Италии после крупного поражения..." После краткого об'яснения причин этого поражения, он прибавил: „нашей храброй армии невозможно было одолеть при таком перевесе сил у противника. Ведь численно сильнейший всегда одолевает численно слабейшего".

„Вы правы,—сказал Наполеон,—численно сильнейший всегда бьет численно слабейшего".

„Но, генерал, ведь вы с небольшой армией часто били большие армии",—сказал я Наполеону.

„Даже и тогда,—сказал он,—численно слабейший был бит численно сильнейшим".

Вслед затем он изложил нам свой следующий прием:

„Когда я оказывался с малыми силами перед большой армией, я быстро сосредоточивал свои силы и молниеносным ударом на одно из крыльев неприятеля разбивал его, затем, я пользовался вызванным этим в рядах противника замешательством, чтобы произвести нападение на другой пункт, также всеми моими войсками. Таким образом, я разбивал неприятеля по частям, но явившаяся в результате этого победа была всегда, как видите, торжеством большего числа над меньшим" [2]).

После недели жестокой борьбы с германцами во время их большого наступления на Амьен 21-го марта 1918 г., их натиск был, наконец, остановлен французскими резервами, спешно стянутыми на этот фронт, главным образом, из Шампаньи; и в первый же день принятия генералом Фошем

[1]) В то время президент директории (*прим. ред.*).
[2]) Фош, „The Principles of War", стр. 97 и 98.

верховного командования союзными армиями он об'явил, что Амьен спасен [1]).

Затем, после перерыва в 11 дней, германцы начали 9 апреля 1918 г., свое крупное наступление к югу от Ипра; оно продолжалось с жестокими боями и переменным успехом до их последней атаки—29-го апреля, когда чрезвычайно тяжелые потери заставили их отказаться от своей попытки прорвать здесь британский фронт. Как под Амьеном, так и под Ипром прибытие французских резервов решило дело в пользу британцев и дало им возможность остановить германцев.

С 29-го апреля по 27-ое мая германцы снова приостановили свой натиск, с целью подготовки своего третьего крупного наступления. Вопрос шел о том, куда им направить удар. Направлять ли его на западную сторону ломаного фронта, куда нибудь между Мондидье и Ипром, или на южную, где-нибудь между Нойоном и Верденом. Существовало несколько причин, по которым они должны были избрать и избрали для этого южную сторону:

Во-первых: Французские резервы были расположены вдоль западной стороны, доходя к северу до Ипра, но главным образом сосредоточивались у Амьена, прикрывая стык между британской и французской армиями.

Во-вторых: То обстоятельство, что резервы держались на западной стороне, указывало на то, что французское и британское командование ожидают ближайшей атаки с этой стороны и готовы встретить ее.

В-третьих: Сделавши прорыв на южной стороне и распространивши его далее между Парижем и Нанси, германцы не только отрезали бы правое крыло французов, занимавшее Верден и линию Вогезов, от левого крыла французов, расположенных против Парижа и к северо-востоку от него,

---

[1]) Франк Г. Саймондс в „Review of Reviews", июнь 1918 г., стр. 593.

но и захватили бы сообщения французского правого крыла и оказались бы в положении, благоприятном для пленения или истребления его. Кроме того, такой удар угрожал бы сообщениям американских войск между их расположением у выступа Сен-Мьеля и портами их высадки на западном и южном побережьях Франции; а также сделал бы для них весьма затруднительным, при отступлении, вывоз большей части тех боевых и продовольственных припасов, которые они заготовили в этом районе.

Из этого мы видим, что прорыв на любом участке этого фронта давал германцам возможность следовать стратегическому принципу, требующему бить противника по частям, удерживая одну заслоном и сосредоточивая превосходные силы против другой, с целью разбить ее или захватить в плен, а затем обратить все свои силы на остальные неприятельские войска; но только на южном фронте германцы могли одновременно с этим выполнить и другое стратегическое требование— бить по сообщениям противника, не подвергая опасности свои собственные.

Сообразно этому, 27-го мая 1918 г. германцы начали свое третье большое наступление на боевые линии союзников, на фронте, примерно, в 30 миль, от места, где эти линии пересекали р. Эн, в 10—12 милях севернее Реймса и до пересечения их железной дороги Суассон-Лаон, в 7 милях, примерно, на северо-восток от Суассона.

Атака на этом фронте была большой неожиданностью для союзников, и некоторое время она протекала крайне успешно. Французы были буквально сметены с Шмен-де-Дам, отброшены через Эн, и далее через Вэль. Четыре французских дивизии были совершенно уничтожены; а британские войска, стоявшие севернее Реймса, оставшись с неприкрытым флангом, должны были отступить к этому городу. Это, в сущности, открыло путь

для дальнейшего наступления; и германцы, немедленно воспользовавшись этим, ринулись вперед, почти не встречая сопротивления. Это был тяжелый момент для генерала Фоша, потому что для противодействия атаке германцев у него были только остатки четырех французских дивизий и небольшие, находившиеся под рукой, местные резервы.

Наступление продолжалось около недели. Германцы взяли Суассон, завладели железной дорогой Суассон—Шато-Тьери, продвинулись на юг к Шато-Тьери и к северному берегу Марны, и перерезали железную дорогу Париж—Шато-Тьери—Шалон—Верден, одну из важных линий, связывавшую французское правое крыло с Парижем.

Но у Шато-Тьери и на Марне они были окончательно остановлены французскими и американскими резервами, которые были стянуты к угрожаемому участку с других участков расположения союзников. Здесь, у моста через Марну, против Шато-Тьери, у Буреш, в лесу Бело и у Во, 2-я и 3-я американские дивизии, великолепно сражавшиеся, помогли остановить продвижение германцев, заслуживши этим немеркнущую славу. Первая американская дивизия уж отличилась при захвате Кантиньи, близ Мондидье, 28 мая, на следующий день после начала этого большого наступления.

В общем, это наступление было успешным для германцев. Они отбросили союзников за 30 миль в направлении своего наибольшего продвижения. Но это не был тот успех, на который они рассчитывали, т. к. они были остановлены ранее, чем могли достигнуть полного прорыва и возобновить маневренную войну. И что было важнее всего для союзников, это то, что германцы не могли отбросить их дальше, чем на 4 или 5 миль западнее Суассона, и не могли занять Реймса или лежащей близ этого города возвышенности. В результате этого, они остались обладателями длинного, узкого,

опасного клина у Шато-Тьери. Но не один этот клин причинял им беспокойство. Амьенский клин был также длинный, узкий и опасный. Оба были чрезвычайно уязвимы. Оба представляли для союзников великолепные условия для нанесения германцам сильного удара.

В этой стеснительной и опасной обстановке германцы увидели, что они должны попытаться расширить основание этих двух узких клиньев и сделать их менее уязвимыми и опасными, прежде чем приступать к дальнейшей попытке прорыва к югу. Это всего лучше могло быть достигнуто атакой, направленной с участка Нойон—Мондидье западнее реки Уазы к Компьену, т. к., в случае достижения этой цели, французы были бы вынуждены уйти с возвышенностей и лесов узкого клина Компьен—Нойон—Суассон, в угол между р. р. Уазой и Эном, и этим слить между собой клинья Амьенский и Шато-Тьери. Или, точнее выражаясь, такая атака, в случае успеха, совершенно сгладила бы амьенский клин, а узкий клин Шато-Тьери сделала бы более широким, обширным и менее уязвимым; общее очертание последнего шло бы с одной стороны от Мондидье через Компьен на Шато-Тьери, а с другой—от Шато-Тьери на Реймс.

9-го июня 1918 г., как раз через две недели после начала своего наступления на Шато-Тьери, германцы атаковали значительными силами на фронте Нойон—Мондидье. Но для союзников это не было неожиданностью, как 27-го мая. В ожидании этой атаки, они держали резервы под рукой для ее встречи. Тем не менее, благодаря отчаянной борьбе и многочисленным жертвам, германцы имели некоторый успех. Они отбросили французов из окрестностей Нойона на 5 или 6 миль вниз по западной стороне долины Уазы; и это продвижение, угрожавшее сообщениям французов на восточном берегу реки, заставило их отступить вниз по реке. Но несмотря на самые напряженные усилия,

германцам не удалось достичь своей цели. 13-го июня они все еще слегка продвигались то здесь, то там, ценой огромных потерь; но уже 15-го—четвертое большое наступление германцев было, в сущности, остановлено, при чем линия германского продвижения все еще лежала милях в 6-ти от Компьена.

Общий итог этих 7 дней ожесточенных боев сводился к тому, что германцы выдвинули линию своего расположения между двумя клинами на 5—6 миль и захватили некоторое выгодное пространство, но далеко не достигли своей цели; тем не менее, продвижение на этом участке их фронта имело для них большое значение, т. к. оно значительно расширяло основание клиньев Амьенского и Шато-Тьери, уменьшая их уязвимость.

После этого последовал месячный перерыв, в течение которого германцы подготовляли свое пятое большое наступление, а союзники довольствовались оборонительным положением, т. к. каждый день отсрочки прибавлял в среднем от 7 до 8 тысяч человек к американским силам во Франции.

В общей стратегической обстановке не произошло изменений. Лучшим стратегическим планом, как и вначале, оставался прорыв на южном участке, движение через него между Парижем и Нанси и захват сообщений французского правого крыла, занимавшего линию Вогезов. А т. к. наступление германцев на Шато-Тьери создало французский клин—хотя и широкий, с Реймсом у вершины, то это явилось лишним поводом для нанесения удара на этом участке, потому что было ясно, что если бы германцы прорвались с одной стороны этого клина, между Реймсом и Аргонским лесом, и с другой—между Реймсом и Шато-Тьери, они захватили бы сообщения занимавших его войск, или угрожали бы им, что в общем привело бы к захвату их или отступлению противника. Кроме того, такая атака одновременно расширила бы клин

Шато-Тьери и сделала бы его значительно менее уязвимым для атаки союзников.

Но, в свою очередь, в виду того, что французы овладели Реймсом, Фош мог начать контр-наступление от этого пункта на север и на запад и отрезать дороги, грунтовые и железные, столь жизненно необходимые для германских войск, занимавших клин Шато-Тьери. Атака к северу, на Эн, перерезала бы железную дорогу Суассон—Нефшатель — Ретель — Мезьер; атака к западу, на Фим, перерезала бы железную дорогу Шато-Тьери—Фим.

Эти доводы, очевидно, казались неоспоримыми для союзников, потому что они ожидали наступления германцев именно по этим направлениям; и, следовательно, когда оно началось, они не были захвачены врасплох, как при наступлении 27 мая на Шато-Тьери. Важна была месячная отсрочка и для Фоша, давшая ему время подготовиться ко второй атаке.

15-го июля 1918 г. германцы начали свое пятое и последнее большое наступление на фронте, примерно миль в 75, от западной опушки Аргонского леса, мимо Реймса, на Шато-Тьери; и когда действия стали развиваться, этот фронт расширился к северу от Шато-Тьери на 25 миль к Суассону.

Но с самого начала германцы мало продвинулись между Аргонским лесом и Реймсом. Генерал Гуро, командовавший этим участком французской линии, за несколько дней до начала германского наступления определил его начало и так искусно подготовил противнику встречу, что большая часть германских войск на его участке была совершенно уничтожена. Ему содействовала при отражении этой атаки 42-я американская дивизия, с большим мужеством сражавшаяся близ Перта.

Близ реймского клина, с восточной его стороны, германцы вообще мало продвинулись сосредоточенной атакой. Здесь они заняли высоты Моронвильё; но в своих первых продвижениях им удалось даже

достичь Прюней и перерезать в этом пункте железную дорогу Реймс—Шалон; но французы, сознавая, насколько важно удержать эту линию железной дороги, произвели сильную контр-атаку и взяли город обратно. Однако, германцы удержали большую часть приобретенного в этом районе, выдвинувшись на 3 или 4 мили к юго-западу по направлению к Эперне и это имело для них огромное значение, так как это было наступление на самое основание реймского клина.

Между Шато-Тьери и Реймсом германцы начали успешнее. По всему фронту Марны, они завладели переправами, отбросили французов и значительный отряд 3-ей американской дивизии, стоявший в сторожевом охранении в нескольких милях к востоку от Шато-Тьери. Но американцы блестящими контр-атаками отбросили противника у Мези и у устья Сурмелен, и наконец восстановили линию своего первоначального расположения[1]).

Но германцы, несмотря на эти неудачи, и перед лицом воодушевленных атак французов, удержали свои позиции на южной стороне Марны в 5 или 6 милях с каждой стороны Дормана и медленно продвигались по долине Марны на участке в 12 миль шириной, и 17-го июля вечером их продвижение достигло пункта, лежавшего в 8-ми милях от Эперне, а на северной стороне—западного склона реймской горы, непосредственно к сев. от Эперне.

Положение становилось критическим. Хотя удалось остановить германцев на многих участках их длинного боевого фронта, все же они действовали довольно успешно, сосредоточивая превосходные силы и делая настойчивые усилия с каждой сто-

[1]) „В этом случае,—говорит генерал Першинг в своем донесении военному министру,—один полк 3-ей дивизии вписал одну из самых блестящих страниц в нашу военную историю". Упоминаемый здесь полк был 38-м пехотным, которым командовал полковник Мак-Александер.

роны реймского клина. Очевидно, что если бы им удалось продвинуться еще на несколько миль по долине Марны, занять Эперне и овладеть реймской горой, они захватили бы значительную часть железной дороги Эперне—Реймс, что заставило бы союзников немедленно уйти из той части реймского клина, которая была расположена за железной дорогой Реймс—Шалон; и это было бы весьма затруднительно, т. к. линия германцев находилась очень близко от железной дороги, по соседству с Прюней.

Затем, дальнейшее продвижение германцев к югу от линии Аргонский лес—Реймс, и к юго-востоку от линии Эперне—Реймс вверх по долине Марны и за Шалон, отрезало бы сообщения союзных войск, занимавших Аргонский лес и большой верденский клин, или угрожало бы им, заставив противника или сдаться, или отступить. Эти действия, само собой разумеется, выравняли бы уязвимые германские клинья Шато-Тьери и Сен-Мьель и поставили бы германцев в положение весьма благоприятное для выхода в тыл союзным войскам, занимавших линию Вогезов. Таким образом, первоначальное намерение германцев обойти Вогезы и французские крепости на этом фронте было бы выполнено, но не с юга, а с севера, не путем прорыва у Бельфора, а сбивши железом реймский и верденский клинья.

Здесь наступил поворотный пункт этого великого сражения, потому что еще один успешный переход вверх по долине Марны до Эперне изменил бы весь ход кампании и весьма вероятно имел бы изумительные последствия.

В стратегическом и психологическом отношениях для Фоша пришло время нанести удар.

Во-первых: потому, что имелись все указания, все вероятности того, что в случае промедления еще в течение нескольких дней, больше не останется уязвимых германских клиньев.

Во-вторых: потому, что германцы, несмотря на частичный успех своего пятого большого наступления, потерпели большое разочарование и ужасные потери. Было очевидно, что если у них будет даже месяц для подготовки, они уже не могут надеяться прорвать линию союзников на широком фронте и продвинуться миль на 30 или 35 вглубь неприятельской территории, как они сделали это 21-го марта и 27-го мая. А чтобы выиграть войну, надо было сделать больше этого, потому что если бы они не пробились окончательно сквозь линию союзников и не возобновили маневренной войны, то не было бы надежды на окончательный успех.

В-третьих: потому, что французов значительно ободрило то обстоятельство, что им удалось, с помощью американцев, удержать германцев на линии их первоначального расположения, или остановить их на тех немногих участках, где они вторглись в расположение союзников. Сознание, что после нескольких месяцев отступлений, после нескольких лет оборонительных действий, они оказались способными остановить вторжение германцев в одном из их крупных наступлений и перейти то там, то здесь в наступление, оттеснив их, заставив их уйти, ободрило каждое французское сердце и воодушевило всю французскую армию.

В-четвертых: потому, что американские войска, где бы они ни сражались, обнаруживали свою боевую годность и отвагу. У Кантиньи, у Шато-Тьери, под Бурешем, в лесу Белло, у Во, у Перта, у Мези, и у устья Сурмелен, всюду они сражались с необычайным под'емом, решительностью и храбростью.. Они уже не были необстрелянными войсками. Фош знал по их манере сражаться, что он может двинуть их в передовую линию, рядом с старыми, непобедимыми французскими войсками, и что они ему не изменят. Молодые, восторженные, энергичные, храбрые и всей душой жаждавшие боя, они не знали, что значит слишком труд-

ная задача, и у них не было страха перед испытанными германскими войсками.

Каким образом генерал Фош, в момент этого перелома войны, использовал обстановку для нанесения удара, окончательно остановившего вторжение германцев и быстро повернул ход войны против них по всей их растянутой линии фронта, будет описано в следующей главе.

Но прежде чем окончить эту главу, было бы интересно и поучительно рассмотреть, каков был бы вероятный результат, если бы германцы, как предположительно описывалось здесь, могли продвинуться на юг между Парижем и Нанси и выйти в тыл французам и американцам вдоль линии Вогезов.

Здесь возможны были два случая:

Первый: германцы могли бы продвинуться достаточно далеко к югу, чтобы не только захватить сообщения французов с Парижем, но и сообщения американцев с их портами высадки в Сент-Назере, Ла-Рошеле и Бордо на западном берегу Франции и в Марсели на южном берегу; в этом случае ни французское правое крыло, ни американская армия не избежали бы пленения, потому что, отрезанные от своих источников снабжения, при наличии германских войск, обошедших их с тыла, в то время, как другие теснили бы их с фронта, они не имели бы другого выхода, кроме сдачи.

Если бы это случилось именно так, как изложено здесь—а для того, чтобы видеть возможность осуществления этого, не требуется много воображения,—это могло бы повести к быстрому окончанию войны в пользу германцев, потому что, если бы большая часть американской армии и значительная часть французской выбыли из строя, германские армии, находившиеся в восточной Франции, легко могли бы, установивши новое сообщение с южной Германией непосредственно через Вогезы, свободно продвигаться вперед и окружить

Париж и оборонявшую его французскую армию, а оттуда, двигаясь к северу, нанести решительный удар британской армии.

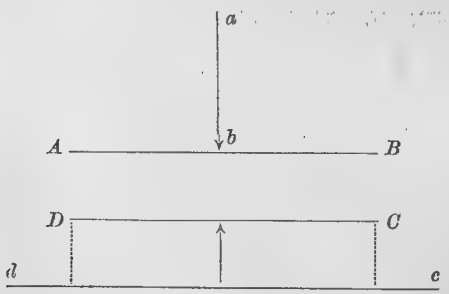
Второй: французы и американцы, стоявшие вдоль Вогезов, от Вердена до Бельфора, могли бы своевременно заметить опасность, грозившую им от потери своих сообщений и попытаться отступить во избежание несчастья, неминуемого при этом. Но при движении германцев к югу от Эперне и Шалона на Труа и Шомон, такое отступление к Парижу и к портам высадки американцев на западном берегу Франции, по грунтовым и железным дорогам, пришлось бы вести прямо вдоль фронта германского наступления, что подвергало бы отступавших опасности фланговой атаки и вынуждало бы их повернуть свой фронт таким образом, что их сообщения проходили бы параллельно фронту, что создавало бы одно из самых опасных положений для сражающейся армии [1]).

„Ничто,—говорит Наполеон,—не находится в таком резком противоречии с принципами стратегии, как фланговый марш перед армией, готовой к бою“ [2]).

Но возьмем самый благоприятный исход для союзников, и предположим, что отступление их правого

---

[1]) Армия займет это положение, если она оперирует на фронте, идущем параллельно линии ее сообщений.



Чтобы пояснить опасность боя в такой обстановке, предположим, что армия *AB* идет на юг, перпендикулярно к своим сообщениям *ab*, а противник, идущий на запад, вдоль своих сообщений *cd*, вынужден занять положение *CD*, и вступить в бой с *AB*. Теперь очевидно, что всякая неудача, которая постигнет *CD*, отрежет ее от сообщений и вызовет разгром; если же *CD* нанесет поражение *AB*, та *AB* может отступить и долго сражаться, не подвергая опасности своих сообщений.

[2]) „Napoleon's Maxims of War“, стр. 66.

крыла могло бы быть выполнено перед фронтом германской армии без больших потерь и разгрома, то что произошло бы? Очевидно, и французы, и американцы правого крыла союзников образовали бы тогда боевую линию, скажем, от Шато-Тьери до Сены и оттуда вдоль верхнего течения этой реки на Дижон, которая непосредственно прикрывала бы их сообщения с Парижем и с портами высадки американцев на западном берегу Франции и помешала бы окружению германцами правого крыла союзников, давая французам и американцам возможность продолжительного сопротивления; потому что, если бы не случилось с ними какого-нибудь непредвиденного и необыкновенного несчастья, то не было оснований для их поражения, ранее чем они были бы окончательно отброшены через северную Францию к портам высадки американцев.

Но прежде чем покончить с этим вопросом, обратим внимание еще на один важный пункт. Вспомним, что одним из портов высадки американских войск был Марсель, и что линия железной дороги, ведущая оттуда в Шомон, где находилась американская главная квартира, идет почти прямо с юга на север, поэтому, если бы наступление германцев помешало французам и американцам отступить к Парижу и западному берегу Франции, они могли бы отступить на Марсель.

Использование Марселя, как пункта высадки и американской оперативной базы, можно рассматривать как стратегическую меру безопасности, принятую на случай наиболее неблагоприятных условий, т. к., очевидно, что, если бы Париж был взят и значительная часть французской и американской армий отрезана и взята в плен, американская армия, подкрепленная частью правого крыла французской, могла бы медленно отступать вдоль железных дорог к своей оперативной базе в Марселе, и, давая оборонительные и затяжные бои, стала бы местом сбора всех союзных войск, кото-

рым удалось бы избежать плена или вырваться из клещей германской армии в северной Франции. И, может быть, союзникам удалось бы таким образом совершенно изменить ход войны, потому что случайности войны вошли в пословицу, и пока армия удерживает свои сообщения и получает продовольствие, огнестрельные припасы и снаряжение, всегда остается возможность победы.

Здесь не предполагается продолжать обсуждение этого вопроса, как бы ни было интересно указать на некоторые из могущих возникнуть стратегических задач, если бы союзникам пришлось стать на этот путь; но просто хочется сказать, что выбор Марселя, как пункта высадки и как американской оперативной базы, был мудрой мерой, потому что никто не мог предусмотреть какой оборот может принять кампания, и потому что всегда представляется мудрым взвешиванье всех возможностей и расчет на худшее. „При составлении плана кампании", говорит Наполеон, „требуется предвидеть все, что может сделать неприятель, и подготовить средства, необходимые для противодействия ему" [1]).

И далее: „Сохраняйте для себя всякую малейшую возможность достигнуть успеха" [2]).

---

[1]) „Napoleon's Maxims of War", стр. 6.
[2]) То же, стр. 68.

ГЛАВА V.

Большое встречное наступление Фоша.

В течение 15-го, 16-го и 17-го июля 1918 г., ожесточенные бои пятого большого наступления германцев бушевали на 75-ти-мильном фронте, простиравшемся от Аргонского леса до Шато-Тьери. Это был сильнейший и последний натиск германцев с целью достижения решительного результата на Западном фронте. Месяц они подготовляли и обдумывали его и били теперь всей своей мощью. Хотя отчаянно сражавшиеся французы и американцы задерживали их на большей части их длинной боевой линии, все же им удалось, путем превосходства сил и напряженности усилий,—проникнуть в основание реймского клина по долине Марны на Эперне. Еще один день продвижения, еще один удар, и они срезали бы реймский клин, значительно уменьшив уязвимость клина Шато-Тьери, и, вероятно, добились бы, в конце концов, победы. Наступало время нанести им удар. Вопрос был в том, куда нанести его.

С самого образования клина Шато-Тьери было очевидно, что его стороны наиболее уязвимы у основания, не только вследствие узости клина, но и направления и протяжения сообщений занимавших его войск. Если мы рассмотрим его, то будем в состоянии отметить следующие отличительные его черты: железная дорога Суассон—Фим—Реймс идет прямо вдоль его основания, и на большей части своего протяжения проходит параллельно реке Вэль. Параллельно западной стороне клина,

одна из его главных больших дорог соединяет Суассон с Шато-Тьери и параллельно ей проходит узкоколейная железная дорога; обе проходят на расстоянии лишь 4—5 миль от линии, разделявшей фронты обеих сторон. Железная дорога Реймс—Фим—Париж пересекает большую дорогу почти в середине и проходит под прямым углом к ней.

Германцы, ставшие вдоль Марны и в вершине клина, получали все свои боевые припасы и другое снабжение по большой и железным дорогам, соединявшим Суассон с Шато-Тьери; через Фим они доставлялись в небольшом количестве, по той причине, что этот город не был соединен железной дорогой с главными северными германскими линиями снабжения.

При том положении, в котором находились германцы, удерживавшие западную сторону клина, при необходимости постоянно держать свой фронт параллельно своим сообщениям, очевидно, что продвижение союзников с этой стороны, даже на несколько миль, угрожало бы германским сообщениям в вершине клина и вынудило бы их отступить. Очевидно также, что одновременно с этим наступление французов и американцев с другой стороны клина на Фим должно ускорить отступление неприятеля и может привести к захвату его в плен, так как оно будет угрожать железной дороге Фим—Париж и, в случае достаточного продвижения, лишит германцев возможности пользоваться ею для перевозки своих войск и запасов, находящихся в пределах клина, за линию р. Вэль. Другое обстоятельство, благоприятное для союзников, заключалось в наличии лесов вдоль западной стороны клина, где союзные войска могли быть скрытно сосредоточены до наступления момента атаки.

Генерал Фош все это предвидел, и до подготовки наступления на западную сторону клина сосредоточил в лесу Вилер-Котре и близ него, под командой французского генерала Манжена, 8 или

9 французских и американских дивизий, в числе которых были 1-я и 2-я американские дивизии и знаменитая марокканская дивизия французской армии. Рано утром 18-го июля 1918 г. он приказал Манжену наступать на участок в 25 миль от предместьев Шато-Тьери до р. Эна, в 6-ти, примерно, милях северо-западнее Суассона. Марокканская дивизия занимала во время наступления промежуточное положение между двумя американскими дивизиями.

Наступление союзников было неожиданностью для германцев, и первые два дня протекало крайне успешно. В первый день французы и американцы частью теснили, частью прорвали боевую линию германцев, захвативши много тысяч пленных, много орудий и селений. После полудня 19-го июля, французская артиллерия с холмов, командующих Суассоном, обстреливала этот город, железную дорогу и большую дорогу, идущую на Шато-Тьери, а французская кавалерия и танки пересекли эти пути, что привело германцев к безусловной необходимости немедленно очистить клин. Одновременно с этими большими успехами, французы и американцы, наступавшие на другую сторону клина, совершенно остановили движение германцев на Эперне.

Тотчас же выяснились последствия встречного наступления Фоша. 17-го июля, вечером, союзники едва не потеряли реймский клин, утрата которого угрожала бедственными последствиями. Вечером 19-го июля все изменилось, германцы были близки к потере клина Шато-Тьери; а вместе с тем и к потере надежды на окончательную победу.

Вполне сознавая опасность своего положения, они видели необходимость во что бы то ни стало удерживать промежуток между Суассоном и Реймсом, через который должны были отступать их войска с артиллерией и снабжением, если они желали избежать плена. С этой целью они сосредоточили большое количество своих войск близ

Суассона с одной стороны и близ Реймса с другой; и в течение ближайшей недели или 10 дней отчаянно сражались за сохранение этого промежутка; в то время как французы и американцы также упорно сражались, с целью захватить его.

Германцам удалось удержать его; и, благодаря искусным и упорным арьергардным боям, им удалось отступить к р. Вэль и затем к р. Эн с незначительными потерями в людях и артиллерии. Но 18-го и 19-го июля они уже потеряли около 700 орудий и 35.000 человек. Однако, эти крупные потери имели мало значения в сравнении с огромными последствиями их поражения.

21-го марта 1918 г. они начали большое наступление для достижения решительного результата на Западном фронте, и вслед за ним провели еще четыре крупных наступления, и при каждом они значительно продвигались на пути к достижению своей цели.

Но в пятом и последнем наступлении они были остановлены, отброшены назад и вынуждены отступить миль на 30.

Это был поворотной пункт этого ужасного сражения. Больше того, это был перелом великой мировой войны. И все это было вызвано встречным наступлением на самый уязвимый участок германского фронта. Такое контр-наступление на каком-либо другом участке длинного фронта не имело бы особенных последствий; но здесь, где наступление с первых же своих шагов перерезало главные пути, которые вели внутрь клина Шато-Тьери, оно сразу дало значительные результаты. Германцы были вынуждены немедленно же отказаться от своего наступления и отчаянно сражаться для избавления своих войск, занимавших клин, от плена или уничтожения. Тотчас же изменился весь характер войны. Во мгновение ока инициатива была потеряна германцами и захвачена союзниками. Сражаясь теперь оборонительно, гер-

манцы уже не могли быть хозяевами положения. Они не могли больше выбирать пункта для атаки и сосредоточивать превосходные силы против намеченного участка в линии союзников. Они уже потеряли численное превосходство; и вследствие быстроты, с которой американцы переезжали через Атлантический океан и присоединялись к активным операциям, в близком будущем им угрожало еще большее численное превосходство противника.

Здесь мы имели отличную иллюстрацию применения того стратегического принципа, согласно которому следует наносить удар по сообщениям противника, не подвергая опасности свои собственные; и другого, тесно с ним связанного, что если две армии находятся в таком положении, что наступление одной из них приводит к захвату сообщений другой, то та армия, сообщения которой захвачены, или даже угрожаемы, неизменно будет вынуждена отступить с целью сражаться за свои сообщения, а не может продолжать движения вперед на линии своего первоначального фронта.

Едва только германцев оттеснили за р. Вэль, и клин Шато-Тьери был сбит, как генерал (теперь уже маршал) Фош [1]) обратил свое внимание на Амьенский клин. 8-го августа 4-я британская армия генерала Роулинсона начала свою ужасную атаку к югу от Альбера и на Шольн, на перерез германским сообщениям; тогда как 1-я французская армия генерала Дебеней начала такой же штурм участка у Мондидье, по направлению к Лассиньи и Рой. В этих атаках, где много небольших, легких танков применялось британцами для прорыва неприятельской линии, германцы были захвачены врасплох; их потери пленными доходили до 30.000 чел., орудиями—свыше 700; а их

[1]) Генерал Фош, главнокомандующий союзными силами, был произведен в маршалы Франции 6-го августа 1918 г.

фронт был отброшен, примерно, на 12 миль, на линию Альбер—Шольн—Рой—Лассиньи.

Отсюда мы видим, что атакуя германцев с каждой стороны клина, союзники отбросили их таким же способом, как и у Шато-Тьери; но так как этот клин был гораздо шире, и атаки велись гораздо ближе к его вершине, только часть его была сбита. Необходимо было нанести новый удар.

Сообразно этому, маршал Фош двинул армию Манжена, действовавшую у Суассона, в угол между р.р. Эном и Уазой, к северо-востоку от Компьена, и бросил ее в направлении на Нойон; и почти одновременно с этим он бросил с другого фланга 3-ю британскую армию Бинга на Бапом, на фронте между Аррасом и Альбером. Обе атаки оказались решительными; каждая армия захватила от 20 до 30 тысяч пленных и глубоко проникла с флангов в германское расположение. Это вторжение, принудившее германцев снова отойти к линии Гинденбурга, совершенно сбило Амьенский клин.

Во время этих операций, германцы постепенно и методически уходили из узкого выступа р. Лис к югу от Ипра. Зная его чрезвычайную уязвимость, они не желали подавать маршалу Фошу повода атаковать их там.

Следующее наступление Фоша было поведено на восток от Арраса британской армией генерала Горна, по направлению к Камбре и Дуэ. Оно очень удачно велось генералом Горном, отбросившим германцев и захватившим около 20.000 пленных, значительное количество орудий и военного материала и даже местами прорвавшим постоянную укрепленную линию германцев близ линии Гинденбурга, с продвижением до местности, которую германцы удерживали с 1914 г.

Но главное стратегическое значение этого наступления заключалось в том, что оно создало, в связи с наступлением Манжена на Нойон во время предшествовавшей операции, нечто в роде клина на

местности, занимаемой германцами на запад от линии Гинденбурга и сделало эту местность гораздо уязвимее для предстоящей атаки; а так как наступление Манжена также обнажило фланг германцев, занимавших пространство между р.р. Вэль и Эном, то генерал Людендорф, руководивший в это время операциями германских армий, увидал бесполезность дальнейших попыток удерживать эту линию германского расположения, и решил отступить с фронта Камбре – Реймс до линии Гинденбурга. К 8-му сентября, через месяц после атаки Роулинсона к востоку от Амьена, все это было решено и выполнялось. В один этот месяц число взятых в плен германцев достигает 115.000; а со времени начала контр-наступления Фоша 18-го июля, число пленных превышает 150.000 при 2.500 орудиях и большом количестве огнестрельных припасов и другого снабжения [1]).

Срезавши клинья Шато-Тьери, амьенский и Лиса, Фош обратил теперь свое внимание на клин Сен-Мьеля, единственный оставшийся еще германский клин. Даже и здесь Людендорф приступил уже к подготовке отступления.

Действия против этого клина велись непосредственно генералом Першингом, который, произведя необходимую и скрытную подготовку, повел атаку рано утром 12-го сентября. Она была весьма успешной. Американцы с южной стороны, а французы с американцами с западной, вторглись в германское расположение и в два дня сомкнули прорывы и завладели клином. Во время этой операции американцы, ценой 7.000 потерь, захватили 16.000 пленных и 443 орудия, вместе с большим количеством снарядов и прочего снабжения.

Во время всех этих операций неизменным способом действий маршала Фоша была двойная атака на каждый клин, с одной и другой стороны его,

[1]) Франк Г. Саймондс, в „Review of Reviews", октябрь, 1918, стр. 375.

и в таком направлении, чтобы или захватить сообщения занимавших его войск, или угрожать им. Это и вело к серьезным последствиям, так как сообщения для армии являются жизненной необходимостью. Разрушьте их—и сражение проиграно; даже угрожайте им, и бедствие нередко явится последствием этого. Отсюда вытекает, что сообщения должны быть предметом особенной заботы главнокомандующего. И не только сообщения противника, но и свои, потому что, прежде чем бить по сообщениям противника, он должен обеспечить безопасность своих. Если он способный полководец, он отнесется с величайшей заботливостью к их прикрытию, и вниманием—к их направлению и протяжению. „Пока отдаленные зрители", говорит Хамлей, „воображают, что полководец занят только нанесением или отражением удара, он вероятно сто раз озабоченно подумает о своих тыловых сообщениях, сто раз посмотрит в их сторону, пока хоть один раз обратит внимание на фронт своего противника" [1]).

Но генерал Людендорф не сделал этого. Он занят был нанесением ударов, и, повидимому, мало беспокоился об уязвимости своих сообщений. После большого наступления 21-го марта 1918 г., создавшего амьенский клин, он несколько раз снова переходил в наступление, создавая другие клинья, с каждым разом удлиняя линию германского фронта и делая ее все более и более уязвимой; наконец, когда наступило время действовать Фошу, образовалось четыре крупных германских клина, в пределах которых сообщения занимавших их войск подвергались опасности союзнических атак. Видя это, Фош начал свое наступление 18-го июля и продолжал вести его быстрыми и мощными ударами, пока все клинья не были сбиты.

Но эти победы не могут быть об'яснены одной только уязвимостью клиньев. Были и другие при-

[1]) „The Operations of War", стр. 40.

чины, из которых важнейшие были следующие: перемена в настроении неприятельских армий, внезапность, с которой Фош вел свои атаки, и употребление союзниками во время наступления легких танков.

В письме к своему брату Иосифу, в 1808 г., Наполеон писал: „На войне три четверти дела зависит от морального состояния; материальная сила составляет только четвертую часть“ [1]).

Непрерывные успехи прусской армии на полях сражений в Европе, во время войны с Данией в 1864 г., с Австрией в 1866 г. и с Францией в 1870—1871 г., давали ей моральный под'ем, сильно превышавший ее действительные силы. А в эту великую войну германцы всюду выходили победителями, кроме западного фронта; и даже здесь они действовали очень успешно и неоднократно были близки к окончательной победе. Более 50 лет они ни разу не были разбиты, ни разу не испытали на поле сражения чего-либо хуже временного отступления. Ничто не воодушевляет так армию, как победа. С этим списком побед, начертанных на ее знаменах, германская армия стала чувствовать себя непобедимой. Правда, ее остановили на Марне, у Вердена и на Сомме; но она считала это лишь временным отступлением, и теперь, в июле 1918 г., после четырех лет упорных боев, все еще с высоким под'емом духа и ободренная успехом своих четырех крупных наступлений, она делала величайшее усилие для достижения окончательной победы на западном фронте.

С другой стороны, за французами и британцами не было побед, которые могли бы воодушевить их. Четыре года они храбро, блестяще, решительно вели оборонительные действия; и хотя несколько раз им удавалось переходить в наступление на короткий срок, всегда это была оборонительная

[1]) Napier, „Peninsula War“, т. I, стр. 452.

война, в течение которой и французы, и британцы напрягали все усилия для противодействия продвижению германцев. В течение всего этого времени они ни разу не ослабляли своего сопротивления, ни разу не падали духом. Их боевой дух, их моральное состояние были всегда хороши. Но это не было настроение победоносных армий, переходящих от успеха к успеху; это было настроение армий, попавших в тяжелое положение, сражавшихся за свое существование; настроение обороны, настроение, которое упорствовало на ряду с разочарованием, которое шло из сердец отчаянных людей, вдохновляемых любовью к родине и сознанием правоты своего дела.

Таково было положение дела, когда американцы приняли активное участие в войне. Больше года понадобилось им для подготовки. Это был медленный процесс, потому что к началу войны с Германией Соединенные Штаты были, в отношении сухопутных войск, совсем неготовы к войне. Необходимо было издать соответствующие законоположения; превратить штатских в военных; сформировать роты, полки, бригады и дивизии; мобилизовать их, обучить и затем отправить за три тысячи миль по воде на театр военных действий. Но скоро войска стали прибывать во Францию; и как только они прибывали, их тщательно обучали, при чем особое внимание было уделено стрельбе и действиям в открытом поле, вместе с обучением окопной войне. Но сначала их прибытие, по необходимости, замедлялось, и на их обучение пошло много времени, почему прошло много месяцев, пока генералы Фош и Першинг почувствовали, что американские дивизии достаточно хорошо обучены и дисциплинированы для того, чтобы занять место бок-о-бок с испытанными французскими и британскими войсками.

Сначала этим обученным дивизиям дали для обороны участки французского фронта в Лотарин-

гии; позднее, другие дивизии были отданы, с той же целью и для того, чтобы сдерживать натиск германцев, под начальство британских и французских генералов и вошли в состав подчиненных им войск.

Но настало время, когда им пришлось принять более значительное и самостоятельное участие в остановке наступления германцев. 28-го мая, на другой день после начала третьего большого германского наступления, 1-я американская дивизия двинулась в атаку у Кантиньи в Пикардии и блестящим налетом взяла город. Это было первое самостоятельное наступательное дело, в котором участвовали американцы. Стратегически оно имело небольшое значение, но с психологической точки зрения оно было очень важно, потому что оно сильно ободрило французов и англичан и их теснимые армии. Неделю спустя, другое, еще более драматическое событие порадовало французов и британцев, когда 2-я и 3-я американские дивизии остановили продвижение германцев к Шато-Тьери [1]).

Моральное значение этих двух дел в такой критический период, когда германцы казались близки к прорыву линии союзников, было громадно. Впечатление, произведенное ими на всех чинов французской и британской армий, едва ли может быть переоценено. Американцы появились. Они показали себя героями. Решительным натиском, храбростью и настойчивостью они взяли Кантиньи и даже отбросили у Шато-Тьери прусскую гвардию, этот цвет германской армии. Они умели наступать, умели драться. От них нельзя было отрекаться. И другие дивизии, ожидая своей

[1]) Недавно произошел спор между офицерами 3-ей американской дивизии и моряками относительно того, действительно ли моряки, входившие в состав 20-й дивизии, сражались под Шато-Тьери. Дело, повидимому, в том, что моряки не входили в город, а сражались у Бурэш, в лесу Белло, и в других местах близ Шато-Тьери; и что эти бои и другие, происходившие в городе и близ него, веденные 3-ей американской дивизией, вообще называются сражением у Шато-Тьери. Достоверно то, что обе эти американские дивизии сражались на этом участке с целью остановить германцев.

очереди, были готовы и рвались в бой, а за ними прибывали во Францию другие американские воины, по $^1/_4$ миллиона в месяц.

Все это служило величайшим ободрением для союзников, полученным ими в течение этой войны. В этом заключалась гарантия, что ход войны скоро изменится. Это было предвестником победы; и по мере того как дух укреплялся, их моральное состояние улучшалось в величайшей степени. Но не меньшее значение имело для них то, соответствующее этому, удручающее впечатление, которое все это должно было производить на германцев, разбивая их надежды и ослабляя их боевой дух. Быстро убывая в числе, они должны были предвидеть быстрое увеличение численности союзников. В такой обстановке их могли спасти только военное счастье [1]) или военный гений.

Настоящий перелом войны должен был наступить позднее, 18-го июля, когда Фош начал свое наступление; но перелом в настроении обеих сторон, психологический поворот хода войны, наступил 28-го мая 1918 г., у Кантиньи, когда 1-я американская дивизия захватила этот город; это имя и это число навсегда останутся достопамятными в истории войны.

По мере хода событий моральный под'ем союзных армий продолжал расти соответственно их победам. Этот под'ем во многом зависел и от искусства, с которым разные национальности были распределены по боевому фронту и от дружеского соревнования между французской, британской и

---

[1]) „Однако, кто может предсказать, что предпишет, в любом случае, „военное счастье". Когда все сделано, что может внушить гений и что может придумать искусство и предусмотрительность, как много еще зависит от „удачи",—неопределенного фактора, воздействующего широко на все задачи войны, и которым не в праве пренебрегать ни один полководец"... „В каждой кампании бывают случаи, которые не могли быть предусмотрены никакой прозорливостью; они входят в область „военного счастья", и самое опытное полководчество не может ни предотвратить, ни уничтожить их действия". Полковник Харт, в „Reflections on the Act of War", стр. 41 и 44.

американской армиями, и между различными американскими дивизиями.

Достаточно пояснить это одним или двумя примерами. Когда генерал Манжен распределял свои войска для контр-наступления 18-го июля, он поместил знаменитую марокканскую дивизию французов между 1-й и 2-й американскими дивизиями. Представьте себе это положение! Здесь были две американские дивизии, обе уже заслужившие себе в своем первом деле немеркнущую славу, бок-о-бок со знаменитой марокканской дивизией, которая неоднократно в блестящих боях кровью начертала свое имя в истории этой войны и заслужила для себя бессмертную память. Каковы должны были быть их взаимные чувства? Французы, разумеется, чувствовали, что ни в каком случае они не допустят американцев превзойти их отвагой и стремительностью; а американцы, все до единого человека, чувствовали, что они должны показать этой храброй и испытанной французской дивизии, что они, хоть и молоды и новички в игре, все же могут драться так же мужественно и, если понадобится, умереть как храбрейшие из храбрых.

Британцы тоже не могли не чувствовать, после контр-наступления Фоша 18-го июля, что они не могут дать французам и американцам превзойти их; и с новым воодушевлением они снова показывали, что могут сделать британские воины. И когда 2-я американская дивизия в лесу Белло, а 3-я у Шато-Тьери, покрыли себя славой, офицеры и солдаты каждой другой американской дивизии были полны решимости, если представится случай, доказать миру, что они не менее доблестны. Таким образом, 42-я дивизия старалась сравняться с 3-ей; а 1-я со 2-ой; а 27-я и 30-я соперничали друг с другом и хотели быть не хуже 1-й дивизии или перещеголять ее; и таким настроением проникались американские экспедиционные войска, отчего в огромной степени возрастали „esprit de

corps" и моральный под'ем каждой американской дивизии.

Внезапность нападений, задуманных и проведенных союзным главнокомандующим, также имела большое значение для достижения побед. Мы видели, как он использовал леса Вилер-Котре, чтобы скрытно сосредоточить свои войска для контратаки 18-го июля и отсюда неожиданно ринуться на германцев внезапной атакой. Но может быть не столько заслуживает упоминания та внезапность, которая являлась результатом скрытного расположения сил до атаки, сколько внезапность, вызванная быстротой наносимых им ударов по таким местам, где нельзя было их ожидать.

Едва вытеснили германцев с клина Шато-Тьери, как Роулинсон повел атаку с британского фронта на Шольн, а Дебеней от Мондидье на Лассиньи и Рой. За этими атаками вскоре последовала атака Манжена, направленная против Нойона, и Бинга против Бапома. Затем началась большая атака Горна от Арраса на Камбре и Дуэ, за которой вскоре последовала двойная атака Першинга против клина Сен-Мьеля.

Таким образом, удары Фоша были так неожиданны и стремительны, что германцы не знали, в какую сторону повернуться. Их молотили по всей линии; и если бы они ослабили один участок своей линии, чтобы усилить другой, то на ослабленный участок в любой момент могло быть произведено нападение значительными силами.

Почти во всех больших сражениях и войнах истории внезапность играла значительную и часто решающую роль. Но на Западном фронте, при постоянных полетах аэропланов противника над боевыми линиями, было чрезвычайно трудно для обеих сторон сосредоточить большое количество войск в каком-нибудь пункте своего расположения для достижения внезапности нападения. Тем не менее, иногда случалось, что одна сторона заста-

вала другую врасплох, использовавши характер местности и ее топографические особенности и стягивая войска ночью и по возможности скрывая их днем. Так были застигнути врасплох союзники германскими наступлениями 21-го марта и 27-го мая, а германцы контр-наступлением Фоша 18-го июля и последующими атаками британцев, французов и американцев. Но с обеих сторон существовала возможность другой внезапности,—газовой атаки и атаки танками, имевшими важное значение для исхода боев.

Война на Западном фронте не развивалась многие месяцы, пока обе стороны не почувствовали, что мало или вовсе нет надежды прорвать укрепленные линии противника, если не будет изобретено более мощное орудие разрушения, чем существовавшие до тех пор. Эта именно мысль и побудила германцев начать свои газовые атаки, а союзников, позднее, свои танковые атаки.

Германцы впервые применили ядовитый газ 22 апреля 1915 г. в атаке против британцев и французов у Ипра. При первом своем применении этот газ представлял собой облака хлорина, гонимые ветром на окопы неприятеля. Но вскоре после этого германцы начали приготовлять снаряды с ядовитым газом различных видов. С помощью этого средства они рассчитывали прорвать линии неприятеля. До тех пор в их соображения входило сначала разрушать окопы и проволочные заграждения противника разрывными снарядами большой силы, а затем наступать и теснить обороняющегося; но так как этот способ не удался, то они надеялись употреблением удушливых газов сначала истребить обороняющегося, а затем, наступая пехотой, разрушить окопы и колючие проволочные заграждения и быстро двинуться далее к открытому пространству за ними.

Имея в виду эту цель, они продолжали усовершенствование своих снарядов с газом и своих

методов ведения газовой атаки. В своих наступлениях в течение весны и лета 1918 г. они пользовались подвижной завесой артиллерийского огня, составленной из гранат с ядовитым газом и шрапнели. Этот способ атаки применялся с большим успехом. Почти в каждом случае войска, оборонявшие передовые позиции, бывали уничтожаемы. Почти повсеместный успех, с которым германцы во время своего большого наступления прорвали укрепленную линию союзников, зависел, главным образом, от этих газовых атак. Но как только союзники увидали, что германцы применяют этот способ атаки, они сами, с целью противодействия противнику, обратили свое внимание на изготовление ядовитых газов, начиненных ими снарядов и противогазовых масок. Так как сначала при изготовлении всего этого они встретились с большими затруднениями, чем германцы, то прошло много времени, прежде чем им удалось вести борьбу этими ужасными средствами в одинаковых условиях с противником. Однако, это им, наконец, удалось; и с 18-го июля 1918 г., когда Фош повел свое контр-наступление, они подвергали германцев внезапной газовой атаке почти столь же часто, как и германцы их; а позднее, к концу боев на Западном фронте, они уже превосходили германцев в применении этого разрушительного средства.

В течение $3^1/_2$ лет, предшествовавших наступлению германцев 21 марта 1918 г., почти неизменным способом действий каждого из противников, атаковавшего друг друга, была подготовка атаки артиллерийским огнем, разрывными снарядами большой силы, с целью разрушения окопов и проволочных заграждений и проложения этим пути для наступления пехоты. Но при такой атаке невозможно было достигнуть внезапности, потому что оборонявшийся, всегда предупреждаемый артиллерийской бомбардировкой, знал, что последует атака, и мог сосредоточить достаточно сил для

встречи ее. Частичное решение этой задачи союзники нашли в танках.

Английский генерал Бинг остановился на мысли совершенно отказаться от обычной артиллерийской бомбардировки, неизменно предшествовавшей атаке, и заменить ее большим количеством танков, которые, будучи скрытно сосредоточены в ближайшем тылу, должны были быть брошены против неприятеля с целью пробить дорогу сквозь проволочные заграждения и окопы и уничтожить пулеметные гнезда. Этим способом он надеялся застать германцев врасплох, потому что в этом случае ничто не указывало бы им на близость атаки.

У Камбре, в ноябре 1917 г., генерал Бинг применил этот способ атаки с полным успехом. Он прорвал линию Гинденбурга на фронте в 10—12 миль; и хотя германцы вскоре после того произвели контр-атаку и вернули потерянное, но этот урок не пропал даром для союзников. Они сразу увидели, что имеют дело с мощным орудием наступления, которым можно воспользоваться при внезапной атаке и пробиться сквозь линию неприятеля, уничтожив огонь его пулеметов.

Сообразно этому, союзники тотчас же начали строить большое количество тяжелых и легких танков. На это потребовалось время; и хотя уже много их было построено и ими можно было пользоваться для противодействия германскому наступлению, но генерал Фош предпочел, прежде чем пускать их против германских войск, выждать, пока не будет построено их больше. Он желал сохранять в тайне постройку танков, пока не окажется достаточного количества их для наступления. Этим путем он надеялся внезапно напасть на германцев, которые располагали небольшим числом танков, значительно уступавшим, как было известно, по своим качествам танкам союзников. Этот замысел был выполнен. Танки были исполь-

зованы генералом Манженом в наступлении 18 июля, а за ним и другими начальниками союзных армий. Это оказалось большой неожиданностью для германцев, и с самого начала танки действовали замечательно успешно, в особенности легкие танки, которые, будучи неуязвимы для пулеметного огня и обладая скоростью в 12 миль в час, могли, проехав через линию окопов противника и разрушив его пулеметные гнезда, продвигаться во главе пехоты и успешно действовать, захватывая легкие орудия и гоня отступавшего и расстроенного неприятеля.

ГЛАВА VI.

Борьба за линию Гинденбурга.

После того, как был сбит выступ у Сен-Мьеля, и у германцев не было уже больше выступных участков фронта, стало ясно, что союзникам будет теперь уже труднее заставить германцев отступать, особенно потому, что Людендорф решил упорно обороняться на старой линии Гинденбурга, которая за три года войны развилась в сложную и мощную систему укреплений, до того времени неодолимую для союзников. В самом деле, кроме сражения у Камбре, она ни разу не была прорвана на всем протяжении.

Была уже середина сентября 1918 г., и оставалось только 6—8 недель для ведения боевых действий, пока погода не прекратит их. Людендорф намеревался основательно задержать союзников у сильно укрепленных позиций Гинденбурга, пока наступление зимы не даст ему возможность передохнуть, собрать и устроить свои расстроенные армии. Если бы он мог остановить дальнейший натиск союзных армий у этой линии, а на других театрах войны армии центральных держав удерживали бы свое расположение, то он мог бы снова привести свою армию в такой вид, который позволил бы возобновить операции весной 1919 г., что он и собирался сделать, если бы германские предложения мира не дали удовлетворительных результатов в течение зимних месяцев. С другой стороны, в предположения Фоша входило не допустить того, чтобы эти сильные укрепления могли

задержать продвижение его армий, а прорваться сквозь них для достижения дальнейших побед. Как выйти из затруднительного положения? Куда направить удар? Какой принять план и как выполнить его? Вот те важные и жизненные вопросы, которые требовали решения.

Тот участок фронта, на котором враждебные стороны сражались за господство в этой великой борьбе, шел на запад от пункта, лежащего милях в восьми на север от Вердена, до пункта, расположенного милях в двух от Реймса, затем на северо-запад через Сен-Кентен, Камбре и Ленс до Ньюпора на английском канале. К югу от Вердена до Швейцарии, с одной стороны французы и американцы, а с другой германцы, стояли неподвижно друг перед другом в своих укреплениях, пока шла борьба за линию Гинденбурга.

В тактическом отношении наиболее трудным участком для прорыва на всем фронте был участок Реймс-Верден, ввиду наличности здесь Аргонского леса с его сильными укреплениями; но в стратегическом отношении он представлял бо́льшие преимущества, чем какой-либо другой. Это об'ясняется следующим. Наступление, направленное к северу от этого участка, на Мезьер и Седан, перерезало любую из железных дорог, идущих с востока на запад южнее Арденнских гор и от которых германцы в значительной мере зависели в отношении своего снабжения, и оставляло им только одну линию с востока на запад, а именно, железную дорогу Шарлеруа—Намюр—Льеж—Аахен, которая проходит на север от Арденн и непосредственно южнее юго-восточной границы Голландии. В случае успеха, результаты такой атаки были бы изумительны, потому что, потерявши все железные дороги, идущие с востока на запад, кроме линии Шарлеруа — Намюр — Льеж — Аахен, германцы должны были бы сразу сделать мощное усилие для отхода вдоль этой линии на восток до Мааса,

ранее чем союзники успеют дойти от Мезьера до Намюра, угрожая этой линии, и взять в плен значительную часть германской армии[1]).

Однако, очевидно, что такое наступление, которое здесь указано, было бы невозможно, если бы

[1]) Может быть читателю интересно будет узнать, что автор этой книги, который во время этих боев на Западном фронте состоял на службе в академии генерального штаба Соединенных Штатов в Вашингтоне, написал 12 сентября 1918 г., в день, когда генерал Першинг начал свою атаку на выступ у Сен-Мьеля, и как раз за две недели до начала большого наступления через Аргонский лес на Льеж и Седан, следующую докладную записку, и подал ее тогда бригадному генералу Литль Броуну, начальнику военной академии.

Докладная записка.

„Хотя я твердо уверен, что эта война не может быть выиграна только на западном и итальянском фронтах, и уже высказал в моей „Четвертой докладной стратегической записке о войне", почему я так думаю, однако, я уверен в том, что когда все выступы германского фронта, включая Сен-Мьельский, будут сбиты союзниками, а германцы отброшены на линию Гинденбурга, союзники могут повести наступление в широком масштабе с некоторого участка их фронта, которое выпрямит изогнутый к Парижу германский фронт, заставит германцев покинуть большую часть Франции и Бельгии и отбросит их до Мааса. Этого можно было бы достичь успешной атакой, веденной в широком масштабе на север от линии Верден-Реймс до Мезьера, потому что она пересекла бы все сообщения германцев южнее Арденнских гор и серьезно угрожала бы железной дороге Шарлеруа—Намюр—Льеж—Аахен, единственной, оставшейся из ведущих в Германию. Такое наступление не могло бы не повести к изумительным последствиям; потому что германская армия, потерявши все железные дороги, идущие с запада на восток, за исключением линии, проходящей непосредственно к югу от юго-восточной оконечности Голландии через Намюр, Льеж и Аахен, вынуждена была бы сделать мощное усилие для отхода вдоль этой линии на восток до Мааса, ранее чем союзники успели бы продвинуться на север до Мезьера, захватить эту железную дорогу и может быть взять в плен значительную часть германской армии. Другими словами, успешное наступление к северу от участка Верден—Реймс до Мезьера, вызовет оставление германцами значительной части Франции и Бельгии; а продолженное дальше на север, оно может повести к захвату в плен значительной части германской армии, находящейся теперь во Франции и Бельгии.

„Разумеется, прорвавшись сквозь линию германцев на этом участке и продвигаясь к северу, как указано, союзники сами образуют огромный выступ, уязвимый для германцев; но в виду того, что этот выступ перережет несколько важных коммуникационных линий германцев, лишив их возможности получать по ним снабжение и боевые припасы, и будет угрожать их единственной коммуникационной линии, то их главной работой будет не уничтожение этого выступа, а борьба за сохранение единственного пути своего отступления, дабы вырваться из того большого мешка, в который их загонит это наступление, раньше чем они будут принуждены сдаться".

союзники не задержали германцев на других участках линии Гинденбурга одновременными атаками; т. к. иначе германские резервные дивизии могли бы быть стянуты к угрожаемому флангу в достаточном количестве для остановки этого наступления.

С другим флангом тоже были связаны важные стратегические соображения. Заметим, что наступление союзников к востоку через западную Фландрию, на Брюссель, не только представляло бы угрозу сообщениям германских войск вдоль бельгийского побережья и заставило бы отступить на восток к Антверпену, но и угрожало бы сообщениям германских войск, занимавших район Лилля; и в случае достаточного продвижения, оно явилось бы угрозой и для железной дороги Шарлеруа—Намюр—Льеж—Аахен. Очевидно, что такое наступление, веденное совместно с наступлением на север от участка Верден—Реймс, было бы первым шагом к превращению германского фронта в огромный клин; и чем глубже это наступление проникало бы в занимаемую германцами территорию, тем больше становился бы этот клин, и тем уязвимее и опаснее становился бы он. Но наступления с двух флангов было бы недостаточно. Фошу необходимо было атаковать также какие либо промежуточные участки, чтобы помешать Людендорфу отвести значительное число своих резервных дивизий с этих участков к угрожаемым флангам. Но куда следовало направить этот удар, чтобы в то же время достичь наибольших стратегических результатов?

Рассматривая театр военных действий, мы видим, что наступление к северо-востоку от линии Сен-Кентен—Камбре до Мобежа и Валансьена, а оттуда к востоку и северо-востоку на Динан, Шарлеруа и Монс, создало бы, совместно с наступлением во Фландрии, опасный германский клин в области Лилля, а совместно с наступлением

в районе Маас—Аргонны образовало бы опасный германский клин в области Лаона. Кроме того, такое наступление угрожало бы железной дороге Мец—Седан—Мезьер—Гирсон—Мобеж, ведущей в округ Лилля и вызвало бы необходимость немедленного отступления германцев с этого выступа; точно также оно угрожало бы железной дороге Аахен—Льеж—Намюр—Шарлеруа, от которой, стоявшие в Бельгии германские войска, были в полной зависимости в отношении своего снабжения и подкреплений; и если бы оно достигло Динана, оно перерезало бы германскую армию пополам, и воспрепятствовало бы отступлению германских войск в северном направлении от Мезьера и северо-восточном от Гирсона к Намюру.

В виду того, что наступление союзников к северу от линии Верден-Реймс, на Седан и Мезьер, отрезало бы все железные дороги, проходившие к югу от Арденнских гор, а наступление к востоку от фландрского участка на Брюссель и к северо-востоку от линии Сен-Кентен—Камбре на Шарлеруа и Монс явилось бы угрозой для единственной железнодорожной линии, проходившей с востока на запад и к северу от этих гор, и в виду того, что наступление от линии Сен-Кентен—Камбре, в случае продвижения его на восток от Мобежа к Динану, перерезало бы германскую армию пополам,—мы можем оценить необычайное стратегическое значение такого оперативного плана. Мы можем также оценить важное значение для стратегического положения того обстоятельства, что Арденнские горы преграждают значительную часть пограничной полосы между Германией и северной Францией и Бельгией, и что эта именно преграда и вызвала постройку по обе стороны от нея железных дорог с востока на запад.

Разумеется, прорвавшись сквозь линию германского расположения с участков Верден—Реймс, Фландрского и Сен-Кентен—Камбре, союзники обра-

зовали бы три клина, более или менее уязвимых для германской атаки; но так как каждый из них представлял бы серьезную угрозу для сообщений германцев, занимавших северную Францию и Бельгию, то главной заботой Людендорфа было бы не нанесение по ним ударов, а борьба за удержание железных дорог, которая дала бы возможность отойти германцам за Маас, прежде чем успели бы их отрезать и принудить сдаться.

Здесь опять нашел бы себе применение стратегический принцип, гласящий, что если одна армия наступает в таком направлении, которое приводит к захвату сообщений противника или к угрозе им, то та армия, сообщения которой серьезно угрожаемы, неизменно будет вынуждена повернуть обратно для борьбы за них, а не нападать на сообщения противника. Отсюда следовало, что маршалу Фошу не приходилось особенно беспокоиться за сообщения своих войск, занимавших выступы, и, как покажет дальнейшее, он и не беспокоился. Вследствие этого, он имел возможность обратить все свое внимание на наступательные операции против Людендорфа.

Здесь были и другие причины, зависевшие, главным образом, от характера местности, почему уязвимость этих трех выступов союзного расположения была бы малой. При наступлении к Седану с линии Верден—Реймс, американцы были бы прикрыты с востока рекой Маасом; а с запада французами, которые должны были наступать слева от американцев. При наступлении с линии Сен-Кентен—Камбре к Шарлеруа и Монсу британцы были бы прикрыты справа рекой Самброй и каналом. А в районе Фландрии, продвижение к востоку вынудило бы германцев покинуть побережье; и тогда Фландрский клин оказался бы прикрытым с севера английским каналом.

Учитывая все эти обстоятельства, маршал Фош составил свой план соответственно этому, и в по-

следнюю неделю сентября начал наступление против линии Гинденбурга по этим трем направлениям. Одновременно с ними, или вскоре вслед за ними, велись другие атаки на промежуточных участках, где условия казались благоприятными для успеха; но эти три главные наступления оказывали важнейшее стратегическое влияние на ход кампании.

Американская армия генерала Першинга, сосредоточенная насколько возможно скрытно на участке Маас—Аргонны, между Верденом и Реймсом, беспрепятственно сменила здесь в ночь на 25-го сентября французов, занимавших этот участок продолжительное время, а 26 сентября утром началась атака, которая, несмотря на отчаянное сопротивление, продолжалась в течение последующих 6-ти недель, медленно, но верно оттесняя германцев вплоть до Седана.

В первый день американцы прорвали первую линию укреплений, а в течение последовавших двух дней проникли внутрь германского расположения на глубину от 3 до 7 миль, захвативши Хокур, Маланкур, Варен, Шарпантри, Вери, Монфокон, Жеркур и другие селения. К востоку от Мааса, 26-ая американская дивизия, совместно со 2-м колониальным французским корпусом, заняла одновременно с этим Маршвиль и Риевиль [1]), образуя этим дальнейшее прикрытие для правого фланга армии Першинга. Одновременно с этим французы, слева от американцев, на запад от Аргон, также успешно продвинулись. В этой атаке американцев, так же, как во всех последовавших за ней атаках союзников против линии Гинденбурга, танки сыграли важную, а иногда и решающую роль.

Атака застала Людендорфа врасплох; но сразу поняв свое опасное положение, он немедленно

[1]) Генерал Першинг, в „Annual Report of Secretary of War", 1918, стр. 77.

же вызвал несколько дивизий резерва к угрожаемому фронту; и начал ряд контр-атак, при поддержке огня тяжелой артиллерии с применением химических снарядов. Этим путем, после нескольких дней боя, он временно остановил американцев и французов, тем не менее они продолжали такой сильный натиск на германцев, продвигаясь вперед, то там, то здесь, несмотря на самое решительное и отчаянное сопротивление, что Людендорф был принужден вызывать все больше и больше дивизий с других частей своего фронта на этот угрожаемый фланг.

Тем временем, на другой оконечности фронта, бельгийцы и британцы пошли в наступление на участок от Диксмюда до реки Лиса и, продвигаясь к востоку, сбросили германцев с возвышенностей Пашендаля на равнину Фландрии. Это наступление, дойдя в своем первом порыве почти до Рулера и Менэна, принудило германцев отойти на восток от бельгийского побережья и создало серьезную угрозу их сообщениям с югом в Лильском районе. Видя, как и раньше, что его войска подвергнутся большой опасности, если это наступление бельгийцев и британцев не будет остановлено, Людендорф тотчас же устремил на этот фронт резервы с других участков своего расположения и, наконец, ему удалось временно остановить его, так же, как и наступление американцев на линии Маас—Аргонны.

Но едва успели получить развитие эти наступления, как Фош начал атаку с линии Камбре—Сен-Кентен. Эту атаку вели британские армии Бинга и Роулинсона, при поддержке 2-го американского корпуса, состоявшего из 27-ой и 30-ой дивизий [1]).

---

[1]) Относительно боевых действий этих двух американских дивизий во время этой атаки, генерал Першинг говорит в своем донесении военному министру следующее:

„Нашему 2-му корпусу, состоящему из 27-й и 30-й дивизий, и действовавшему с британцами, пришлось принять видное участие

Эта атака началась 27-го сентября около Камбре, и в течение двух последовавших дней распространилась к югу в направлении Сен-Кентена, на фронте около 25 миль. Бой за Ле-Катле, на полпути между Камбре и Сен-Кентеном, был жестоким, но успех по всей линии, наконец, увенчал усилия британцев. Сен-Кентен и Камбре были оба заняты, и линия Гинденбурга окончательно прорвана.

На этом наступление не остановилось. 5-го октября британцы взяли большое количество пленных и продвинулись на 4—5 миль; а 8-го октября они нанесли решительный удар, который, в течение ближайших четырех дней, вывел их на открытое пространство у Ле-Като милях в 14 восточнее линии Гинденбурга. Каждая миля этого продвижения углубляла и делала уязвимее выступы Лилля и Лаона. В это время новой целью британцев на этом участке стали Мобеж и Валансьен.

Тем временем, союзники сильно продвигались и на других участках фронта. К югу от Сен-Кентена французская армия Дебеней продвигалась справа от британской. Армия Манжена, при поддержке итальянских дивизий, вытеснила германцев с Шмен-де-Дам. Армии Гуро и Бертело, при поддержке 2-й и 36-й амери-

---

в совместных операциях с австралийским корпусом во время штурма линии Гинденбурга 29-го сентября и 1-го октября. в том месте, где Сен-Кентенский канал проходит через тоннель. 30-я дивизия быстро прорвалась сквозь главную полосу укреплений и достигла всех своих целей, в то время как 27-я стремительно продвигалась через главную полосу, достигнувши Гуи некоторыми своими частями. Среди лабиринта окопов и воронок от снарядов, и под перекрестным огнем пулеметов, другие части этой дивизии отчаянно боролись с превосходными силами. В этом деле и в последующих, от 6-го до 19-го октября, наш 2-й корпус взял в плен больше 6-ти тысяч пленных и продвинулся больше чем на 13 миль. Командующий британской армией, которому эти дивизии были подчинены, высказал высокую похвалу этим дивизиям за их дух и их воинский пыл". „Annual Report of Secretary of War", 1919, стр. 77 и 78.

канских дивизий, продвинулись на север от Реймса [1]).

Американцы же вытеснили германцев из Аргонского леса. Словом, Фош выиграл великую борьбу за линию Гинденбурга.

Эта великая борьба, начатая французами и американцами 26 сентября 1918 г. и фактически законченная около 5-го октября, когда британцы прорвали линию Камбре—Сен-Кентен, может рассматриваться, как один из крупных этапов в этой величайшей в истории битве, которая началась контр-наступлением Фоша 18-го июля 1918 г., окончилась лишь с перемирием 11 ноября 1918 г. и была метко названа французским генералом Малетером „освободительной битвой".

То обстоятельство, что германцы больше 4-х лет удерживали линию Гинденбурга, несмотря на повторные и решительные усилия союзников овладеть ею, а в конце 1918 г. потеряли ее в течение 10-ти дней, побуждает нас к исследованию вопроса—каким образом Фош совершил все это в такой короткий срок? Дело, повидимому, не в понижении боевых качеств германцев; потому что они никогда не сражались ожесточеннее и отчаяннее. Каким же образом он достиг такого успеха? Ответ заключается в следующем: он достиг его с помощью танковых атак; достиг благодаря высокому под'ему

---

[1]) В своем донесении о действиях этих двух американских дивизий во время этого наступления, генерал Першинг говорит:

„Между 2 и 9 октября наши 2-я и 36-я дивизии были посланы на помощь французам для важной атаки старых германских позиций перед Реймсом. 2-я дивизия захватила полосу сложных укреплений, несмотря на упорное сопротивление, достойное ужаснейшего периода окопной войны, и атаковала сильно укрепленный лесистый холм Бланмон, которым овладела при втором штурме великолепным натиском и порывом. Затем, эта дивизия отбила сильные контр-атаки перед селением и кладбищем Сент-Этьен, и взяла город, заставив германцев отступить перед Реймсом и уступить позиции, которые они удерживали с сентября 1914 г. 9-го октября 36-я дивизия сменила 2-ую, и в своем первом боевом крещении выдержала очень сильную артиллерийскую бомбардировку и быстро начала преследовать противника, уходившего за Эн". „Annual Report of Secretary of War", 1918, стр. 78.

духа своих войск, вызванному предыдущими победами, благодаря использованию для своих наступлений стратегических преимуществ, связанных с направлениями, угрожавшими сообщениям германцев, сосредоточению на каждом боевом участке превосходных сил, продолжению контр-атаки 18-го июля, наконец, благодаря сокрушительным ударам и страшной борьбе по всей линии.

Танки оказали огромную поддержку при прорыве заграждений из колючей проволоки и укреплений линий Гинденбурга, а также уничтожением пулеметов неприятеля. В самом деле, они оказали такую помощь, что, воистину, без них линия Гинденбурга, вероятно, никогда не была бы прорвана и взята. Это приводит нас к тому предположению, что если бы германцы столь же успешно, как союзники, применили это новое и страшное орудие войны, то танки обеих сторон в значительной степени парализовали бы друг друга; в этом случае германцам, по всей вероятности, удалось бы удержать эту линию, так как даже и с помощью танков союзники были в состоянии прорвать ее только после самой ожесточенной борьбы, сопровождаемой огромными жертвами людьми.

В этой войне было много неожиданностей в отношении средств борьбы; но, может быть, не было ничего более неожиданного, чем тот факт, что решающее значение в этом великом сражении имели танки, орудие разрушения, о котором никто и не мечтал до этой войны и которое появилось лишь по истечении долгого срока от начала войны и достигло некоторого совершенства лишь за несколько месяцев до ее окончания.

Моральное состояние союзных войск достигло в этот период войны наивысшего напряжения. Выигранные уже победы вызвали большое воодушевление. Препятствия, казавшиеся за несколько недель до того непреодолимыми, стали, после по-

бед, казаться незначительными. Надежды их пробудились; кровь их быстрее пробегала по жилам; они начали чувствовать, что ничто не может помешать их победам, ничто не может приостановить их продвижение.

Маршал Фош глубоко проникал в стратегическую обстановку. Сбив все выступы германского фронта, он начал операции против линии Гинденбурга двумя мощными атаками против флангов, что сразу создало угрозу сообщениям германских армий, занимавших северную Францию и Бельгию; и немедленно же, вслед за этими атаками, он нанес сильный удар с линии Камбре—Сен-Кентен, угрожавший этим сообщениям еще сильнее. Атака против флангов привела к образованию в германском расположении огромного клина, а атака между флангами разделила этот огромный клин на два. Там, где таких выступов не было, Фош атаковал таким образом, чтобы создавать их; там, где они были мало уязвимы, он вел атаки в таком направлении, чтобы сделать их более уязвимыми. В каждом случае он не довольствовался тактическим успехом и смотрел на дело с точки зрения интересов стратегии. В каждом случае он имел в виду сообщения неприятеля. Каждое наступление и почти каждая атака, начиная с контр-наступления на Шато-Тьери и до того момента, когда германцев оттеснили за линию Гинденбурга, велись им в таком направлении, чтобы захватить сообщения неприятеля или угрожать им, для достижения важных стратегических результатов. Даже там, где, как в Аргоннах, тактических затруднений было больше, чем на каком-либо другом участке фронта, он остановил свой выбор на этом участке, с которого началось большое американское наступление, потому что он знал, что прорыв в этом направлении поведет к величайшим стратегическим результатам. В самом деле, прорыв здесь и продвижение на Седан и Мезьер вынуждали герман-

цев немедленно уходить из северной Франции и Бельгии, независимо от того, успешны или нет были атаки на других участках линии Гинденбурга. В действительности, если бы при продвижении французов и американцев до Седана и Мезьера, германцы еще удерживали линию Гинденбурга, скажем, с полупути между Реймсом и Сен-Кентеном к северу на Сен-Кентен, Камбре и Ленс до Ньюпора, то их стратегическое положение было бы гораздо опаснее, чем оно оказалось ко дню перемирия, когда они занимали линию почти параллельную этой, но миль на 40 восточнее. Это основано на том соображении, что германцы, стоявшие во время перемирия на 40 миль ближе к Маасу, чем они были бы, удерживая линию Гинденбурга от окрестностей Сен-Кентена и до побережья,—занимали гораздо более благоприятное положение для отхода за эту реку ранее, чем могли быть захвачены их сообщения. Другими словами, французы и американцы были бы у Седана и Мезьера гораздо ближе к Намюру, на железной дороге Шарлеруа—Намюр—Льеж—Аахен, чем были бы германцы, оставаясь на линии Гинденбурга к северу от Сен-Кентена.

Однако, из этого рассуждения не следует, что атаки Фоша на другие участки линии Гинденбурга, кроме участка Маас-Аргонны, были бесполезны. Напротив, они были необходимы и имели огромное значение, так как если бы они не удерживали здесь противника, то ему удалось бы сосредоточить настолько превосходные силы в районе Маас-Аргонны, что он мог бы предупредить там великое наступление союзников и воспрепятствовать этим выполнению стратегического плана Фоша.

В течение этой великой борьбы за линию Гинденбурга, маршал Фош сосредоточивал на каждом боевом участке значительно превосходные силы, следуя стратегическому принципу быть всегда, если возможно, сильнее противника в пункте атаки.

Соблюдение этого принципа в значительной мере способствовало прорыву им линии Гинденбурга в стольких местах. Но удалось ему сделать это только потому, что в течение этого периода у него был на Западном фронте перевес в силах, примерно, в 371.000 человек, из общего количества в 1.594.000 [1]).

С 18 июля 1918 г., когда Фош начал свое контр-наступление и до перемирия 11-го ноября, боевые действия на Западном фронте не прекращались. Это было беспрерывное сражение, состоявшее из ряда более мелких боев, в которых Фош, начавший с наступления, сохранял активность до конца. Он был убежденным сторонником наступательного образа действий. Он знал, что только наступление обещает решительные результаты. Наступая, полководец следует своему собственному плану; обороняясь, он должен сообразоваться с планом противника. Наступая, можно сосредоточить часть своих сил, внезапно напасть на противника и разбить его прежде, чем он успеет стянуть нужные силы для отражения атаки; обороняясь, приходится держать часть своих сил в постоянной готовности охранять все угрожаемые пункты до выяснения главного удара неприятеля. И только при наступлении, военачальник в состоянии подвести к полю сражения превосходные силы.

Людендорф также верил в наступление; но между ним и Фошем было различие: Людендорф делал длинные перерывы между своими наступлениями, что каждый раз давало французам возможность подготовиться к противодействию следующему наступлению, и, наконец, дало Фошу время подготовиться к своему контр-наступлению 18-го июля.

С другой стороны, Фош, перейдя в наступление, наносил удары так быстро и в таких непредвиденных местах, что Людендорф не имел времени

[1]) „The War with Germany; A Statistical summary", стр. 104.

восстановить свои расстроенные армии и подготовиться к наступательным действиям. По быстроте, с которой Фош наносил удары, и по упорству, с которым он продолжал развивать наступление, его операции походили на действия Бонапарта во время его первого итальянского похода. Однако, в их действиях существовала и большая разница. У Бонапарта, во время этой удивительной кампании, никогда не было общего превосходства сил на театре войны, тогда как силы Фоша в это время превосходили силы Людендорфа на четверть миллиона людей [1]).

Затем, эти удары во многих местах,—эти атаки по всей линии—препятствовали Людендорфу сосредоточивать свои резервы в угрожаемых пунктах, потому что всякое ослабление, вследствие этого, какого-либо участка давало союзникам возможность прорывать фронт именно здесь. Этот способ воспрепятствования сосредоточению резервов к опасным и угрожаемым пунктам был применяем весьма успешно генералом Грантом во время великой гражданской войны в Америке. Имея в виду, что главнокомандующий союзными армиями не только безостановочно наносил удары на Западном фронте с 18-го июля по 11-е ноября, но в значительной мере был ответствен за активные операции союзных армий в Палестине и особенно на Балканах в этот период [2]), возможно найти большое

[1]) „The War with Germany; A. Statistical summary," стр. 104.

[2]) „Но сражение не ограничивалось Западным фронтом. Мы должны помнить, что маршал Фош командовал всеми армиями союзников на всех фронтах и что везде, за исключением Италии, он успешно наметил общность операций, рассчитанную на поражение и расстройство противника повсеместно. То, что произошло на Востоке, в течение сентября и октября, было составной частью „освободительной битвы".. Маршал Фош—руководитель с предвидением, развитым годами преподавания в военной академии и целой жизнью занятий и размышлений. Он не забывал, что война началась на Востоке и постоянно имел в виду, что события восточной кампании отражались на военном положении германцев на Западе и на моральном состоянии германской и австро-венгерской империи".—Генерал Малетер, заведующий музеем инвалидов и военный критик газеты „Temps", в статье „Как была выиграна война". Harper's. Magazine, апрель 1919, стр. 609.

сходство между стратегией Фоша и таковой нашего великого полководца Гранта. В самом деле, следующие выдержки из отчета генерала Гранта об операциях гражданской войны, за время пребывания его на посту главнокомандующего армиями Соединенных Штатов, могут служить точным изложением стратегии маршала Фоша. Грант говорит:

„С самого начала восстания я был убежден, что активные и безостановочные операции всеми войсками, какие возможно выставить в поле, несмотря на время года и погоду, необходимы для скорого окончания войны... Поэтому я решил, во-первых, использовать наибольшее, возможное количество войск для действий против неприятеля; препятствовать ему применять одни и те же силы в разное время, против одной, а затем другой нашей армии, и не предоставлять ему возможности отдыха и получения снабжения для дальнейшего сопротивления. Во-вторых, постоянно бить по вооруженным силам противника и по источникам его средств до тех пор, пока от истощения и по другим причинам для него не останется другого выхода, как подчиниться конституции и законам нашей общей родины, вместе с лояльной ее частью".

Маршал Фош и в других отношениях весьма походил на генерала Гранта. И в походе, и в сражении оба отличались правильностью суждений, ясностью взглядов и хладнокровием. Способность не поддаваться опасениям, не приходить в замешательство, не расстраиваться от неблагоприятных событий, но и не упиваться победой, всегда сохранять хладнокровие и самообладание, избегать недоразумений в командовании, отдавать приказания в разгаре сражения с полным спокойствием,—являлась выдающейся, характерной особенностью обоих великих полководцев.

ГЛАВА VII.

Победа союзников на Востоке.

Пока шла борьба за линию Гинденбурга, в Палестине и на Балканах происходили некоторые события, которые должны были оказать сильное влияние на стратегическую обстановку и отразиться на ходе войны на Западном фронте.

19-го сентября 1918 г. генерал Аленби, командующий британскими, индийскими, австралийскими и небольшим количеством французских войск в Палестине, атаковал турок между Иорданом и Средиземным морем. На восток от Иордана его поддерживала арабская армия. В этой атаке, известной под именем сражения в Самарии, Аленби прорвал линию турецкого расположения и, двинув свою кавалерию на север и восток, успел, в течение нескольких последующих дней, захватить Дамаскую железную дорогу в тылу у турок и овладеть переправами через Иордан, лишив их, таким образом, возможности отступления. В результате, значительная часть турецкой армии была окружена и взята в плен. Остатки были разбиты и рассеяны, а несколько тысяч, неспособных на дальнейшее сопротивление, отступили к Алеппо. Эти операции уничтожили турецкую армию в Палестине и поставили армию Аленби в условия, при которых, следуя ускоренными маршами, она могла бы дойти до Алеппо ранее отступавшей турецкой месопотамской армии, захватить в этом пункте ее сообщения и заставить ее сдаться. 25-го сентября, за день до начала наступления Фоша против линии

Гинденбурга на участке Маас—Аргоны, британское военное министерство об'явило, что генерал Аленби во время палестинского наступления взял больше 40.000 пленных и 265 орудий.

Пока эти поразительные события происходили в Палестине и Сирии, союзные войска одерживали такие же успехи на Балканах. 15-го сентября 1918 г., генерал Франше д'Эспери, командовавший союзными армиями на салоникском фронте в Македонии, атаковал центр болгарской линии на возвышенности, расположенной у слияния рек Вардара и Черны, прорвался и продвинулся на 12 или 15 миль вверх по долине Вардара. Эта атака, за которой через несколько дней последовали другие атаки против болгарской линии к востоку от Вардара поблизости от озера Дойран, образовала большой прорыв в центре болгарской линии в долине Вардара, по которой проходит железная дорога Ниш—Ускюб—Велес—Салоники. От этой дороги как болгары, так и австрийцы, стоявшие в Македонии, всецело зависели в отношении своего снабжения и пополнений. Поэтому, когда союзные войска двинулись через прорыв, захватили железную дорогу и поднялись по долине до Ускюба, они захватили не только сообщения болгар к востоку от Вардара, но и сообщения болгар и австрийцев к западу от него, и этим поставили их в весьма опасное положение.

26-го сентября, в день когда Фош начал свое наступление на участке Маас—Аргонны, сербы продвинулись на 75 миль по долине Вардара и захватили крепость и железнодорожный узел Велес; и в тот же день французское военное министерство об'явило, что союзные войска на салоникском фронте взяли в плен во время этого наступления больше 10 тысяч болгар. На следующий день болгары попросили перемирия, а через два дня 28 сентября 1918 г., вышли из войны, приняв военные условия, предписанные генералом д'Эспери, кото-

рые должны были оставаться в силе до тех пор, пока мирная конференция не определит точных условий мира. Согласно принятым условиям, болгарская армия должна была уйти с греческой и сербской территорий и демобилизоваться, а союзные войска приобретали право занять все стратегические пункты в Болгарии и все средства сообщения. Австрийская армия, находившаяся справа от болгарской, и потерявшая также все сообщения через Ускюб, вынуждена была пробираться кое-как по трудным тропам через холмы и горы Албании к своей территории.

Победа союзников на Балканах не только покончила с Болгарией, но и разобщила Турцию с Германией и Австрией, прервала железную дорогу Берлин—Константинополь—Багдад, разделила на две части театр военных действий центральных держав и обнажила сообщения австрийской армии в Италии и германской на Западном фронте. Одержанная немедленно вслед за большой победой генерала Аленби над турками в Палестине, как раз тогда, когда Фош начал прорыв линии Гинденбурга, она нанесла Германии смертельный удар, решивший судьбу центральных держав. Она означала, что Германия проиграла войну [1]), потому что с самого ее начала, стратегический и жизненный центр всего ее театра был на Балканах; и как только армия в Салониках получила достаточно подкреплений, чтобы начать успешную кампанию на Балканах [2]) и прервать железную дорогу Бер-

[1]) „На какое бы сопротивление ни были способны германцы на Западе, их поражение было неизбежно после побед союзников над болгарами и турками на Востоке". Генерал Малетер, в статье „Как была выиграна война", „Harper's Magazine", апрель 1919, стр. 609.

[2]) „Маршал Фош знал, что делается в Болгарии. Генерал Гильома докладывал ему, что внезапная атака имеет серьезные шансы на успех и что от ее успешности будет зависеть отпадение Болгарии. В то время, когда на Западе произошел перелом и маршал Фош знал, что Германия не в состоянии будет послать свежих войск в Болгарию, он отдал приказ наступать в Салониках. Наступление удалось провести, может быть, более решающим образом и быстрее, чем надеялись"—Генерал Малетер, в ст. „Как была выиграна война", „Harper's Magazine", апрель 1919, стр. 619.

лин—Константинополь—Багдад, по которой турки получали боевые припасы из Германии, а Германия и Австрия получали хлопок и другое снабжение из Малой Азии, то весь план обороны центральных держав рассыпался, как карточный домик.

Причины этого были следующие: после потери турками возможности получать боевые припасы, что явилось немедленным результатом искусного наступления генерала Аленби против них в Палестине, у них не было выбора, кроме выхода из войны на возможно благоприятных для них условиях. Это освобождало армию в Салониках для движения на север в Австрию, где, конечно, к ней присоединились бы чехо-словаки и румыны, готовые присоединиться к союзникам для нанесения Австрии и Германии сокрушительного удара. Такое продвижение в Австрию, через Будапешт на Вену, прервало бы сообщения австрийской армии в Италии—единственной значительной армии, оставшейся у Австрии—и, лишив ее снабжения, заставило бы сдаться. В самом деле, одна лишь угроза такого продвижения на сообщения привела ее в такое деморализованное состояние, что, когда через три недели итальянская армия атаковала ее, то свободно отбросила ее с сильно укрепленной позиции и почти уничтожила.

В этом отношении интересно отметить, что марш Наполеона вниз по Дунаю в 1805 г. и захват им австрийской столицы, после пленения австрийской армии генерала Мака в Ульме, парализовал операции австрийской армии эрцгерцога Карла в Италии и принудил его отступить перед Массеной на Вену; и что большая победа Наполеона над русскими и австрийцами под Аустерлицем, через несколько дней после этого, не только повела за собой возврат Италии, но и принудила и Австрию, и Россию просить мира. Так и в этой войне, как и в дни Наполеона, сражение, выигранное союзни-

ками по близости от Вены, отдало бы им всю северную Италию.

После выхода разбитой Австрии из войны, для армий в Салониках и Италии был бы открыт путь к соединению и совместному нападению на Германию с юга. Это не только лишило бы ее пшеницы, масла, платины и других продуктов, которые она получала из Румынии и Украйны, но при дальнейшем продвижении союзников на север разрушило бы сообщения германской армии Западного фронта с Берлином и другими важными городами Германии или угрожало бы этим сообщениям. Кроме того, продвижение от Вены по дружественной территории Богемии довело бы союзную армию почти до Дрездена, на расстояние 125 миль от Берлина. Такое вторжение на ее территорию означало бы для Германии разрушение ее железных дорог, каналов и городов; взрыв ее мостов и складов с боевыми припасами и опустошение ее полей. И не было бы возможности для нее помешать этому выделением с этой целью каких-либо войск с Западного фронта, так как она не была в силах удержаться даже там. Но даже при достаточном количестве войск она не имела бы возможности прокормить и их, и свой собственный народ при блокаде британцами ее северного побережья и разрушении ее южных источников снабжения. Видя, что все это внесло бы разорение и ужасы войны внутрь страны и довело бы армию на Западном фронте до неизбежного уничтожения или пленения, Германия пришла к сознанию, что ей больше ничего не остается, как вступить в соглашение с союзниками.

28-го сентября, на другой день после того, как болгарская армия попросила перемирия, фельдмаршал Гинденбург и генерал Людендорф обсудили положение и решили, что немедленные действия настоятельно необходимы. Поэтому, 29-го сентября они отправили в Берлин своего представи-

теля, майора барона фон-дем-Буше, чтобы уведомить германское правительство о своем решении. 30-го сентября майор посетил в Берлине канцлера, принца Максимилиана Баденского и вице-канцлера фон-Пайера и изложил им взгляды Гинденбурга и Людендорфа. 2-го октября он предстал в рейхстаге перед собранием лидеров партий и выяснил им в своей речи военную обстановку, закончив следующими словами:

„Мы можем продолжать воевать еще довольно долго, мы можем причинить неприятелю новые тяжелые потери, мы можем опустошить его страну при отступлении, но мы не можем выиграть войны".

„Сознавая это обстоятельство и учитывая общий ход событий, фельдмаршал и генерал Людендорф решили предложить верховному командованию закончить войну, во избежание дальнейших жертв со стороны германского народа и его союзников.

„Как тогда, когда 15-го июля наше наступление было остановлено, тотчас же было видно, что продолжение его повлечет за собой бесполезные жертвы, так и теперь мы должны согласиться на прекращение войны, в виду ее безнадежности. На это еще есть время. Германская армия еще достаточно сильна, чтобы удерживать неприятеля целые месяцы, иметь частный успех и причинять дальнейшие потери Антанте. Но с каждым днем противник приближается к своей цели и становится менее склонным заключить с нами благоприятный для нас мир. Поэтому, нам нельзя терять времени. Каждые сутки промедления ухудшают наше положение и разоблачают перед неприятелем нашу слабость в настоящее время.

„Это может иметь самые бедственные последствия, как для наших видов на мир, так и для нашего военного положения. Ни армия, ни народ ничем не должны проявлять слабости. Когда предложение мира будет сделано, вы должны дома проявлять стойкость, чтобы доказать ваше непреклонное решение продолжать борьбу, в случае, если неприятель откажется заключить мир и предложит одни только унизительные условия.

„Если таков будет ход дела, то сила сопротивления армии будет зависеть от твердости духа, проявленной дома, и от хорошего настроения, которое будет проникать с родины на фронт" [1]).

На другой день, 3-го октября, Гинденбург сам присутствовал на заседании германского кабинета в Берлине и в следующем заявлении изложил взгляд главной квартиры германской армии:

„Главная квартира поддерживает представление, сделанное ею в понедельник 29-го сентября этого года, о немедленном предложении мира неприятелю.

---

[1]) „Ludendorff's Own Story", т. II, стр. 330 и 331.

„В результате падения македонского фронта и ослабления наших резервов на Западе, вызванного этим, и в виду невозможности пополнить весьма тяжелые потери нескольких последних дней, по-видимому, здраво рассуждая, нет возможности добиться мира с неприятелем силой оружия.

„С другой стороны, неприятель непрерывно вводит в бой новые и свежие резервы.

„Германская армия все еще стойко держится и победоносно отражает все атаки неприятеля, но положение становится тяжелее с каждым днем и может довести нас до принятия отчаянных мер.

„При таких обстоятельствах единственным правильным решением будет отказ от борьбы, во избежание бесполезных жертв со стороны германского народа и его союзников. Каждый день промедления стоит жизни тысячам храбрых германцев“ [1]).

Вследствие этого, 4-го октября 1918 г., через пять дней после выхода Болгарии из войны, германское правительство попросило „о немедленном заключении перемирия на суше, на воде и на воздухе“ [1]).

Вот какова была обстановка. Болгария была разбита и вышла из войны. Турция, вследствие уничтожения ее палестинской армии и победы союзников на Балканах, сделалась безусловно бессильной продолжать борьбу и стала готовиться к сдаче. Австрия находилась на границе полного крушения, так как весь ее юг был открыт для нападения, а сообщения ее армии в Италии были серьезно угрожаемы. Достаточно было еще одного натиска итальянских войск на ее отчасти уже деморализованные войска на Пиаве, чтобы разбить, отбросить и рассеять их и вынудить, следовательно, и ее выйти из войны. И Германия со своими недостаточно снабженными армиями и населением, которому угрожал голод, отрезанная и на суше, и на море от источников снабжения, с территорией, открытой с юга вражескому вторжению, для задержки которого не было сил,— знала, что она побеждена, но не потому, чтобы была разбита ее армия Западного фронта, которая еще сражалась без малейших признаков демора-

[1]) „Ludendorff's Own Story“, т. II. стр. 386.
[2]) Buchan, „Nelson's History of the War“, т. XXIV, стр. 11 и 127.

лизациии, и продолжала отчаянно сражаться в течение 5 недель чрезвычайно искусно веденного отступления [1]); тем не менее, она была все-таки разбита, вследствие разрушения своего тыла, вызванного сильным ударом на Балканах [2]).

---

[1]) „Что бы нам ни сообщали иного, но мы достоверно знаем, что военная система бошей работала правильно до конца". Георг Пателло в „Saturday Evening Post", 22-го февраля 1919 г.

Франк Саймондс говорит в ноябрьском номере „Review of Reviews" в статье от 21-го октября 1918 г., стр. 482: „Если Германия продолжает сражаться, то надо ждать тяжелой борьбы и серьезных потерь, потому что даже при неудачах ее армии хорошо сражаются, и ее военная машина еще не проявила признаков разложения".

[2]) „Пока армия еще держалась, страна в тылу потерпела крушение". Франк Саймондс в „Review of Reviews", декабрь 1918 г., стр. 592.

ГЛАВА VIII [1].

Германский план мирового господства.

Для того, чтобы полнее оценить то поразительное воздействие, которое оказало на Германию поражение болгарской армии на Балканах, и составить себе, кроме того, ясное представление об общей стратегической обстановке, не только на Западном фронте, но и на всех театрах войны, необходимо, прежде чем говорить об отступлении Людендорфа с линии Гинденбурга, вкратце описать происхождение, развитие, составление и характерные черты германского плана мирового господства.

Главной, основной причиной мировой войны, вокруг которой группируются второстепенные причины, последствия и события этой войны, является намерение императора германского Вильгельма II

---

[1]) При подготовке к печати предлагаемого читателю труда Саджента „Стратегия на Западном фронте" политическая редакция намеревалась совсем выпустить восьмую главу о „германском плане мирового господства".

Глава с типичной для буржуазных военспецев близорукостью толкует причины войны, как результат „желания императора германского Вильгельма создать ..... мощную империю, которая распространила-бы власть Германии за пределы Европы".

Видя конечный момент,—распространение немецкой гегемонии за пределы Европы,—Саджент совершенно упускает из виду внутренние пружины, двигающие всеми империалистическими державами, вне зависимости от их названий и титулов. Этот момент—вовсе не желание императоров и парламентов, а внутренне-присущие данной капиталистической эпохе законы, толкающие государства в кровавую свалку из-за рынков, из-за новых колоний, ради всесильного буржуазного бога—барышей,

Желания Круппов, Стиннесов и пр., здесь значат гораздо больше, чем желания „императора германского Вильгельма II-го", являющегося лишь приказчиком в торговом заведении упомянутых купцов.

Невозможно также, чтобы автор по настоящему верил в то, что причинами войны являются только хищнические устремления Гер-

создать, с помощью своей армии и армий своих союзников, мощную империю, которая распространяла бы влияние и власть Германии за пределы Европы, в Азии, Африке, и может быть даже и Америке,—могучее государство, которое простираясь от Северного и Балтийского морей через сердце Европы к Балканам и оттуда через Малую Азию в Египет и до Персидского залива, господствовало бы над всей Европой, а через Европу, быть может и над всем миром.

Багдадская железная дорога.

Первые шаги этого движения на Восток (Drang nach Osten) были предприняты уже в 1888 году, когда германское акционерное общество получило от султана 99-летнюю концессию на эксплоатацию железной дороги Гайдар-Паша (Скутари)—Исмид и на постройку и эксплоатацию ее продолжения от Исмида до Ангоры. В феврале 1893 г. это об-

---

мании. Разве Армсронг и Шнейдер меньше сделали в свистопляске вооружений, чем Крупп и Бохумские заводчики? Разве Лушеру и Люберзаку, крупнейшим французским финансистам, война принесла меньше барышей,—чем Стиннесу и Бумке? (См. по этому поводу интересную работу Ньюболда—„Как Европа готовилась к войне“,— статьи Троцкого, Зиновьева, Радека, М. Павловича-Вельтмана.

Только при абсолютном непонимании этого основного, целиком определяющего политику империалистических держав, момента—можно сколько-нибудь серьезно отнестись к тем наивным, или просто нелепым писаниям и речам, которыми занимались немецкие империалистические газеты и „сам“ император Вильгельм.

Цитаты из речей Вильгельма и статей Максимилиана Гардена, состряпанные для убеждения бесчисленных дородных Амалий, или опьяненных мещанским квасным патриотизмом и дешевым пивом Фрицев и Кунцев—автор кладет в основу своих рассуждений о германском плане мировой гегемонии. Кого, кроме самого захудалого мещанина это может убедить и кого, кроме самого распродавшегося Каутского тронуть? Бухгалтерские книги Круппов и К°—вот воистину евангелие войны, а не „железная“ водица императоров и журналистов.

Нежелание нарушать общей стройности труда Саджента, полезного в военно-стратегической своей части, которая искупает все недостатки книги,—все же заставляет политическую редакцию оставить главу VIII-ю такой, какой она была написана.

Полит. ред.

щество (компания Анатолийской железной дороги) получило концессию на постройку и эксплоатацию другого участка, от Исмида до Конии. Этот участок был построен в 1896 году. Затем в 1898 г., во время знаменитого посещения императором Вильгельмом Константинополя и Святой Земли, он сам добился от султана обещания концессии на продолжение этой линии от Конии до Басры (Басоры), на берегу Персидского залива. Эти концессии, за которыми последовали другие, послужили для выполнения так называемого проекта Багдадской железной дороги, которая, будучи закончена, должна была простираться от Гайдар-Паши (Скутари, против Константинополя), через Конию, Алеппо и Багдад до Басоры на Персидском заливе. Этими концессиями компании Багдадской железной дороги было предоставлено право не только строить и эксплоатировать боковые линии, самой важной из которых была линия, идущая от Алеппо по сирийскому побережью через Дамаск до Иерусалима, но и устроить пароходное сообщение по рекам Тигру и Евфрату, а также строить доки и углублять гавани в Александрете, Багдаде и Басоре, разрабатывать некоторые рудники и леса, использовать естественную водяную силу, строить мощные электрические станции, изготовлять кирпич и черепицу в районе жел. дорог и провести воду из ущелий гор Тавра на бесплодные равнины Карамана и Конии[1]).

По окончании постройки эта железная дорога, с ее веткой от Алеппо до Иерусалима, явилась бы продолжением линии Гамбург—Берлин—Прага—Вена—Будапешт—Белград—София—Константинополь через Малую Азию до Басоры на Персидском заливе и до Палестины на восточном берегу Средиземного моря. Эта линия, проходя по всей Европе

[1]) Geraud, „A New German Empire: The Story of the Bagdad Railway" в Nineteenth Century, май, 1914, стр. 960.

и Малой Азии от Северного моря до Персидского залива, была бы одной из самых обширных железнодорожных систем в мире.

Багдадская железная дорога должна была быть финансирована германским банком и строить ее должны были Крупп и Маннесман [1]). Ее назначением было доставить выход в Азиатскую Турцию для вестфальской и другой германской промышленности и сделаться первым из тех клиньев, которым, быть может, предстояло постепенно расщепить Британскую империю. Здесь были миллионы промышленного люда, нуждавшегося в мануфактуре и создавшего рынок для сбыта германских товаров [2]). Здесь были гавани, подлежавшие углублению, здесь надо было строить доки, железные дороги и ирригационные системы. Здесь были обширные участки земли, пустопорожней и бесплодной, которые нуждались только в орошении, чтобы стать тем, чем они были в древности—лучшими садами в мире. А поблизости, под британским управлением, и в небольшом расстоянии от конечных пунктов Багдадской железной дороги в Месопотамии и Палестине лежали Южная Персия, Египет и Суэцкий канал, захват которого Германией навсегда прекратил бы британскую торговлю с Индией и другими восточными странами.

С самого начала Вильгельм II интересовался постройкой Багдадской железной дороги. В связи с этим он посетил султана в 1889 г. [3]); но только при своем втором торжественном посещении Константинополя и Святой Земли в 1898 году, отличавшемся чрезвычайной пышностью, он обещал вечную дружбу кровожадному султану Абдул-Гамиду II-му, известному в истории под именем „Красного Султана“, и положил начало тем кон-

[1]) Howe, „The Heart of the War,“ в Harper's Magazine, апрель, 1918, стр. 729.
[2]) Howe, „Why war?“, стр. 215.
[3]) Guyot, „The Causes and Consequences of the War“, стр. 174.

цессиям и соглашениям, которые, будучи утверждены тогда же или постепенно, явились хартией полномочий для этого предприятия [1]). В тоже время ему удалось свести британские и французские концессии и прибыли по эксплоатации малоазиатских железных дорог к нулю, или сократить их [2]).

Будучи в Палестине 31-го октября 1898 года, он присутствовал на богослужении в лютеранской церкви, где играл роль центральной фигуры при совершении некоторых обрядов, изображая из себя светского главу реформатской церкви в Германии; и в тот же день поднял свой императорский флаг над горой Сион, в качестве патрона и покровителя германских католиков в Святой Земле. А через 8 дней, в Дамаске, он об'явил о своей вечной дружбе с „Красным Султаном" в следующих словах: „Пусть его величество султан, вместе с тремя стами миллионов магометан, чтущих его, как своего калифа, будет уверен, что император Германии навсегда останется его другом" [3]).

Все эти поступки, церемонии и речи преследовали только одну цель: превращение Германии в азиатско-европейскую мировую державу. Эта железная дорога, соединявшая Турцию с Германией через Балканы, служила мостом на Восток, предоставлявшим огромные возможности для торговли и промышленности, и удобные условия для разработки одной из самых богатых и неиспользованных стран на земле, где некогда процветали величайшие государства мира. Это был глубокий клин, который Германия вбивала в Турцию, чтобы приобрести решающий контроль над ней и ее 20 миллионами жителей. Контроль же над Турцией, приобретенный Германией, этим ли способом,

---

[1]) „A New German Empire: The Story of the Bagdad Railway", в Nineteenth Century, май, 1914, стр. 959 и 960.
[2]) Bracq, „The Provocation of France", стр. 69.
[3]) Lewin, „The German Road to the East", стр. 105 и 106.

или путем союза с ней, имел бы для нее огромное стратегическое значение в случае войны с державами Согласия; потому что он с самого начала не только прервал бы сообщения России с Францией и Великобританией путем закрытия Дарданелл, но и дал бы Германии возможность нанести удар через Сирию Египту и Суэцкому каналу, этому жизненному звену, соединяющему британские острова с Персией, Индией и Австралией.

Мечта о мировом господстве.

Германская империя, которая владычествовала бы над всей Европой и может быть над миром, вот какова была мечта Вильгельма II. Повидимому, он постоянно думал об этом, начиная с первой встречи с султаном в 1889 г. и до великой войны 1914 г. и даже позже. Это видно из его речей и воззваний. И с этой идеей была связана другая, о том, что германцы „избранный народ", превосходящий все другие народы культурностью и разумом, а он сам—орудие Всевышнего для свершения, с помощью армии, великого дела—основания могущественной германской мировой державы.

„Помните", говорит он в своем воззвании к Восточной армии в 1914 г., „что вы народ избранник"! Дух Господень снизошел на меня, потому что я—германский император!

„Я—орудие Всевышнего. Я—его меч, исполнитель его воли. Горе и смерть всем, кто будет противостоять моей воле! Горе и смерть всем тем, кто не верит в мою миссию! Горе и смерть трусам! Да погибнут все враги германского народа. Господь требует их истребления. Господь, моими устами, требует от вас исполнения его воли [1])"!

В 1896 г., в 25-ю годовщину основания германской империи, он заявил, что германская нация стала

„..... мировой державой, жители которой живут во всех частях света, внося с собой всюду германские знания и германскую культуру. Настало время соединить эту более обширную германскую империю с нашей родной страной".

[1]) Out of Their Own Mouths, стр. 4.

В другом случае он сказал: „Только один германский народ призван защищать, вырабатывать и развивать великие идеи“, и еще в другом случае: „Наш германский народ будет гранитным утесом, на котором Всемогущий закончит свое дело цивилизации мира“ [1]).

При закладке римского музея в Заальбурге, 4-го октября 1900 г., Вильгельм II сказал:

„Да будет наше германское отечество также сплочено в будущем, так же могуче, так же вызывать удивление, как Римская всемирная империя; да будет это достигнуто соединенными усилиями наших принцев, наших народов, наших армий и наших граждан, чтобы современем можно было бы сказать о нас, как было сказано о них: civis romanus sum [2]).

В речи 22-го марта 1905 г. он сказал:

„Бог никогда бы не положил столько труда на наше германское отечество и его народ, если бы он не предназначал нас для чего-то высшего. Мы—соль земли“. А в воззвании в июне 1915 г. он сказал: „Торжество великой Германии, которая когда-нибудь будет владычицей всей Европы, вот единственная цель, ради которой мы боремся“ [3]).

Но эта мечта мирового владычества, которая часто упоминается, как идейное основание для проекта „От Гамбурга до Персидского залива“, была свойственна не одному только Вильгельму II-му. Германские публицисты, руководители промышленности и торговли, многие писатели, профессора высших школ и офицеры армии прониклись важностью этой идеи, говорили и писали в ее пользу и превозносили германского императора за его деятельность и предусмотрительность по проведению ее в жизнь.

Уже в 1895 г. был. опубликован, с одобрения „Alldeutsher Verband“—мощного пан-германского обще-

---

[1]) Lewin, „The German Road to the East“, стр. 12.

[2]) Chéradame, „The Pan-German Plot Unmasked“, стр. 6.

[3]) Out of Their Own Mouths, стр. 5.

ства—памфлет, под заглавием „Великая Германия и Средняя Европа в 1950 г.“ [1]), в котором автор говорил:

„Без сомнения, не одни германцы будут населять образовавшуюся таким образом новую германскую империю; но они одни будут управлять, у них одних будут все политические права, они одни будут служить во флоте и в армии; они одни будут иметь право приобретать земельную собственность. Таким образом, они, как и в средние века, будут чувствовать себя господствующей расой; тем не менее, они допустят иностранцев делать менее важную работу под их господством“.

В 1911 г., за три года до великой мировой войны, Танненберг излагает в своей книге „Великая Германия, задача двадцатого столетия“ [2]), полную программу германского расширения, перечисляет страны и территории, которые он считает нужным захватить или иметь под господством Германии, если она сделается великой мировой державой. Этот пангерманский план 1911 года предусматривал создание под главенством Германии федерации стран [3]), включая на западе Голландию, Бельгию, Люксембург и Швейцарию, а также широкую полосу Франции к северо-востоку от линии, проходящей от Бельфора до устья Соммы; на востоке—обширную площадь западной России, включая русскую Польшу и Прибалтийские губернии—Эстляндскую, Курляндскую и Лифляндскую; на юге-востоке—Австро-Венгрию и Балканы. Но эта обширная федерация, ядром которой должна была служить великая германская империя средней Европы, не должна была ограничиваться только европейскими странами и территориями. Она должна была распространяться и на Азию, Африку и даже на Америку. Протекторат или захват Малой Азии, Сирии, Месопотамии, Палестины, Южной Персии, Египта и Суэцкого канала так же, как и некоторых стран в Африке и многих островов

[1]) „Gross-Deutschland und Mittel-Europa um das Jahr 1950“ приводится Льюином в книге „The German Road to the East“, стр. 12 и 13.

[2]) Танненберг, „Gross-Deutschland, die Arbeit des Zwanzigsten Jahrhunderts“.

[3]) Шерадам, „The United States and Pan-Germania“, стр. 11 и 14.

в Вест-Индии и Океании, входил также в этот план [1]). Поговорив в защиту этого плана мирового господства, Танненберг говорит: „Перед современной Германией лежит задача перейти от положения европейской державы к положению мировой державы“ [2]).

Льюин в своем введении к книге „Германский путь на Восток“ говорит:

„План пангерманцев создать великую мировую державу, которая не только господствовала бы над центральной и юговосточной Европой, но фактически имела бы контроль над всей Африкой, Оттоманской империей, Персией и значительной частью Дальнего Востока, а также Южной Америки,—основан на весьма точных сведениях, приобретенных в течение 25 лет изучения каждой политической, этнографической, экономической, социальной, военной и морской задачи, касавшейся интересов каждой страны в мире. Эта работа выполнялась либо агентами мощной и вездесущей пангерманской лиги и других подобных обществ, либо агентами тайной разведки, достигшей в течение последних лет необычайного развития.

„Так основательно велось это систематическое изучение чужих стран в течение последних немногих месяцев, что бесполезно было бы подчеркивать значение и всеобъемлющий характер деятельности этих тевтонских корреспондентов и интриганов. Каждый агент работал в своей собственной сфере на пользу германской мозаичной разведки. Существовала правильная иерархия обученных исследователей и корреспондентов, отправлявших сведения в фатерланд и оказывавших влияние, во многих скрытых, но полезных направлениях, на политику и политическую жизнь чужих стран [3]). Донесения этих многочисленных агентов отправлялись в генеральный штаб на Вильгельмштрассе, операции которого всегда направлялись сообразно как военным, так и политическим потребностям; а затем—в кабинет германского императора, не стеснявшегося держать нити этого огромного дела в собственных руках“.

В 1906 г. Клаус Вагнер, предугадывая для Германии мировую войну, писал:

„Возможно, что полки Германии пройдут от Инда до Ганга; что германские войска и турецкие дивизии, под командой офицеров

[1]) Подробное и полное обсуждение этого плана можно найти в книге „The Pan-German Plot Unmasked“ (Разоблачение пангерманского заговора) Андре Шерадама; также в книге „The United States and Pan-Germania“ (Соединенные Штаты и пангерманцы) того же автора. Подтверждение показаний, приводимых в тексте, можно найти в книге „Out of their own Mouths“ (Из их собственных уст). См. также „Militarism and Statecraft“ (Милитаризм и государственность) Мунро Смита, стр. 167.

[2]) Out of Their Own Mouths, стр. 79.

[3]) Относительно приводимых здесь заявлений видных германцев, касающихся в особенности Америки, см. „Out of Their own mouths“, стр. 197 и след.

германского генерального штаба блокируют Суэцкий канал, и, пройдя английский Египет, поддержат хедива, пока еще находящегося под покровительством Англии, в общем восстании за Ислам. Вполне возможно, что в южной Африке предположения превратятся в действительность. Вполне возможно, что черно-бело-красный флаг будет развеваться на башнях Роттердама и Кале, и что военные налоги и принудительные займы будут об'явлены немцами в Париже—после такой мировой войны, которой еще никогда не бывало под солнцем" [1]).

В 1914 г., через несколько недель после начала великой мировой войны, Максимилиан Гарден писал в „Die Zukunft".

„Германия имеет право расширить свои владения, сообразно своим потребностям, и силу добиться этого, несмотря ни на какие возражения.

„Англичане, бельгийцы, французы, северные и южные славяне и японцы, все хвалят друг друга, как обладателей и хранителей наивысшей человеческой цивилизации и называют нас варварами. С нашей стороны было бы безумием противоречить. Для Рима в дни его гибели, германцы, рывшие ему могилу, казались варварами. Ваша цивилизация, сплетники, не кажется нам сладкой. Приучайтесь, как можно скорее, сознавать, что на германской почве живут варвары и воины. У них нет времени, которое можно было бы терять на болтовню. Они должны раздавить ваши армии, взять в плен ваши генеральные штабы, разбросать ваше оружие по океану. Когда под их варварской властью будут Танжер и Тулон, Антверпен и Кале, тогда они будут рады по-приятельски поболтать с вами...

„Крупп подал нам надежду не только добраться до Англии в ее плавучих замках, но и широко расположиться на ее глазах, искаженных завистью, на двух морях и побережьях Бельгии, Франции и Марокко. Что германцы не склонны к суете миролюбивых наций,—составляет горделивую особенность германского характера. Их мужественность не ослабевает от долгого мира. Война всегда была их главным занятием... Германия решила развиваться и выковать трудами своих граждан и своих стран свои права верховенства, перед которыми каждый должен будет склонить голову в почтительном преклонении. Германия наносит удар. Кто позволил ей это? В ее могуществе заключается ее право. Поэтому она ведет удачную войну... Поэтому дела англичан уже плохи... От Кале до Дувра недалеко. Вы сомневаетесь в нашей способности добраться туда? С такой армией можно сделать все. И пока они не будут наказаны, мира не будет...

„Мы сражаемся не для того, чтобы наказывать страны, или освобождать порабощенные народы и упиваться потом сознанием нашего бескорыстного благородства. Мы ведем войну, вследствие нашей твердой уверенности, что Германия, в виду всего того, что она достигла, имеет право потребовать и должна получить на земле больше простора и более широкую сферу деятельности... Испания и Нидерланды, Рим и Габсбурги, Франция и Англия захватывали самые плодородные земли, управляли ими и оплачивали ими свои большие расходы. Теперь пробил час главенства Германии. Если мир не обеспечит нам этого, наши усилия не будут вознаграждены...

---

[1]) Клаус Вагнер, в книге „Krieg" (1906 г.), стр. 115 и 116. Out of Their Own Mouths, стр. 76 и 77.

Мы останемся на Бельгийской низменности, к которой мы добавим узкую прибрежную полосу до Кале и за ним... От Кале до Антверпена, Фландрия, Лимбург и Брабант, до линии крепостей на Маасе включительно, все должно принадлежать Пруссии...

„Южный треугольник с Эльзас-Лотарингией (и Люксембургом, если вам угодно) должен превратиться в независимое имперское государство, под управлением католического королевского дома— в Новую Лотарингию. Тогда Германия будет знать, из за чего она проливала кровь.

„Только с одним принципом надо считаться, с одним, который об'емлет и включает все другие—с силой. Опирайтесь на него и пренебрегайте пересудами. Сила! Вот что звучит громко и ясно; вот в чем превосходство и очарование. Сила, кулак—в этом все... Отбросим наши жалкие усилия оправдать действия Германии; перестанем осыпать неприятеля презрением и оскорблениями. Не против нашей воли мы втянуты в эту гигантскую авантюру. Она не была навязана нам внезапно. Мы хотели ее; мы были вынуждены желать ее. Мы не собираемся предстать перед трибуналом Европы; мы не признаем такого судилища.

„Наша сила создает для Европы новый порядок. Германия сражается. Когда она добудет себе новое поле деятельности для своего гения, тогда жрецы всех верований превозгласят хвалу войне" [1]).

Можно было бы предполагать, что речи Вильгельма II и статьи Танненберга, Вагнера и других пангерманцев, с их преувеличенным чувством национальной гордости и сознанием большого значения и превосходства своих соотечественников и своего, не произведут большого впечатления на умы консервативного и туго соображающего германского народа; но в действительности эти апостолы пангерманизма имели огромное влияние на германский народ и могли направить и его, и его правительство в какую-угодно сторону. Их статьи и речи, широко распространявшиеся в Германии, читались сотнями тысяч германцев и имели огромное влияние на характер внутренней и внешней политики Германии по отношению к войне и идее мирового господства.

---

[1]) Максимилиан Гарден, в „Die Zukunft" (август—октябрь, 1914), цитируемый в „Out of Their own Mouths", стр. 83 и 85. Кроме вышеприведенной цитаты, имеются свидетельства того, что все влиятельные классы Германии, кроме, может быть, социалистов, были восторженно настроены в пользу этого плана мирового господства, который так поддерживал Вильгельм II. См. заявления германских вождей, государственных людей, ученых журналистов, поэтов, дельцов, лидеров партий и военных в „Out of Their own Mouths"; см. также Протеро, „German Policy before the war", стр 37, 38, 39, 55, 64 и 65.

Таков был план германской мировой империи. Таковы были планы, намерения и стремления германского императора и германского народа.

Если вспомнить, что Вильгельм II, начиная с его первой встречи с турецким султаном в 1889 г. и до великой мировой войны 1914 г., почти постоянно думал об этом грандиозном плане мощной германской империи; что 4 августа 1914 г. Турция подписала союзный договор с Германией [1]), чтобы помочь ей в выполнении этого великого проекта; и что со времени покорения Сербии в октябре, ноябре и декабре 1915 г., до того момента, когда турки и болгары были разбиты и опрокинуты в сентябре 1918 г., Германия осуществляла полновластный контроль над железной дорогой Берлин—Константинополь—Багдад на всем ее протяжении, так же как и над всей территорией Европы и Азии, кроме участка, занятого салоникской армией, что она считала существенным для выполнения ее великого плана,—нельзя не понять того ошеломляющего впечатления, которое произвел удар, нанесенный союзниками на Балканах, на все начинания и надежды германцев; нельзя также не понять их великой стратегической ошибки, заключающейся в попытках закончить войну наступлением на Западном фронте весной 1918 г., не покончив сначала с салоникской армией и не укрепив, таким образом, стратегического и жизненного центра огромного театра военных действий центральных держав.

---

[1]) Белая книга греков (1917), приводимая, как авторитет, в „War Cyclopedia", изданной комитетом общественного осведомления Соединенных Штатов, стр. 278 и 279.

ГЛАВА IX.

Большое отступление Людендорфа.

Как только первый прорыв линии Гинденбурга был сделан американцами на фронте Маас—Аргонны, Людендорф тотчас же понял великую опасность, грозившую ему. Тотчас же он сознал, что если только это наступление не будет прекращено немедленно, он должен увести свои армии из северной Франции и Бельгии. Сообразно этому, он всячески старался остановить его и временно успел в этом. Но в то же время произошли другие прорывы во Фландрии и на промежуточных позициях линии Гинденбурга; и, кроме того, он вскоре увидал, что американцы только временно задержаны им в Аргоннах. При этих обстоятельствах был только один исход, а именно, увести свои армии из северной Франции и Бельгии на линию реки Мааса. Поэтому, в начале октября он дал приказ об отступлении, возможность которого он предвидел раньше и которое он предварительно подготовил [1]).

Перед Людендорфом предстала очень трудная задача. Она была почти того же свойства, как и та, которую ему пришлось решать, когда Фош прорвал с западной стороны клин Шато-Тьери, но только в несравненно большем масштабе. Тогда только часть его армии, занимавшей клин Шато-Тьери, была в опасности, но теперь всем его армиям, расположенным к северу от Вердена, грозил

---

[1]) „Германцы предвидели и подготовили отступление в широком масштабе в Бельгии и северной Франции и начали производить это отступление в начале октября". Генерал Малетер, в ст. „Как была выиграна война", Harper's Magazine, апрель 1919 г., стр. 608.

разгром. Не только это, но и победы союзников, одержанные к тому времени в Палестине и на Балканах, увеличивали опасность для Людендорфа.

Болгария уже вышла из войны; Турция фактически вышла тоже; Австрия, несомненно, должна была выйти из нея, как только ее армия на Пиаве будет вновь энергично атакована; Германия уже просила о перемирии; Фош ежедневно наносил удары, как по наковальне, по единственной значительной армии, оставшейся у Германии: короче—все центральные державы находились в состоянии крушения и разложения, и ничто не стояло между Германией и надвигавшимися победоносными армиями союзников, кроме германской армии, которая хотя и отступала, но еще не была побеждена; при таких условиях Людендорфу предстояло решить одну из самых сложных военных задач в истории. Что мог он сделать? Что он должен был сделать? Что, с германской точки зрения, было наилучшим решением?

В стратегическом отношении, если бы не потрясение германской нации в тылу, Людендорфу следовало бы, как только он увидал, что ему невозможно удержать линию Гинденбурга, уйти на линию Мааса, как можно быстрее[1]), не дожидаясь того, чтобы отступление перешло в бегство. Там немцы были бы в безопасности, потому что река не только преградила бы путь танкам, этому важнейшему наступательному оружию у союзников, но образовала бы вместе с Арденнскими горами, через которые она пробивает себе путь, исключительно сильную оборонительную позицию, которая

[1]) „Только одно решение",—говорит маршал Фош,—„могло бы отдалить их поражение. Это — оттянуть все их войска за Маас. Это была бы грозная позиция. Если бы они это сделали — может быть, мы и посейчас были бы там. Но они не могли сделать этого. Почему? Потому, что это значило бы открыто сознаться в поражении, а они опасались того впечатления, которое это произведет на родину".—Literary Digest, 7-го июня 1919 г., стр. 66.

была бы на сто миль короче линии Гинденбурга от Вердена до английского канала.

В связи с этим надо заметить, что тупой клин, стороны которого проходят через Льеж, Намюр, Динан, Мезьер и Седан, и который заняли бы германцы, если бы они отступили до линии Мааса, не обладал бы характерной особенностью большинства клиньев---уязвимостью для неприятельской атаки, по той причине, что через него или от него не ведут какие-либо важные железные дороги в Германию. Затем, этот клин имеет весьма пересеченную поверхность, будучи изрезан многочисленными оврагами и ручьями с крутыми и скалистыми склонами, глубокими долинами и грядами холмов[1]), что делало бы из него огромное естественное укрепление, которое было весьма легко оборонять.

Но быстрое отступление на линию Мааса, даже если бы не было развала германского тыла, являлось бы чрезвычайно рискованной операцией, по той причине, что германский народ, как и союзники, сочли бы его открытым признанием поражения; и оно могло бы оказать разлагающее влияние на германскую армию, что привело бы ее к великому разгрому. И если бы вся масса германской армии узнала, во время такого поспешного отступления, о развале своего тыла, о котором еще не было ей известно, весьма вероятно, что все именно так и случилось бы. Затем более быстрое отступление привело бы неизбежно к оставлению противнику большого количества продовольствия, снаряжения и орудий.

Казалось, что если бы перемирие было заключено в то время, когда армия все еще не разбита и находится на чужой земле, это уменьшило бы горечь поражения для германского народа, предотвратило бы вторжение союзников на германскую

[1]) „Британская Энциклопедия", 9-е издание, т. 3, стр. 513.

территорию и опустошение ее, и, вероятно, привело бы к более выгодным для Германии условиям мирного договора. Но это была единственная цель продолжения борьбы, потому что было очевидно, что состояние Германии в это время не давало никакой надежды на окончательный успех. Зная, что Германия разбита и что близок конец, Людендорф, тем не менее, стремился поддержать бодрость и хорошее настроение в своих войсках до последнего момента и удержать ко времени подписания перемирия возможно больше территории Франции и Бельгии.

Сообразно этому, он составил план отступления. Он намеревался защищать каждую позицию, заставить союзников бороться за каждый шаг оспариваемого пространства, и отступать только тогда, когда его принудят к этому, или когда это окажется совершенно необходимым для предотвращения перерыва его сообщений или пленения части его армии.

С 4-го октября до своей отставки 26-го октября Людендорф следовал этому плану. Во время отступления он сдерживал всеми возможными силами наступление американцев и французов с участка Маас—Аргонны на Седан и Мезьер, для того, чтобы удержать железную дорогу, идущую от Гирсона через эти города до Меца, и этим облегчить отступление германцев и дать им больше времени для увода своих войск и снабжения, особенно из Лаонского выступа [1]).

И хотя ему удавалось сильно задерживать продвижение противника, все-таки он не мог остано-

---

[1]) Во время этих операций, фельдмаршал Гинденбург был начальником генерального штаба германской армии и в качестве такового считался главнокомандующим; но истинным командующим был генерал Людендорф, „мозг германской боевой силы", который действовал, как начальник штаба Гинденбурга, в должности первого генерал-квартирмейстера. Он вырабатывал планы и руководил операциями. Между его отставкой 26 октября и подписанием перемирия 11 ноября Гинденбург не изменял плана Людендорфа.

вить его. Союзники видели необходимость завершить прорыв и захватить железную дорогу и, имея перед собой 40 германских дивизий, которым Людендорф приказал задерживать их, и при наличности многих других неблагоприятных условий, они продолжали медленно, но верно продвигаться к своей цели [1]). Британцы, французы и бельгийцы, проникнутые тем же самым победоносным духом, постепенно, но не менее верно оттесняли германцев на своих участках.

Но их продвижение было очень медленное; потому что Людендорф руководил этими трудными операциями весьма искусно [2]). Его отступление было методично.

Здесь не было ни бегства, ни разгрома. До последнего момента и дисциплина, и дух германских войск были хороши, и их арьергарды дрались храбро, ожесточенно, отчаянно, с целью задержать натиск союзников [3]).

Здесь не предполагается подробно описывать это грандиозное отступление. Достаточно сказать

---

[1]) Генерал Першинг, в своем донесении об этих операциях военному министру, говорит: „В сражении Маас—Аргонны против нас действовало всего 40 неприятельских дивизий. Между 26 сентября и 6 ноября мы на этом фронте взяли в плен 26.059 пленных и 468 орудий. Из наших дивизий здесь сражались: 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я, 26-я, 28-я, 29-я, 32-я, 33-я, 35-я, 37-я, 42-я, 77-я, 78-я, 79-я, 80-я, 82-я, 89-я, 90-я и 91-я. Многие дивизии оставались в боевой линии в течение такого времени, которое требует стальных нервов, тогда как другие были посланы вновь после немногих дней отдыха. 1-я, 5-я, 26-я, 42-я, 77-я, 80-я, 89-я и 90-я дважды возвращались в боевую линию. Хотя для некоторых дивизий это был первый бой, они вскоре сравнялись с лучшими".

Боевой состав американской дивизии был в то время 28.000 офицеров и нижних чинов, германской и французской—12.090, а британской—15.000.

[2]) „Отступление, по свидетельству величайших полководцев, самое трудное дело, к какому может быть призван полководец".—Buchan, в „Nelson's History of the War, т. XII, стр. 71.

[3]) „Сопротивление германских арьергардов было упорным, и, разумеется, сильно замедлило победоносное продвижение союзников. Но хотя отступление было проведено Людендорфом методично и изумительно хорошо, ему не удалось совершенно освободить свои армии и увезти огромные запасы, накопленные между морем и Арденнами". Генерал Малетер, в ст. „Как была выиграна война", Harper's Magazine, апрель, 1919 г. стр. 609.

что Людендорф использовал все возможные средства для задержания союзных армий, делая их продвижение чрезвычайно трудным; в самом деле, настолько трудным, что, хотя они, повидимому, делали почти нечеловеческие усилия, чтобы отбросить германскую армию, им удалось, после шести недель почти беспрерывных боев, оттеснить ее лишь на 40 миль за линию Гинденбурга.

1-го ноября германцы ушли с бельгийского побережья; британцы и канадцы заняли Валансьен и продвигались дальше между Самброй и Шельдой на Монс; американцы пробились на север к Байонвилю, Энкревилю и Дульсону, миль на 20 к югу от Седана; а французы налево от них достигли Вузье в 25 милях к югу от Мезьера. 11-го ноября, когда перемирие было подписано, линия, разделявшая германцев и союзников, от Голландии до места, лежавшего напротив Меца, проходила, примерно, от устья Шельды, милях в 12 на северо-запад от Антверпена, вверх по левому берегу этой реки до Гента, оттуда через Монс мимо Гирсона, через Мезьер, мимо южных предместьев Седана, и оттуда по левому берегу Мааса до пункта, лежавшего против Музе, где она пересекала эту реку и оттуда через северную опушку леса Вевр до Безонво, оттуда до Вандьера, и далее через Мозель до Порт-Сюр-Сейль напротив Меца.

Рассматривая эту линию, мы замечаем, что, когда наступил конец, германцы занимали линию, пересекавшую Бельгию, лежавшую примерно милях в 40 восточнее линии Гинденбурга, в 30 милях западнее Мааса против Намюра, и в 100 милях к западу от германской границы, и что французы и американцы сомкнули линию между участком Верден—Реймс и Арденнскими горами, но что к северу от этих гор до голландской границы фронт был сплошь занят германцами, занимавшими пространство от устья Шельды через Гент и Монс до северных предместьев Мезьера. Следует отме-

тить, что большая железнодорожная линия Мобеж—Шарлеруа—Намюр—Льеж—Аахен, которая вела прямо через этот участок в Германию, пересекала линию германского расположения под прямым углом и была совершенно обеспечена им, и что фланги германской армии, занимавшей эту линию, прикрыты справа Голландией, а слева Маасом и Арденнскими горами от Мезьера до Седана.

Таким образом, мы видим, что благодаря продолжительному времени, которое потребовалось американцам и французам, вследствие отчаянного сопротивления немцев, для того чтобы продвинуться до Арденнских гор, Людендорф имел возможность часть своей армии, стоявшей на линии Гинденбурга против британцев и бельгийцев, оттянуть к востоку через Бельгию в такое положение, где она совершенно прикрыла свои сообщения с Германией и где ее фланги упирались в непреодолимые преграды.

Тем не менее, продвижение союзников от Вердена к Седану привело бы Людендорфа к необходимости продолжать свое отступление до Мааса, даже если бы перемирие не было подписано, по той причине, что при таком растянутом фронте и имея лишь одну железную дорогу в тылу, он все же был в опасном положении. Кроме того, линия Мааса была сильнее и гораздо короче, и она представляла водную преграду для танков противника.

Если бы было возможно выполнить союзникам это продвижение так далеко на восток раньше, скажем, до отхода германской армии с линии Гинденбурга, на участке от Сен-Кентена до Английского канала, то стратегические результаты по всей вероятности были бы еще больше, так как в этом случае наступление союзников на север от Мезьера, вероятно, привело бы к перерыву железной дороги Шарлеруа—Намюр—Льеж—Аахен в тылу германской армии и принудило бы значительную часть этой армии сдаться.

Но каков бы ни был исход при таких условиях, я желал бы подчеркнуть то обстоятельство, что к моменту заключения перемирия германская армия занимала к северу от Мезьера отличное положение для отступления на линию Мааса без всякого разгрома; а достигнув этого, она заняла бы очень сильную и благоприятную позицию, на которой могла бы оказать упорное сопротивление. Поэтому, я думаю, что если бы перемирие не было подписано в то время, то в ближайшие недели и месяцы, в результате стратегической обстановки на Западном фронте, германская армия не подверглась бы никакому разгрому [1]).

Несомненно, что Германия никогда не подписала бы перемирия, до разгрома своей армий на Западном фронте, еслибы прорыв на Балканах не подверг ее опасности нападения с юга, не угрожал бы сообщениям ее армии и не отрезал бы от нее значительную часть еще оставшихся источников снабжения. Она не уступила бы, пока не была бы уничтожена, не взята в плен и не отброшена за Рейн ее армия. Но возможно ли было союзным армиям сделать это? Рассмотрим этот вопрос.

---

[1]) В подтверждение выраженного здесь взгляда, обращаем внимание читателей на следующую выдержку из „Literary Digest", от 7-го июня 1919 г., стр. 67, о разговоре между маршалом Фошем и корреспондентом Лондонской газеты „Daily Mail" на эту тему.

„Literary Digest" говорит: „В ответ на вопрос:—разве вы не захватили бы большого количества пленных, если бы германцы не уступили сами?—маршал навсегда рассеял широко распространенное заблуждение, что будто бы подписание перемирия лишило его возможности добиться полного разгрома германцев. Согласно этого интервью, „маршал снова взял карандаш и набросал чертеж боевой линии".

„Если вы продвигаетесь на фронте в 250 миль, как это делали мы", сказал он, „то большие обходные движения невозможны. При отступлении, неприятель взрывает мосты здесь, здесь и здесь. Он преграждает и эту дорогу, и эту, и эту. Он загромождает каждую дорогу, каждый путь, по которому ведется преследование, массой бросаемого им имущества. Продвижение преследующей армии становится все более затруднительным. Вы не в состоянии развить достаточную скорость, чтобы настигнуть его. Ценой большой потери имущества он уходит. Вот какова современная война. Ce n'est pas élégant, mais c'est comme ça". (Не очень это красиво, но это так).

Я уже указывал на большую оборонительную силу линии Мааса. Но за ней протекает река Мозель и стоит Мец с обширной его системой укреплений, а за ними лежит линия р. Саар; затем идет крепость Страсбург и большая река Рейн; а на восточном берегу Рейна, от Швейцарии и почти до Карлсруэ, тянутся горы Шварцвальда, которые, со времен Цезаря, считались весьма серьезной преградой для армий, предпринимавших передвижение через них с запада на восток. Все это сильные позиции для обороны; но Рейн и горы Шварцвальда представляют собой грозные преграды и могут быть непреодолимы при равных силах сторон, вооруженных современным оружием.

„Из всех военных операций", говорит Жомини, „нет более тяжелой и трудной, как переправа через широкую реку на виду у неприятеля". Если вспомнить, что переправа, или попытка переправы через Рейн происходила бы на виду у вооруженного народа, а не малочисленного неприятельского отряда, какими были армии в дни Жомини и Наполеона; если вспомнить, что мосты через Рейн были сильно защищены тет-де-понами и полевыми укреплениями, и что две железнодорожные линии, проходившие параллельно реке, и многие другие близ германской границы, были построены исключительно для военных нужд, допуская быстрое сосредоточение войск на любом участке Рейна или германской границы; и что оборонительные позиции, форты и большие крепости на германской границе и близ нее укреплялись в течение предшествовавших войне 40 лет всевозможными способами, в целях помешать вторжению на германскую территорию,—то поразительной покажется эта огромная задача, и нельзя не чувствовать, что выполнение ее невозможно, что эта задача — свыше человеческих сил. В виду этого, представляется вероятным, что союзникам не удалось бы выиг-

рать войну на Западном фронте, если бы не произошло крушения германского тыла, вследствие победы союзников на Балканах.

Но, даже предположив, ради аргумента, что война могла бы быть выиграна на Западном фронте в следующем году, когда туда прибыло бы около четырех миллионов американцев, как предполагалось военным министерством[1]), разве это не было бы достигнуто лишь ценой ужасных и ненужных жертв людьми[2]), тогда как несколько тысяч чело-

---

[1]) „Американская армия из 4.000.000 человек, действующая во Франции совместно с нашими союзниками и подчиненная общему главнокомандующему, даст нам возможность прорваться через линию германского расположения в любом месте". Это писал генерал Нейтон Марч, начальник штаба армии Соединенных Штатов, военной комиссии сената, как передает Washington Times, 15-го августа 1918 г.

„Изучив обстановку в целом, включая возможно точный учет действительных сил наших союзников на Западном фронте и вероятных сил германцев, я пришел к заключению, что война может быть окончена в 1919 г., в случае если мы сумеем перебросить к 30-му июля с. г. во Францию 80 американских дивизий силой до 3.360.000 чел.". (Генерал Марч, в докладе военному министру).

„Президент в заключение об'явил, что центр тяжести американской военной политики отныне будет перенесен на Западный фронт, и он отказался отвлекаться от этой единой цели. Военное министерство теперь усвоило себе эту политику и сообразно этому осуществляется военная программа Соединенных Штатов". Washington Times, 15-го августа 1918 г.

[2]) Потери американских экспедиционных войск, по сведениям военного министерства от 26-го сентября 1919 г., были следующие:

Убитых	35.590
Умерших от ран	14.747
Раненых	205.696
Взятых в плен	4.480
Итого	260.513

Из 205.696 чел., раненых в бою, 113.458 были отправлены на родину, как инвалиды. Какой процент из них умер, вследствие полученных ран, из которых многие были очень тяжелые, еще не выяснено, но несомненно—большое количество, которое сильно увеличивает цифру погибших в бою.

Чтобы полнее оценить те огромные жертвы, которые выражены этими цифрами, надо обратить внимание на тот факт, что общее количество потерь в войсках Соединенных Штатов во время четырех лет нашей великой гражданской войны, как говорит капитан Фридрик Фистерер на стр. 70 своего статистического отчета потерь армии Соединенных Штатов, было следующее: 93.443, из которых 44.238 были убиты и 49.205 умерли от ран и повреждений.

век, посланных на Балканы, как оказалось впоследствии, могли послужить решающим фактором для доведения войны до конца?

В этой заключительной главе не предполагается продолжать обсуждение этого интересного вопроса, но желательно лишь высказать, что по определенному мнению автора, не будь балканского прорыва, и продлись кампания в течение весны и лета 1919 года, то гораздо важнее было бы для ускорения развязки войны послать на Балканы 200 тысяч американцев, чем посылать их в десять раз больше на Западный фронт [1]).

---

[1]) Читателю, несомненно, будет интересно узнать, что мнение, высказанное здесь о невозможности для союзников выиграть войну исключительно на Западном фронте, сложилось у автора не после совершившихся событий, но задолго до них; и что он подробно излагал этот взгляд и настаивал на отправке американских войск на Балканы в нескольких докладных записках, представленных им военному министерству, за несколько месяцев до подписания мира. Он и тогда был, и теперь—того мнения, что если бы мы последовали этому плану с самого начала и приводили бы его в исполнение с такой же энергией, с какой мы позже посылали наши войска во Францию, Россия была бы сохранена для союзников, и война была бы кончена гораздо скорее и с меньшими потерями. Имелись различные соображения для того, чтобы этого не делать, но теперь не время обсуждать это, ввиду руководящего указания военного министра, что „никакие телеграфные или другие секретные сообщения не должны быть оглашаемы, ни в дословном изложении, ни вкратце, пока их не опубликует военное министерство или конгресс Соединенных Штатов".

Если читатель будет интересоваться и дальше этим вопросом, он найдет в приложении „А" к этой книге копию четвертой докладной записки автора, поданной военному министерству, в которой он описывает этот план. Эта докладная записка была представлена 26-го августа 1918 г., и, за исключением некоторых секретных телеграмм, там упоминаемых, но которых военное министерство не разрешило автору напечатать, она приводится полностью, хотя в ней и есть повторения некоторых мест, уже приведенных в книге. Однако, уже после того, как она была написана, капитан Сербской королевской армии Гордон-Смит, в октябре 1919 г. напечатал статью в „Current History Magazine" под заглавием: „Почему Салоникская армия была бессильна", в которой он подробно указывал главные соображения, по которым активные действия на Балканах не были предприняты ранее, и сущность которых заключается в том, что Великобритания была против таких действий. Принимая во внимание тот факт, что и наш президент, и военный министр, и начальники штабов с самого начала, вероятно, в значительной степени вследствие противодействия Великобритании активным действиям на Балканах, придерживались того плана, по которому выигрыш войны должен быть достигнут сосредоточением наших усилий на Западном фронте, мы в полной мере уясним себе, почему положе-

В течение $3^1/_2$ лет до наступления германцев 21-го марта 1918 г., обе стороны на западном фронте оставались неподвижными на своих укрепленных позициях. Несмотря на их напряженные усилия, повлекшие за собой огромные потери людьми, ни одна сторона не была в силах прорваться через укрепленные линии другой и вернуться к маневренной войне. В самом деле, за исключением небольшого пространства, отвоеванного союзниками в результате „выравнивания Гинденбургом германской линии", фактически ни одна сторона не захватила новой территории в течение этих $3^1/_2$ лет ужасной борьбы.

Затем началось, как мы уже видели, наступление германцев 21-го марта, во время которого им удалось прорвать линию союзников, благодаря применению ядовитого газа; а через несколько месяцев началось контр-наступление Фоша 18-го июля 1918 г., за которым последовала атака линии Гинденбурга, во время которой союзникам удалось прорвать линию германского расположения при посредстве танков. Но и в том, и в другом случае это были лишь временные прорывы, ни в одном из них ни та, ни другая сторона не в состоянии была перейти вполне к маневренной войне; потому что, как только одна сторона прорывала линии противника, последний тотчас же отступал на другие позиции и снова переходил к обороне. Переход с одной позиции на другую был, разумеется, маневренной войной; но, в общем, характер войны не особенно изменился, так как она оставалась на значительном пространстве позиционной. Словом, из окопной или позиционной, война перешла, с помощью газовых и танковых атак, в маневренную войну на пространстве между позициями.

ние, занятое Великобританией в этом вопросе, было удержано ею и почему союзники не попытались раньше нанести решающий удар жизненному центру театра военных действий центральных держав. См. статью капитана Гордон-Смита в приложении „Б".

Фактически, ни одна сторона, в течение более 4-х лет самой ужасной борьбы, какую только видел свет, не могла, прорвавши линию неприятельского расположения, продвинуться больше, чем на несколько миль. Наибольшее продвижение германцев равнялось 35 милям; а союзникам понадобилось шесть недель, после прорыва ими линии Гинденбурга, чтобы отбросить германцев на 40 миль. Собственно говоря, кампания на Западном фронте напоминала с начала до конца положение, именуемое в шахматной игре „патом", и если бы не временное преобладание одной стороны над другой, достигнутое с помощью танковых или газовых атак, то война осталась бы в течение этих четырех слишком лет исключительно позиционной.

Главная причина, почему ни той, ни другой стороне не удалось в течение такого долгого срока перейти к маневренной войне на Западном фронте, заключалась в том, что фланги обеих упирались в непреодолимые преграды. Так как один фланг упирался в Швейцарию, а другой в английский канал, то ни одной стороне не представлялось возможности обойти фланг другой и нанести удар по ее главным коммуникационным линиям, что было равносильно невозможности развить какой-либо стратегический маневр. Каждому должно быть очевидно, что если бы фланги враждебных армий на Западном фронте не были прикрыты, та или другая были бы выбиты с позиций и окончательно разбиты задолго до истечения четырех лет. Но при таком обеспечении флангов, какое они имели, каждой из них приходилось ограничиваться фронтальной атакой укрепленных линий другой; а фронтальная атака против укрепленной линии влечет за собой наибольшие потери.

В этом заключается главная причина того, почему эта война была так продолжительна и почему она была самой кровавой в истории. Естественно, возникает вопрос: не могли ли союзники выиграть

ее в более короткий срок и с меньшими потерями? Несомненно могли бы, если бы не делали, в течении первых трех лет войны, ошибку за ошибкой.

С самого начала жизненный и стратегический центр всего театра войны находился между Черным и Эгейским морями, по близости от Константинополя. Дарданеллы, Мраморное море, Босфор, Балканы от Салоник до Константинополя были жизненными пунктами, и если бы союзники одержали победу в этом районе раньше, то был бы сделан первый решительный шаг на пути к выигрышу войны.

В стратегическом отношении атака британцами Дарданелл, сторонником которой был первый лорд адмиралтейства Винстон Черчиль, была весьма правильным решением. Но операция велась очень плохо. Военное командование, повидимому, полагало, что с небольшой поддержкой сухопутных сил или вовсе без нее, удастся взять форты Дарданелл одной могучей морской атакой; тогда как, если бы оно сделало первоначальную попытку силами значительной армии, поддержанной флотом, или если бы у него была достаточно сильная армия, готовая высадиться в нужный момент, кампания, возможно, была бы выиграна. Грэнвиль Фортескью в своей книге под заглавием „А как с Дарданеллами"?—говорит:

„Я желал бы ясно установить тот факт, что современная высадка войск в назначенный момент изменила бы всю историю Галлипольской кампании"...

„Почему не было подготовлено сухопутной атаки, совместно с морской атакой Дарданелл? Разве задумавший эту операцию надеялся на то, что один флот может прорваться через пролив и завладеть фортами одним и тем же маневром?... О морском сражении поговорим ниже; здесь же мы заняты крупной ошибкой, вследствие которой сухопутные операции не были предприняты своевременно там, где они привели бы к частичной, а может быть и полной победе...

„После тщательного и серьезного изучения хода событий в Дарданеллах, я убежден, что если союзный флот не прошел в Мраморное море, то прежде всего это зависело от первоначальной ошибки — попытки овладеть Геллеспонтом только морскими силами".

Если бы союзники последовательно высадили свои армии в Сарросской бухте, как раз к северу от Дарданелл, или на побережьи Троянской равнины поблизости острова Тенедоса и как раз к югу от пролива, вместо того, чтобы высаживаться на полуострове Галлиполи, кампания, вероятно, была бы выиграна и война была бы доведена до конца, по крайней мере, на два года раньше. „Ныне я считаю, мы в состоянии утверждать", говорит генерал Малетер, „что если бы экспедиция в Дарданеллы удалась в 1915 г., и мы взяли бы Константинополь, то Россия осталась бы сильным военным фактором, и война несомненно окончилась бы на два года раньше" [1]).

Союзникам предоставлялись и другие удобные случаи нанести решающий удар по этому жизненному центру театра войны, особенно во время первых трех лет борьбы, пока у союзников был перевес сил на Западном фронте; для того, чтобы доказать это, достаточно еще одного примера.

Если бы Румыния, когда она вступила в войну в 1916 г., получила от союзников действительную поддержку, а не осталась бы фактически одна перед армиями Макензена и Фалькенгайна, она вероятно вышла бы победительницей, или, по крайней мере, не была бы раздавлена; в этом случае Россия получила бы от союзников огнестрельные припасы и орудия и, по всей вероятности, была бы сохранена для общего дела.

В стратегическом отношении значение сохранения России в рядах союзников было весьма велико; потому что у нее была пшеница, необходимая союзникам, а у союзников были боевые припасы и орудия, необходимые ей. У нее была и живая сила, составлявшая существенное условие для выигрыша войны, и недостаток которой чуть не привел союзников на край гибели, когда их

[1]) Генерал Малетер, в ст. „Как была проиграна война", Harper's Magazine, апрель, 1919, стр. 610.

спасла под конец только живая сила Америки. Затем, помимо спасения России, победа Румынии привела бы огромное количество южно-славянских сил на сторону союзников, разрезала бы пополам театр военных действий центральных держав, и положила бы конец великому плану мирового господства Германии.

Нанести удар по сообщениям неприятеля, не подвергая опасности своих собственных,—стратегический принцип, от выполнения которого выигрыш войны зависел больше, чем от чего-либо другого. И замечательно, то, что пока Фош не был назначен главнокомандующим, не было сделано почти никаких попыток, а тем более успешных, со стороны союзников осуществить это правило на каком-либо театре войны.

Только следуя этому правилу, генералу Фошу удалось занять клин у Шато-Тьери в начале своего большого наступления на Западном фронте, что дало возможность британским военачальникам вытеснить германцев из амьенского клина и отбросить их на линию Гинденбурга; что дало также возможность генералу Першингу в два дня сбить опасный клин у Сен-Мьеля, который целые месяцы угрожал французским сообщениям. Только следуя этому правилу, американцы и французы поставили германскую армию в безвыходное положение во время своего наступления с участка Верден—Реймс через Аргоннский лес на Седан и Мезьер, и принудили ее отступить через Бельгию до Мааса. Следуя этому правилу, генералу Аленби удалось разбить турецкую армию в Палестине и принудить турецкое правительство просить о мире. Следуя этому же правилу, генералу Д'Эспери удалось на Балканах, не только заставить Болгарию выйти из войны, но одновременно отрезать или держать под угрозой сообщения других армий центральных держав, что, в связи с упорным натиском на германцев маршала Фоша на Западном фронте, довело великую войну до конца.

Саджент.—Четвертая докладная записка о стратегических операциях.

26-го августа 1918 г.

1. В заключительных параграфах моей третьей докладной записки о стратегических операциях, оконченной 5-го июня 1918 г. и поданной начальнику оперативного отдела генерального штаба через несколько дней после этого, я говорил:

„Заканчивая это краткое обсуждение и разбор предположенных здесь планов, я желал бы добавить, что они нисколько не вызывают критического или неблагоприятного отношения к дальнейшему отправлению войск во Францию для остановки германцев на западном фронте, что и делается в настоящее время военными властями весьма энергично; потому что каждому должно быть ясно, что это безусловно необходимо для спасения положения. Кроме того, присоединившись к этому плану наших союзников, мы должны быть верными данному нами слову.

Но если мы будем и дальше в эту войну набирать, организовывать и обучать миллионы солдат, и отсылать их за океан до тех пор, пока не будет выиграна война, что, повидимому, является целью для всей нации, то наступит время, когда у нас будет на западном фронте достаточно войск, чтобы сделать его вполне обеспеченным; и тогда нам понадобится другой фронт, куда мы могли бы направить с достаточными надеждами на конечный успех, всю мощь наших морских и военных сил. И когда это время настанет, наши союзники, я уверен, тоже будут расположены тщательно обсудить и другие планы; и, по всей вероятности, благосклонно отнесутся к одному из них, если он будет утвержден и поддержан нашим правительством, на что я надеюсь".

2. Продолжая изучать стратегическую обстановку всего театра войны, я еще больше убеждаюсь в том, что „линия наименьшего сопротивления решающей победе союзников проходит через Балканы", и проходила там с самого начала. А так как теперь у нас имеется или скоро будет достаточно сил на западном фронте, чтобы, совместно с войсками союзников, сбить германские выступы и отбросить германцев на линию их первоначального расположения, на линию р. Эна, и удержать их там, то, мне кажется, настало время серьезно подумать об отправке американских войск в Салоники, или морем, или через Италию, или Францию, или тем и другим путем. Мне кажется, что если бы можно было выставить нынешней зимой на Балканах миллион или даже пол-миллиона американских солдат, чтобы присоединить их к находящемуся там полу-миллиону союзных войск, то это, вероятно, привело бы к большим результатам. Турция в настоящее время колеблется и Болгария также. Обе связали себя с Германией и Австрией, надеясь, на победу этих держав; но как только они убедятся, что центральные державы проиграют войну, они покинут их без всякого стеснения, потому что они заключили союз с Германией и Австрией не из-за какого-либо принципа, а исключительно в надежде на собственное расширение.

3. Как только большая американская армия присоединится к союзникам в Салониках и приступит к операциям, то, по всей вероятности, не только Турция и Болгария пойдут на соглашение и выйдут из войны, но сотни тысяч южных славян стекутся под знамена союзников, не говоря о многих тысячах румын, которые тоже станут в ряды союзных войск, потому что они все еще не любят своих исконных врагов, Германию и Австрию. А сама Австрия находится экономически в таком отчаянном положении и так утомлена войной, что одна крупная победа союзников на ее территории, вероятно, заставит ее пойти на соглашение. Германия наиболее уязвима с тыла, со стороны Австрии; и хотя она никогда не может быть отброшена за Рейн исключительно силами союзников на том фронте, тем не менее, продвижение победоносной союзной армии через Австрию заставит Германию выделить много войск с западного фронта, чтобы противостоять вторжению с юга, вследствие чего союзники будут в состоянии прорвать ослабленный западный фронт, переправиться через Рейн и вторгнуться в Германию с запада.

4. Единственная надежда выиграть войну, как бы следовало, заключается в том, чтобы уничтожить или взять в плен германские армии; но этого невозможно сделать на западном фронте. Чтобы сделать это, союзники должны вторгнуться в пределы Германии и заставить ее народ воевать у себя дома; заставить ее сражаться там, где они могут добраться не только до ее армии, но и тех источников, которые питают эту армию; где они могут разрушить ее железные дороги и каналы, захватить ее снабжение, взорвать ее склады боевых припасов и опустошить ее поля.

Салоникский план.

5. Салоникский фронт имеет капитальную важность, и успешное наступление на нем могло бы дать громадные чреватые последствиями результаты.

6. Оно разорвало бы пополам театр военных действий и сразу разрушило бы мечту Германии о господстве от Балтийского моря до Персидского залива.

7. Оно перехватило бы железную дорогу Берлин—Константинополь—Багдад и лишило бы, таким образом, Германию тех больших запасов продовольствия и сырья, которые она теперь получает по этой дороге из Малой Азии, и также лишило бы ее возможности отправлять в Турцию огромное количество боевых припасов, без которых сопротивление турецкой армии у Багдада в Месопотамии и близ Иерусалима в Палестине, вероятно, прекратилось бы.

8. Лишившись боевых припасов, турки, вероятно, были бы принуждены отступить перед британцами и, в конце концов, просить мира, что открыло бы Дарданеллы и Черное море для британских военных судов и освободило бы часть британских войск, занятых теперь в Палестине и Месопотамии, для операций в другом месте.

9. Как только было бы покончено с Болгарией и Турцией, союзная армия могла бы занять Сербию, подняться по Дунаю от Белграда и угрожать Будапешту, столице Венгрии. Такого рода успех восстановил бы Сербию и ободрил и воодушевил сербов.

Попутно можно заметить, что сербы—хорошие воины. Они весьма храбры и очень искусны в горных боях. Эти качества, вместе со знанием местности, дают им возможность выигрывать бои с превосходными силами противника и в очень тяжелых условиях. Их последняя успешная кампания против болгар, где они выбили

их из нескольких сильных укреплений в горах и, наконец, завладели их укрепленными позициями на горе Ветреник, которую они называли „кровавой скалой", является одним из многих примеров, свидетельствующих об их искусстве в ведении горной войны.

10. При обсуждении преимуществ этого плана не надо упускать из виду, что если союзная армия будет действовать, как здесь указано, ее сообщения от Белграда на Дунае через Сербию до ее оперативной базы в Салониках будут проходить исключительно по дружественной территории, что местность к северу от Белграда до Будапешта представляет собой огромную равнину, лежащую в долине Дуная, с кратчайшим водным и железнодорожным сообщением между обоими городами и при отсутствии какой-либо значительной крепости вблизи венгерской столицы; и что Вена, столица Австрии, находится на расстоянии лишь 150 миль от Будапешта, при наличии хорошего водного и железнодорожного сообщения между ними и без горных хребтов на пути.

И здесь следует отметить, что в стратегическом отношении успешное движение на Будапешт явилось бы такой угрозой для столицы Австрии и для сообщений австрийской армии в Италии, что принудило бы эту армию отступить до Вены; после чего итальянская армия на р. Пиаве могла бы продвинуться вперед и вторгнуться в Австрию.

В связи с этим не лишним будет заметить, что движение Наполеона вниз по Дунаю в 1805 г. и занятие им австрийской столицы, после взятия им в плен австрийской армии генерала Мака под Ульмом, парализовало операции австрийской армии эрцгерцога Карла в Италии и принудило его отступить перед Массеной до Вены; и что решительная победа Наполеона над австрийской и русской армиями под Аустерлицом, через несколько дней после этого, не только привела к обратному овладению Италией, но принудила Австрию и Россию просить мира.

11. Одним из соображений против кампании на салоникском фронте является трудность сообщений; но сеть балканских железных дорог вовсе не так мала. Железная дорога Берлин—Константинополь проходит через Сербию, Болгарию и Европейскую Турцию. Есть также железная дорога на северо-запад от Салоник до Монастыря, еще одна проходит на север от Салоник через Ускюб до Ниша, одной из главных станций на железной дороге Берлин—Константинополь; еще одна идет на восток от Салоник по побережью Эгейского моря, до соединения с линией Берлин—Константинополь, милях в 30 южнее Адрианополя; и еще одна идет от Ускюба на северо-восток до Софии, столицы Болгарии, где она скрещивается с железной дорогой Берлин—Константинополь и оттуда идет на восток через Болгарию до Варны на Черном море. И следует заметить также, что с начала войны много миль грунтовых и узкоколейных железных дорог было построено солдатами и крестьянами в Македонии, и много прежних грунтовых и железных дорог было починено и улучшено. Горы, на которых несколько лет тому назад существовали только козьи тропы, теперь доступны для перевозки тяжелых орудий.

12. Вторым возражением против кампании на Салоникском фронте являются затруднения, создаваемые гористым характером местности. Но эти затруднения сильно преувеличены. Горы не являются непреодолимой преградой для военных операций. Это доказывает история; потому что, вероятно, ни в одной стране не сражались так много, как на Балканах. И даже в недавнее время, при современных условиях ведения войны, на этом театре проигрывали и выигрывали одну кампанию за другой. Гористый характер

местности не помешал балканскому союзу нанести решительное поражение Турции в первую балканскую войну 1912 г.; не помешал он и сербам, грекам, туркам и румынам разбить на-голову болгарскую армию во вторую балканскую войну в 1913 г.; не помешал он также и австрийцам, и болгарам оттеснить сербскую армию из Сербии в Албанию в 1915 г., а союзной армии в Салониках выбить болгар и австрийцев из их горных укреплений в 1916 г. и занять Монастырь.

13. Преимущество Салоник, как оперативной базы, заключается, главным образом, в том, что порт Салоник—один из лучших портов в мире; это—закрытая гавань в несколько миль протяжением, в которой флоты всего мира могут стоять на якоре. И хотя в Эгейском море и в восточной части Средиземного имеется несколько подводных лодок, тем не менее британский, итальянский и французский флоты держат открытым морской путь до Салоник для перевозки войск и снабжения.

14. Значение города и бухты Салоник для союзников весьма велико, потому что, если бы центральные державы завладели ими, это было бы катастрофой. Захватив их, Германия вторглась бы в Грецию и несомненно основала бы в бухте Салоник грозную базу для подводных лодок и, вероятнее всего, вспомогательные базы у изрезанных и скалистых берегов Греции или среди сотен островов Архипелага. Отсюда выходили бы сотни подводных лодок, которые уничтожали бы суда союзников в восточной части Средиземного и Эгейского морей, и, по всей вероятности, остановили бы почти все движение через Суэцкий канал. Это прекратило бы прямое сообщение Великобритании с Индией и лишило бы британскую армию в Египте возможности получать снабжение и боевые припасы. Поэтому весьма важно для союзников не только содержать в Салониках сильную армию, но и возможно скорее усилить ее для энергичного наступления на этом театре.

15. Имеются четыре пути, по которым можно посылать войска на Балканы, и которые могут быть использованы одновременно, если бы это понадобилось.

Во-первых, через Атлантический океан, Средиземное и Эгейское моря.

Во-вторых, из Марселя во Франции по Средиземному и Эгейскому морям.

В-третьих, через Францию и Италию, по Ионическому морю на Патрас, Коринф и другие греческие порты, и оттуда по греческим железным дорогам до Салоник.

В-четвертых, через Францию и Италию и по Адриатическому морю до Авлона или Санти-Кваранта, откуда шоссейные дороги ведут в тылу салоникского фронта. В эти порты можно переправлять ночью в течение нескольких часов из южно-итальянских портов транспорты и таким образом избежать опасности потопления их подводными лодками.

16. В связи с высадкой войск в Авлоне и Санти-Кваранта, находящихся в руках союзников, можно указать, что для итальянского и французского флотов не было бы непосильным заданием очистить Адриатическое море и его австрийские гавани от подводных лодок, миноносцев и мин, для подготовки будущей высадки на Далматинском или Истрийском берегу; и в особенности потому, что в результате смелых предприятий Пелегрини, Риццо и Аэнцо с итальянским флотом, австрийский флот уже потерял два своих самых мощных боевых судна и вынужден был искать убежища в австрийской гавани.

17. Высадка даже небольших сил в Далмации, где-нибудь между бухтой Каттаро и рекой Наронта, и последующее их движение внутрь страны вдоль железной дороги Кастельнуово—Рагуза—Сараево—Ниш, наперерез грунтовым и железным дорогам, ведущим от Салоникского фронта на Белград, могло бы, при одновременном сильном натиске на австрийцев и болгар с фронта, почти наверное принудить их к отступлению.

18. А в связи с этим уместно будет заметить, что, если бы союзникам удалось продвинуться до Белграда и далее по австрийской территории, то они угрожали бы сообщениям Фиуме с Триестом и Веной и оказались бы в состоянии напасть с тыла на укрепления этой бухты, тогда как военные суда союзников атаковали бы их с фронта, после чего эту прекрасную гавань можно было бы использовать, как новую базу будущих операций в Австрии и Германии.

Причины, по которым война не может быть выиграна на западном фронте.

19. Так как план наступления на Балканах, изложенный здесь и в предыдущих записках, основан на предположении, что войну нельзя выиграть, направив наши усилия только на западный и итальянский фронты, то я хочу об'яснить причины, почему я так думаю.

20. В течение более четырех лет армии союзников и Германии стояли друг против друга на западном фронте; и хотя с обеих сторон неоднократно прилагались величайшие усилия, повлекшие за собой огромные потери, тем не менее ни одной стороне не удалось добиться полного прорыва и возобновить маневренную войну; и главная причина этого заключается в том, что этот фронт не может быть обойден. Один его фланг опирается на Швейцарию, а другой на Английский канал, делая невозможным обход ни одной из сторон и принуждая каждую ограничивать свои операции попытками прорыва. Но при сильно укрепленных линиях, образующих, так сказать, целый пояс укреплений с каждой стороны, это оказалось задачей невыполнимой, и, весьма вероятно, останется таковой. Не раз в течение первых $3^1/_2$ лет войны, предшествовавших наступлению германцев 21-го марта, та или другая сторона наступала, сначала сосредоточив подавляющий огонь артиллерии против определенного участка неприятельской линии, затем бросая против него массы пехоты, обученные окопной войне; но при этом удавалось захватить не больше одной или двух линий окопов; другие линии в тылу держались и за ними строили линии новых укреплений; и положение оставалось прежним, лишь одна из сторон продвигалась на несколько сот ярдов, а обе стороны теряли убитыми большое число офицеров и солдат. В результате ни одна сторона не приближалась к победе, так как обе стороны оказывались ослабленными приблизительно в одинаковой степени; и если одна сторона приобретала несколько сот ярдов пространства и занимала одну или две линии неприятельских окопов, она, вероятно, теряла при наступлении большее количество офицеров и солдат, чем другая сторона, и, вероятно, даже потеряла бы захваченное пространство, если бы последняя задумала и выполнила такую же атаку.

21. Затем, в марте 1918 г., германцы резко изменили свой способ наступления. Они отказались от продвижения посредством мелких атак, как они пытались делать у Вердена, и как делали англичане во время сражения на Сомме, а вместо этого они стягивали свои

дивизии в превосходном числе против широкого участка неприятельской линии и, сосредоточивши все свои средства разрушения, наступали широким фронтом и со всей силой обрушивались на противника. Применяя этот способ и выбирая в неприятельском расположении участки с немногими линиями окопов и слабыми резервами, они оттесняли противника, в трех или четырех случаях, на расстояние от 10 до 30 или 35 миль, но ни разу им не удалось сделать полного прорыва. А причина этого заключалась в том, что каждый раз, когда они продвигались через укрепленные полосы неприятеля, они создавали обстановку, при которой их собственные линии становились более уязвимыми, и оборона их более затруднительной. Другими словами, они создавали клин.

О стратегическом клине.

22. Стратегический клин уязвим; его слабые пункты лежат с каждой стороны у его основания, потому что сильная атака, угрожая отрезать расположенные в пределах клина войска, в случае своего успеха, может заставить их отступить.

Затем, преимущества центрального положения (внутренних линий), которые выпадают на долю войск, стоящих внутри клина, перевешиваются преимуществами такого же положения, которое имеет противник, занимающий ломаный фронт с обеих сторон клина. Возьмем пример: пусть линия АВСДЕ представляет собой фронт между двумя враждебными армиями. Если, вследствие своего центрального положения, войска, занимающие клин ВСД, имеют пре-

имущества внутренних линий, очевидно, что они менее тех преимуществ внутреннего положения, которые имеют войск противника, занимающие углы или противоклинья АВС и СДЕ.

Но вообще говоря, если клин мал или в нем сосредоточено много войск, то он не дает стратегических преимуществ; напротив, в этом случае имеются большие стратегические невыгоды: во-первых, потому что войска имеют мало простора для маневрирования, а во-вторых, потому что они подвергаются перекрестному огню противника, занимающего противоклинья. Войска, расположенные внутри клина, нередко подвергаются продольному обстрелу дальнобойных орудий противника с той или другой стороны клина, которые могут даже поражать их тыл.

Затем дороги и рельсовые пути внутри клина, хотя и совершенно необходимы для передвижения людей и снабжения, являются источником слабости для войск, занимающих клин; главным образом потому, что их можно обстреливать с разных направлений и часто даже анфилировать на незначительном протяжении из орудий, занимающих противоклинья или вершину клина. Конечно,

характер местности, направление и расположение дорог внутри клина сильно влияют на положение занимающих его войск, но это—особые условия, требующие отдельного исследования.

Клин не только сам по себе слаб, но он ослабляет и весь фронт, сильно удлиняя его и требуя для обороны значительно большее количество войск. Таким образом, стороны ВС и СД потребуют вдвое больше войск для обороны, чем основание ВД, составляющее участок первоначального фронта. И, разумеется, чем больше образуется таких клиньев, тем слабее делается фронт, так как его длина соответственно сильно увеличивается. Но, с другой стороны, не следует забывать, что такое ослабление не есть удел одной стороны, так как фронт противника тоже соответственно удлиняется и ослабляется.

23. После указания на слабость клина по отношению к занимающим его войскам, следует упомянуть, что атаки германцев в марте и позже, создали три клина,—у Амьена, Шато-Тьери и Ипра, что поставило занимавших их германцев в опасное положение и дало их противникам огромные стратегические преимущества, чем генерал (ныне маршал) Фош в полной мере воспользовался для своего контр-наступления против клина у Шато-Тьери 18-го июля. И, главным образом, вследствие этих преимуществ, союзникам удавалось и удается теперь теснить германцев к линии их первоначального расположения, называемой, вообще, линией Гинденбурга. Но каждому должно быть ясно, что если их и оттеснили на эту линию, сбили их клинья, то тем не менее будет весьма затруднительно заставить их отступать и дальше; и если союзники успешно пробьются через линию германского расположения, как сделали это германцы во время своего наступления к Амьену в марте 1918 г., то образуется клин, который поставит занимающие его войска в очень уязвимое и тяжелое положение и даст большие стратегические преимущества германцам.

Западный фронт.

24. Германский фронт на Западе имеет около 460 миль в длину и укреплен несколькими линиями окопов. Приведем слова германского офицера, сказанные корреспонденту „Saturday Evening Post“ за шесть месяцев до вступления Соединенных Штатов в войну:

„Линия западного фронта, это—мощная крепость. Неприятель упорно разбивался об эту крепость в течение многих месяцев. И он ничего не достиг. Кое-где он захватывает передовые укрепления, как-бы отдельные сооружения этой крепости; но он никогда не проникает внутрь ее, и как бы ни были блестящи его действия и каких бы они ни стоили потерь, он всегда бывает вынужден начинать все сначала...

„Неприятель никогда не прорвет западного фронта. Этот фронт непреодолим. Он защищен 24-мя законченными укрепленными линиями и полевыми укреплениями. Овладение каждой из этих линий само по себе является истощающим силы препятствием; итого предстоит 24 таких кровавых предприятия, пока удастся дойти до Рейна. И только на Рейне может начаться работа для поражения Германии. Тем временем у нас будет несколько лет для усиления, улучшения и умножения укреплений на Рейне. Чтобы победить на Западе наш противник должен сражаться до последнего солдата и до последнего снаряда“.

25. Рассмотрим теперь естественные оборонительные линии театра войны. Во-первых, линия р. Эна и ее продолжение линия

Гинденбурга; за ней линия р. Мааса; а за ней линия р. Мозеля и укрепления Меца; затем идет большая река Рейн и крепость Страсбург, а на восточном берегу Рейна тянутся от Швейцарии почти до Карлсруэ горы Шварцвальда, которые, со времен Цезаря, считались грозной преградой для армий, пытавшихся проходить через них с запада на восток; все это—сильные естественные позиции, а Рейн и Шварцвальд даже грозные преграды, которые оказались бы непроходимыми, если бы их обороняли равными с наступающими силами, что и произойдет, по всей вероятности, если союзные армии когда-нибудь дойдут до них.

26. „Из всех военных операций", говорит Жомини, „нет более рискованной и трудной, как переправа через широкую реку на виду у неприятеля". Теперь если принять во внимание, что переправа или попытка переправы через Рейн в этом случае будет происходить на виду у неприятеля, представляющего собой целую вооруженную нацию, а не маленькую армию, как во времена Жомини и Наполеона; и если припомнить, что мосты на Рейне сильно укреплены тет-де-понами и полевыми укреплениями, и что две железные дороги, проходящие параллельно реке, и многие другие близ германской границы, были построены исключительно с военными целями, для быстрого сосредоточения войск на любом участке Рейна или германской границы, то поражаешься громадностью этой задачи и сознаешь, что выполнение ее, при настоящих условиях, невозможно,—что эта задача превышает человеческие силы. В виду этих обстоятельств, следует признать, что союзникам не удастся выиграть войну исключительно на западном фронте.

Австрийский и итальянский фронты.

27. Многое то, что было сказано о непреодолимости западного фронта для союзников, может быть отнесено и к австрийскому фронту, до того времени, когда итальянская армия была отброшена к р. Пиаве. Австрийский фронт был силен потому, что он шел на всем своем протяжении вдоль горного хребта и фланги его нельзя было обойти. Но итальянский фронт в стратегическом отношении был очень слаб, в виду своей большой длины, сравнительно с пространством северо-восточной Италии, которую он защищал, и потому, что он врезывался в австрийскую территорию, в виде большого выступа с закругленными очертаниями, и потому что австрийские войска сильно занимали Трентино на фланге итальянцев и близко от их тыловых сообщений. Занимая такую слабую позицию, итальянцам не удалось бы, по моему мнению, удержать свою позицию в случае мощного австро-германского наступления, даже, если бы они получили сильные подкрепления. И в стратегическом отношении было бы неправильно действовать наступательно вдоль Юлийских Альп, с целью занять Триест и перенести войну в пределы Австрии, пока итальянцы не выбили австрийцев из Трентино и не заняли Карнийских Альп с долиной р. Дравы.

28. Вспомним, что когда Бонапарт теснил эрцгерцога Карла через Юлийские Альпы к Вене, во время своего первого знаменитого итальянского похода, в марте и апреле 1797 г., он дал генералу Жуберу сильный отряд, с целью вытеснить австрийцев из Трентино, и сам не пытался переходить через горы, пока не удостоверился в успехе Жубера. И только тогда он перешел горы, а Жубер, фактически уничтожив австрийцев на своем участке, присоединился к Бонапарту по долине Дравы.

Вспомним также, что для дальнейшего прикрытия своего тыла при продвижении в Австрию, он оставил в Италии генералов Виктора и Кильмена с 18 тысячами, что считалось в то время большим отрядом, составлявшим более четверти всех сил Бонапарта.

29. С тех пор, как итальянцы были отброшены к Пиаве, стало гораздо легче оборонять новый фронт, потому что он был гораздо короче и шел вдоль сильной оборонительной линии по холмам и горам по течению Пиаве, а также потому что оба его фланга упирались в серьезные преграды, и при таком расположении было гораздо легче прикрывать свои тыловые сообщения от покушений австрийцев со стороны Трентино.

30. Но при настоящем расположении итальянцев невозможно успешное наступление их против австрийцев, потому что чем далее к востоку будут отброшены последние итальянцами, тем более уязвимыми окажутся тыловые сообщения итальянцев для австрийской атаки со стороны Трентино. И это является главной причиной, почему итальянцы не стали преследовать австрийцев после своей недавней большой победы на Пиаве и не отбросили их еще дальше к их границе.

31. Все дело в том, что пока австрийские войска удерживают Трентино, нет надежды на успешное наступление в Италии, нет надежды оттеснить австрийцев на их территорию. А при современных условиях, нельзя вытеснить австрийские войска, занимающие Трентино, из этого гористого района, потому что там имеется много удобных для обороны позиций, а дороги и тропинки так малочисленны и узки, что оборона этой местности очень легка. В самом деле, при достаточном количестве войск, Трентино является действительно неприступной крепостью.

32. Каждому должно быть очевидно, что если бы две большие армии, стоявшие одна против другой более четырех лет на западном фронте, не упирались одним своим флангом в Швейцарию, а другим в Голландию, то та или другая армия давно обошла бы другую с фланга и нанесла бы ей давно решительное поражение. Но на Балканах и на равнинах Австрии, где фланги не могли упираться в нейтральные страны и непроходимые преграды, там обе стороны не могли бы долго стоять друг против друга, без того чтобы одна не нанесла поражение другой. И победа союзников имела бы там большее значение, так как она, вероятно, привела бы к захвату сообщений противника и пленению его армии.

33. Если в ответ на это нам скажут, что, по правилам Наполеона, никогда не следует вторгаться в страну больше чем по одной операционной линии, и что мы должны сосредоточить свои усилия на западном фронте, мы можем ответить, что мы вовсе не вторгаемся в Германию, потому что более четырех лет мы не продвигались к стороне Германии; мы даже не удержали нашего первоначального расположения на западном фронте, и теперь, 26 августа, мы все еще стоим западнее линии Гинденбурга. Очевидно, правила Наполеона здесь не применимы. Но так как эта длинная и сильно укрепленная линия, идущая от Швейцарии до Английского канала, так же, как и итальянский фронт, фактически является ничем иным, как огромной длинной крепостью, то в этом случае возможно применить другое правило Наполеона, а именно: не допускать, чтобы крепости останавливали наступление армии, а оставлять достаточные силы для обложения их, вынуждая неприятельскую армию к столкновению в открытом поле. Для чего должна американская армия тратить свою энергию и свою кровь для атаки фактически неприступной крепости. когда направленная на более уязвимый пункт неприятельского расположения, она с той же затратой энер-

гии и крови, по всей вероятности, одержит победу? Дело не в том, чтобы выиграть войну без потерь; мы знаем, что это невозможно, но мы желаем выиграть ее с возможно меньшими потерями и желаем, чтобы эти потери привели к каким нибудь результатам.

34. Что касается изложенного здесь плана, то, конечно, будет задан вопрос: какая же у нас имеется гарантия, что, если мы предпримем наступление на салоникском фронте, то центральным державам не удастся остановить его, укрепиться против нас и удерживать нас на месте, как они это сделали на западном фронте и на Пиаве в Италии? Ответ будет тот, что в этой войне боевые действия только там ограничивались окопной борьбой, где фланги обеих армий упирались в нейтральные страны, или в непроходимые преграды, и что ни на Балканах, ни в Австрии нельзя рассчитывать на какое-либо из этих условий. В доказательство этого вспомним те кампании, из которых состояла эта война. В кампаниях между германцами и русскими или между русскими и австрийцами на больших равнинах или в обширных горных районах Восточной Германии, России и Австрии, где фланги обеих сторон не были прикрыты, там война принимала неизменно маневренный характер. То же происходило в Румынии и в Сербии. И так было даже и в Италии, пока итальянскую армию не отбросили к Пиаве, где оба фланга упираются в грозные, едва ли преодолимые, преграды. Но в отношении Италии можно мимоходом заметить, что маневренная война могла бы здесь возобновиться, если бы австрийцы и германцы бросились в значительных силах с западной стороны озера Гарда на сообщения итальянской армии.

35. Рассмотрим салоникский фронт, каков он есть в данное время. Один его фланг упирается в Адриатическое море, другой— в Эгейское. И хотя оба эти моря, на которых господствует союзный флот, препятствуют австрийцам и болгарам обойти тот или другой из флангов союзной армии, тем не менее, вследствие этой самой причины, они дают союзникам возможность обойти с фланга австрийцев и болгар. Они являются преградой только для последних. Будучи хозяевами этих морей, союзники, могут, по желанию, произвести высадку в Албании или Болгарии для усиления своих армий, или для того, чтобы обойти с фланга австрийцев и болгар.

36. Ограничить наши операции исключительно западным и итальянским фронтами значит затянуть войну до бесконечности; это значит вести бесконечную борьбу, в которой будут загублены миллионы жизней и затрачены миллиарды долларов. Зачем мы должны ограничиваться выполнением такого невозможного задания? Зачем бесцельно жертвовать жизнями наших храбрейших и лучших, стараясь прорваться через фактически непреодолимые укрепленные линии западного и итальянского фронтов, когда, и стратегия, и здравый смысл ясно указывают тот путь, по которому мы должны следовать, а именно: держать на западном и итальянском фронтах достаточно сильные заслоны, чтобы помешать центральным державам прорвать их, и затем направить наши усилия на Балканы и нанести удар Германии через Сербию и Австрию, напасть на нее с тыла, где она наиболее уязвима, т. е. напасть на нее не на ее сильнейшем, а на слабейшем фронте, там, где победа союзников расколет пополам театр военных действий и навсегда разобьет мечту Германии о ее господстве от Балтийского моря до Персидского залива.

Гордон-Смит.—„Почему Салоникская армия была бессильна?“ [1]).

В течение только что законченной мировой войны, с ее столкновениями народов на нескольких фронтах, постороннему наблюдателю трудно было следить за различными ее фазами и установить их относительное значение. Тактика и стратегия часто шли в разрез с политикой, вследствие чего отсутствовала согласованность действий и война, вместо того, чтобы вестись союзниками в целом, по хорошо обдуманному плану, распадалась на ряд несвязанных друг с другом, обособленных предприятий, из коих каждое рассматривалось участвовавшими в нем, как главное для решения войны. Некоторым фронтам придавалось незаслуженное значение, другие возбуждали мало интереса или вовсе не интересовали никого.

Примером последнего может служить салоникский фронт. Восточная армия была сандрильоной союзников. Этот фронт считался в некоторых отношениях второстепенным. Считали, что восточная армия генерала Сарайля имела назначение удерживать линию от Монастыря до Эгейского моря, с целью оказывать давление на оборонявшие ее германские, австрийские, болгарские и турецкие войска, приковать их к месту и помешать им действовать в другом районе. Но не имелось никакого намерения настолько усилить союзную армию, чтобы дать ей возможность предпринять энергичное наступление и во что бы то ни стало перехватить железную дорогу Берлин—Константинополь.

Однако, это было совершенно неправильным представлением о той задаче, которую должна была иметь восточная армия. Салоникский фронт не был второстепенным; он имел весьма важное значение. Ни на одном фронте успешное наступление не имело бы такого огромного и длительного влияния.

Заявляя это, я высказываю не мое личное мнение. В течение 18 месяцев, проведенных мною при главной квартире сербской армии, я постоянно имел случаи обсуждать с высокопоставленными лицами значение всего балканского фронта, а в течение 10 месяцев, проведенных мною на салоникском фронте, и действительную задачу восточной армии. Я встретил здесь полное единомыслие относительно важного значения операций в Македонии.

---

[1]) Из „The Current History Magazine“, октябрь, 1919 г.

Капитан Гордон-Смит состоял, в качестве военного корреспондента лондонских и нью-йоркских газет, при сербской главной квартире в 1915 г., со дня атаки на Белград до окончательного отступления сербов через Албанию. В июле 1916 г., он, по требованию Пашича, вернулся в сербскую главную квартиру в Салоники и состоял при штабе трех сербских армий вплоть до падения Монастыря. К концу войны он был прикомандирован к штабу сербской главной квартиры в чине капитана кавалерии и затем был посылаем с важными дипломатическими поручениями в Париж, Лондон и Вашингтон. Там он дал для „Current History“ изложение тех внутренних причин, которые вынуждали армию Сарайля, численностью в пол-миллиона человек, оставаться фактически бездеятельной до последних месяцев войны.

Важное значение железной дороги.

По их мнению, целью восточной армии было перехватить железную дорогу Берлин—Константинополь. Было общеизвестно, что Германия черпала огромные средства из Малой Азии и что Болгария и Сербия тоже были обложены контрибуцией.

Много германских чиновников было послано в эти страны, которые были разделены на участки, подобно шахматной доске, и с каждого из них выбиралось все, что можно было использовать. Ежедневно поезда, нагруженные продовольствием, отправлялись из балканских государств и Малой Азии в Германию, тогда как поезда, приходившие из Германии в Константинополь, были нагружены боевыми припасами, без которых сопротивление турок британской и русской армиям немедленно прекратилось бы.

Обладание железной дорогой Берлин—Константинополь упрочивало, кроме того, господство центральных держав в Дарданеллах. Так как Германия владела входом в Балтийское море, то Россия была фактически отделена от своих союзников. Доставка ей военного снаряжения была возможна лишь через Владивосток или Архангельск. Другими словами, мечта о „Средней Европе“ осуществилась и создалась обстановка, которая, если бы только она сохранилась далее, упрочила бы за Германией господство над Европой, что явилось бы первой ступенью к мировому господству.

Нет ни малейшего сомнения в том, что если бы железная дорога была перехвачена, то это повело бы к немедленному падению Турции. Это означало бы открытие Дарданелл, снабжение заново России, тогда еще воевавшей, боевыми припасами, в которых она жестоко нуждалась, и передачу союзникам огромного количества продовольствия из южной России, накопившегося там после закрытия проливов. В то же время падение Турции, как военной державы, освободило бы британские армии, занятые в Египте, Месопотамии и Палестине, и русскую армию на Кавказе, для действий в других местах.

Ошибка союзников.

Появление союзного флота в Черном море, несомненно, положило бы конец интригам германофильской придворной камарильи, окружавшей царя, и даже если бы русская революция все-таки произошла, то армия Керенского на польском фронте все-таки осталась бы действующей силой. Большевизм был бы подрезан в зародыше, и весь ход войны мог бы измениться. Неумение разобраться в этих элементарных положениях составляет вторую капитальную ошибку союзников на Балканах и несомненно затянуло войну по крайней мере на два года.

Покончив с Болгарией и Турцией, восточная армия могла бы занять вновь Сербию, двинуться по Дунаю и угрожать Будапешту. Столице Венгрии тогда угрожали бы с трех сторон:—от Дуная, с румынского фронта и со стороны русской армии, действовавшей тогда в Буковине. Так как местность кругом Будапешта представляет собой огромную равнину, на которой нет никаких крепостей, имеющих какое-либо значение, то оборона столицы потребовала бы огромного количества войск, которым Австрия в тот момент не располагала.

Главные возражения противников салоникского фронта были: 1) чрезвычайно большое количество потребного для него тоннажа, 2) недостаток путей сообщения на нем и 3) гористый характер местности на фронте.

Чрезвычайно большое количество тоннажа, потребного для перевозки войск и боевого материала, вызывалось неиспользованием союзниками всех имевшихся в их распоряжении перевозочных средств. В течение 18 долгих месяцев они пользовались только водным путем. Так как для паровых транспортов, делавших по десяти узлов (скорость, обусловленная недостатком угля), нужно было 10 дней для рейса от Марселя до Салоник, то одно судно могло доставить груз только один раз в месяц. В это же время Средиземное и Эгейское моря кишели подводными лодками и бо́льшая часть транспортов были потоплены. Только в декабре 1917 г. кто-то в военном министерстве в Лондоне сообразил, что, если бы отправлять войска и запасы по суше до Торенто в южной Италии, то их можно было бы переправлять водой в Грецию в одну ночь, избегая опасностей, представляемых подводными лодками. Одно судно, крейсирующее между Италией и греческими портами, могло поэтому выполнить работу десяти судов между Марселем и Салониками.

Чудеса дорожного строительства.

Как только это было сознано, в число многих пунктов ультиматума, посланного королю Константину, вошел новый, дававший союзникам право высаживать войска и выгружать припасы в Ити, греческой головной станции у бухты Лепанто, откуда их можно было отправлять по железной дороге в Салоники. Итальянцы также выстроили колесную дорогу от Санти-Кваранта до Монастыря, чудо военно-инженерного искусства, по которой они могли посылать ежедневно тысячи тонн боевого материала на грузовиках.

Что касается второго затруднения—способов сообщения в самой Македонии, то они подверглись огромному улучшению. Когда экспедиционные войска в первый раз высадились в 1915 г., там были только три железнодорожные линии, и то одноколейные,—и только те обыкновенные дороги, какие существовали при турецком режиме. Но 300 тысяч человек, составлявших армию генерала Сарайля, вместе с тысячами македонских крестьян, построили, менее чем в $1^1/_2$ года, тысячи километров обыкновенных дорог и сотни километров легких, рельсовых путей.

Горы, через которые за год до этого вели только козьи тропы, были сделаны проходимыми для тяжелых орудий. Было собрано огромное количество моторных перевозочных средств, сотни тысяч вьючных животных находились в расположении союзных армий. Поэтому, армия генерала Сарайля, если бы она была усилена, могла бы предпринять успешное наступление. Передовые позиции сербов к январю 1917 г. находились в 80 милях [1]) от Ниша, одной из главных станций железной дороги Берлин—Константинополь.

Третье затруднение—гористый характер местности—было сильно преувеличено. Оно не представляло непреодолимых трудностей для ведения военных операций. Блестящая кампания фельдмаршала Мисича, которая закончилась захватом Монастыря, является доказательством этого. Мисич атаковал с небольшими силами неприятеля, оказавшегося на сильных горных позициях, и выбил его последовательно из всех этих позиций. Фактически, замечательное искусство сербов в ведении горной войны давало им значительное преимущество над германцами в такой стране, как Балканы. Их знание местности давало им возможность обходить неприятеля, не-

[1]) Английская миля=$1^1/_2$ верстам (*Примеч. ред.*).

привычного к такого рода войне. Кроме того, следует упомянуть, что ни в одной стране не было столько военных действий, как на Балканах.

Гористый характер местности не помешал государствам, входивших в балканский союз, нанести решительное поражение Турции в 1912 г., не помешал он и австро-германо-болгарским армиям отбросить в Албанию сербскую армию в 1915 г. В этом случае 250.000 сербов в течение более двух месяцев сопротивлялись вторжению 750.000 германцев, австрийцев и болгар. То обстоятельство, что они могли это выполнить, свидетельствует об их высоком искусстве в ведении этого рода войны.

Морское значение Салоник.

Салоникский фронт имел не только огромное военное значение, но и морское его значение было велико,—я подразумеваю его морское значение для противника. Если бы каким-нибудь способом германцы и их союзники выбили из Салоник восточную армию и завладели этим городом и заливом, последствия были бы прямо катастрофическими для союзников.

Порт Салоник—один из самых великолепных в мире; в его закрытой гавани, протяжением в несколько миль, может стоять на якоре флот всего мира. Если бы он попал в руки германцев, то они тотчас же устроили бы там грозную базу для подводных лодок. Затем последовало бы вторжение в Грецию. Овладев прочно этой страной, германцы устроили бы другие базы для подводных лодок вдоль скалистой и изрезанной береговой линии Греции, а также среди сотен островов, образующих Архипелаг.

Если бы они там прочно обосновались, то выбить их оттуда было бы задачей, превосходящей человеческие силы. В результате, сотни подводных лодок и подводных минных заграждений были бы направлены в Эгейское и Средиземное моря. Для них было вполне возможно остановить всякое движение по Суэцкому каналу, прорвав при этом прямое сообщение Великобритании с Индией и лишив британскую армию в Египте возможности получать продовольствие и боевые припасы. Тогда, несомненно, возобновилась бы атака турками Суэцкого канала, так как затруднения в снабжении боевыми припасами армии, защищавшей Египет, более чем вероятно увеличили бы их шансы на успех.

При таких обстоятельствах, после закрытия для союзников Суэцкого канала, германцы не остановились бы ни перед чем для того, чтобы внести смуту в Британскую Индию. Что это входило в их предположения, доказано процессом индусских заговорщиков, происходившим в 1917 г. в Сан-Франциско. С закрытием Суэцкого канала, единственным путем сообщения между Великобританией и Индией, оставался бы длинный утомительный путь вокруг мыса Доброй Надежды.

Следовательно, для союзников было вопросом жизни и смерти иметь сильную армию на салоникском фронте, но при этом имело весьма большое значение такое усиление войск на этом фронте, чтобы дать возможность восточной армии перейти в энергичное наступление и перехватить железную дорогу Берлин—Константинополь.

К тому же, назревала опасность развала России, что могло освободить несколько сот тысяч германцев для переброски на Балканы. Несомненно, что генеральный штаб в Берлине предусматривал огромные результаты, которые могли получиться от успешных

операций на салоникском фронте; фактически, потеря Салоник была бы непоправима. Если бы Германия овладела Эгейским и Средиземным морями, победа ее была бы предрешена. И если ее генеральный штаб не предпринимал там операций, то это доказывает, как тяжело было их положение на других фронтах. Это делает тем более непростительным неиспользование союзниками этого удобного случая.

Ошибочный взгляд в Англии.

Единственно возможным способом действий на салоникском фронте было, следовательно, энергичное наступление. Но в некоторых британских кругах держались того мнения, что задача этого фронта будет выполнена при условиях простой обороны укрепленного лагеря под Салониками. При поддержке артиллерией флота, последний был, по их мнению, неприступным.

Большего заблуждения не могло быть. Оставление линии, идущей от границы Албании поперек равнины Монастыря и вдоль горной цепи Моглен к озеру Дойран и долине Струмы, было бы гибельным. Оно дало бы возможность германским войскам и их союзникам занять Грецию и угрожать Салоникам с суши и с моря. Овладев Грецией, Германии не трудно было бы сделать для противника доступ к Салоникам с суши и с моря чрезвычайно затруднительным или невозможным.

Укрепленный лагерь мог бы быть тесно обложен до тех пор, пока Германия и ее союзники прочно не утвердились бы в Греции и греческой Македонии и не стянули бы превосходных сил для атаки. Так как Эгейское море кишело бы неприятельскими подводными лодками, то положение войск, защищавших укрепленный лагерь, было бы в высшей степени тяжелым. Результат был слишком ценным для германцев, чтобы они не приложили всех усилий для достижения его.

Такой способ действий отрезал бы сообщение между итальянскими войсками в Албании и восточной армией. Вскоре после овладения Монастырем была легко установлена связь между итальянской оккупационной армией в Албании и войсками генерала Сарайля, почему фронт теперь непрерывно тянулся от Авлоны на Адриатическом море, до бухты Кавала на Эгейском. Успешное очищение греческой Македонии от германцев и болгар потребовало 10 месяцев успешной борьбы и стоило восточной армии 40 тысяч человек. Оставление же ее привело бы к потере нескольких тысяч километров дорог и нескольких сотен километров легких рельсовых путей, постройка которых стоила миллионы долларов. Кроме того, несчастное население было бы отдано на произвол безжалостного и жестокого врага.

Поэтому, нельзя было придумать более самоубийственной меры, чем оставление завоеванной союзниками территории; и мысль о том, что задача восточной армии должна быть ограничена обороной укрепленного лагеря, по мнению всех сведующих лиц, с которыми я обсуждал вопрос на месте, и в стратегическом, и в тактическом отношении неправильна.

Паралич пятисот-тысячной армии.

В результате того, что союзники не сознавали важного значения салоникского фронта (или, может быть, будет правильнее сказать, вследствие несогласованности их взглядов на этот вопрос), пятисот-тысячная армия оказалась парализованной. Она была более чем

достаточной для обороны укрепленного лагеря в Салониках и слабой для перехода в наступление. Каждый раз, когда восточная армия предпринимала успешную операцию, она не доводила ее до конца из-за недостатка людей.

Примером этого может служить захват французами и сербами Флорины 18 сентября 1916 г. Болгары отступали здесь с такой поспешностью, что еще немного и их отступление превратилось бы в разгром. Но для этого не хватало необходимых резервов, и в результате, вместо того, чтобы быть отброшенными в беспорядке к Прилепу и Велесу, болгары имели возможность устроить свои бежавшие полки, окопаться в нескольких милях далее и снова остановить продвижение союзной армии [1]).

Через несколько недель после этого началось второе наступление, это—блестящая кампания фельдмаршала Мисича, завершившаяся занятием Монастыря. Но, как и раньше, у него не было резервов, почему он не мог развить своего успеха, и отступавший противник снова окопался на грозных горных позициях. И в течение всего этого времени восточная армия таяла от свирепствовавшей в ней малярии. В отрядах, расположенных на равнинах, жертвой ее стали десятки тысяч. Одно время не хватало госпитальных судов для перевозки больных на родину.

Франция за наступление.

Когда восточная армия была приведена к полному бездействию, я имел случай посетить в начале 1917 г. Париж и Лондон, где и занялся выяснением взглядов французских и британских государственных людей на значение салоникского фронта. В Париже у меня был длинный разговор с г. Брианом, первым министром, с г. Стефаном Пишоном, теперешним министром иностранных дел, с генералом Малетером, известным французским военным писателем, с г. Эмбером, членом сенатской комиссии по военным делам; с полковником Руссе, выдающимся военным критиком „Petit Parisien“, и с другими известными общественными и военными деятелями.

У меня была также длинная беседа с г. Севастопуло, советником русского посольства, и с полковником графом Игнатьевым, русским членом междусоюзнического военного совета. Оказалось, что они вполне разделяют взгляды своих французских союзников. Последние же единогласно стояли за энергичное наступление на салоникском фронте и сожалели о близорукости английских военных властей.

Когда я говорил с г. Брианом и указывал ему на значение салоникского фронта, он возразил мне: „Дорогой Гордон-Смит, вы напрасно убеждаете меня. Я сам отправил восточную армию в Салоники и держу ее там. Если вы увидите в Лондоне Ллойд-Джорджа, скажите ему от меня, что Бриан больше чем когда-либо убежден в стратегическом и политическом значении салоникского фронта“.

Англия за отозвание войск из Салоник.

Через неделю после этого я был в Лондоне и очутился перед каменной стеной. Общество ничего не знало о Салониках и еще меньше заботилось о том, чтобы узнать что-нибудь. „The Daily Mail“ напечатала 18 января статью, предлагавшую ни более, ни менее,

[1]) При наличности достаточных резервов, этот момент, вероятно, явился бы началом конца войны. (Г. Х. Саджент).

как отозвание всей армии из Салоник, что явилось бы повторением Галлиполи. Статья эта произвела в Париже ужасное впечатление, почему цензуре пришлось выпустить строгое предостережение прессе о том, чтобы она не обсуждала положения дел в Салониках.

Военная цензура не допускала обсуждения положения на Балканах. Всех корреспондентов лондонских газет отозвали из Салоник, за исключением Ворд-Прайса, корреспондента „Союза владельцев газет“ (синдикат лондонских газет), и г. Фергюсона из агентства Рейтера. Так как все их сообщения подвергались строгой цензуре сначала в Салониках, а затем в Лондоне, то сколько-нибудь важных сообщений не появлялось, и слово „Салоники“ фактически исчезло со столбцов лондонских газет. Было открыто заявлено, что война должна решиться только на западном фронте, и критиковать это решение не дозволялось.

Единственный общественный деятель, который, повидимому, понимал значение салоникского фронта, был Джон Диллон, лидер ирландской партии в палате общин. Он сказал там великолепную речь по этому вопросу, но запрет, наложенный на все касавшееся Салоник, был так строг, что только у газеты „New Europe“ хватило мужества напечатать ее.

Замечательно, что начальник генерального штаба генерал сэр Вильям Робертсон и все окружавшие его были сплошь „западниками“ и отказывались внимать каким бы то ни было предложениям о переходе в наступление где-либо в другом месте. В результате восточная армия, войска которой погибали от малярии, вследствие невозможности продвинуться далее окружавших Салоники болотистых равнин, бесполезно таяла среди полного бездействия [1]). Ни для кого не было тайной, что военная партия в Англии захватила в свои руки не только военное, но и политическое руководство войной. Военное министерство и министерство иностранных дел часто приходили в столкновения. Генеральный штаб не желал внимать никаким советам, которые не сходились с его взглядами.

В это время я много раз беседовал с лордом Нортклифом. Он оказался сильно заражен „западнической“ идеей, но я настолько поколебал его веру в непреложность „западнической“ теории, что он разрешил мне изложить салоникский вопрос в письме на имя издателя „Таймса“. Я сделал это в чрезвычайно умеренных выражениях, но через день или два меня уведомили, что цензура не пропустила моего письма от первой до последней строчки и вернула его „Таймсу“ с резолюцией „не печатать“, наложенной штампом на всех страницах.

Побеждает единое командование.

Только после многих недель подходов и подкопов гражданской власти удалось снова проявить себя. Ллойд-Джордж в тайне подготовлял высший военный совет в Версале. Когда генерала сэра Вильяма Робертсона посвятили в это, он сразу, в виде протеста, подал в отставку, которая, вероятно, к его удивлению, была тотчас же принята. Полковник Рэпингтон, военный критик „Таймса“, также „западник“, который был готов подвергнуть салоникский фронт анафеме, ринулся на помощь своему начальнику с такой резкостью языка, что его привлекли к суду и приговорили к штрафу в 100 фунтов за нарушение постановлений об обороне государства. Тогда

[1]) Ничто так не понижает дух солдат, как вынужденное бездействие перед противником. (Г. Х. С.).

начальник оперативной части выпустил свое воззвание, вследствие чего лишился своей должности. Ряд младших начальников, известных в качестве завзятых „западников", был смещен, и влиянию генерального штаба на государственных деятелей пришел конец. Ллойд-Джордж восторжествовал и генералу Фошу было доверено высшее руководство войной.

Наконец началось наступление.

В результате политика и стратегия на Балканах круто изменились. Генерала Сарайля отозвали и заменили генералом Гильома, одним из самых блестящих начальников западного фронта. Как только он реорганизовал и усилил восточную армию, генерал Франше д'Эспери, командующий 5-й французской армией, был послан, чтобы принять командование под Салониками, и вслед затем началось энергичное наступление.

Как и раньше, главная атака была доверена сербскому отряду восточной армии. Он с великолепным под'емом атаковал болгарские укрепления на Добром Поле, прорвал их в центре и затем отбросил противника вправо и влево. Через этот прорыв проникли французы и британцы; отступление болгар превратилось в разгром, и через 5 дней армия царя Фердинанда капитулировала.

Сербы продолжали свое триумфальное движение, овладели железной дорогой Берлин—Константинополь и дошли до Дуная. Через две недели сдалась Турция, Дарданеллы были открыты и союзный флот вошел в Черное море. Австрия увидала, что игра проиграна, и попросила мира. Германская империя, следовательно, оказалась угрожаемой с тыла. Фельдмаршал Гинденбург увидал, что при таких условиях ничто не спасет положения и попросил о перемирии. Таким образом, война, начатая на Балканах и из-за Балкан, окончилась на Балканах.

Что таков был неизбежный результат энергичного наступления, было ясно каждому на месте, но, к несчастью, голоса тех, кто его отстаивал, долго оставались „гласом вопиющего в пустыне". Только тогда, когда история начнет подробно изучать мировую войну во всех ее периодах, обнаружатся удивительные ошибки Антанты в ее политике на Ближнем Востоке.

Несколько слов об авторе.

Герберт Хоуленд Саджент был выпущен из военного училища в 1883 г. и с тех пор состоял офицером в армии Соединенных Штатов. Мыслитель и воин по природе и образованию, одаренный способностью выражаться ясно, сильно и просто, но и научно, он заслужил своими сочинениями одобрение как гражданских, так и военных лиц, приобрел широкую известность в качестве военного историка и стратега. Когда началась испано-американская война, он сформировал добровольческий полк, полковым командиром которого был назначен. С этим полком он служил на Кубе под начальством генерала Леонардо Вуда. Через год, в качестве подполковника 29-го добровольческого пехотного полка, он принял участие в боях на Филлипинах и командовал войсками, атаковавшими в сражении у Сан-Матео, в котором был убит генерал Лаутон. За эти заслуги он был представлен генералами Вудом и Отисом к переводу в регулярную армию. В 1911 г. он вышел в отставку, вследствие недостатков слуха, но временно был вновь призван на действительную службу в 1916 г.; вскоре после начала войны с Германией он был рекомендован бывшим президентом Рузвельтом и 24 генералами Соединенных Штатов для командования бригадой; но так как военное министерство решило не давать командных должностей в действующей армии отставным офицерам, то ему не удалось (о чем он очень сожалел) получить это назначение.

В течение лета 1917 г. он служил в качестве помощника квартирмейстера западного департамента в Сан-Франциско. В сентябре 1917 г. был назначен профессором военных наук в Принсетонском университете, где пробыл до марта 1919 г., когда был назначен в отдел генерального штаба по составлению планов войны при военной академии в Вашингтоне. После перемирия, по собственному желанию, он покинул действительную службу и вернулся к частной жизни, поселившись в г. Джаксонвиле в Орегоне.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Предисловие к русскому переводу	3
Предисловие	5
Глава I. Первая крупная ошибка германцев	7
„ II. Вторая крупная ошибка германцев	17
„ III. Третья крупная ошибка германцев	29
„ IV. Большое наступление германцев	50
„ V. Большое встречное наступление Фоша	65
„ VI. Борьба за линию Гинденбурга	83
„ VII. Победа союзников на Востоке	99
„ VIII. Германский план мирового господства	107
„ IX. Большое отступление Людендорфа	119
Приложение А. Саджент. — Четвертая докладная записка о стратегических операциях	135
Приложение Б. Гордон-Смит.—„Почему Салоникская армия была бессильна?“	145
Несколько слов об авторе	153

Схема № I.

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

С указанием выступов: Амьенского, Лисского и Шато-Тьери, образовавшихся в результате германских наступлений 21 марта, 9 апреля и 27 мая 1918 года.

Наступления 9 июня и 15 июля лишь немного продвинули боевую линию немцев на участке: Мондидье-Нойон.

(показано пунктиром)

Схема №2.

САЛОНИКСКИЙ ФРОНТ

(Г.)

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ.

МОСКВА, Смоленский бульвар, 53.

СКЛАД ИЗДАНИЙ В. В. Р. С.—Глазовский пер., 1.

СПРАВОЧНИКИ.

Вышли из печати:

„ИНОСТРАННЫЕ АРМИИ".

Под редакцией М. Рябакова, В. Сухова и Н. Троицкого. 25 печ. лист., с 12 схем., 11 рисунками и 18 картами. Размер—22 печ. листа.

Справочник для комсостава о вооруженных силах капиталистических государств—Англии, Америки, Франции, Японии, Германии, Прибалтийских государств, Китая и друг.,—всего 21 государство. В качестве введения статья Павловича-Вельтман.

„Сборник сведений об орудиях, лафетах, снарядах и зарядах".

Воен. инж.-техн. И. Довгелевич и А. Иванов. 32 п. л.

Сборник содержит все новейшие изменения и дополнения, происшедшие в вооружении орудий, лафетов, зарядов и снарядов, и представляет незаменимое справочное пособие для всех строевых частей, административных учрежд., заводов и разных комиссий и совещаний.

Готовятся к печати:

ВОЗДУШНЫЙ ФЛОТ.

Под редакцией воздушной секции военно-научного общества. Многочисленные таблицы, схемы, снимки. (Справочник для комсостава пехоты, кавалерии и технических частей).

СОДЕРЖАНИЕ:

Главные свойства воздушной среды. Основы теории аэронавигации. Основные принципы авио- и воздух-техники. Краткие данные по истории воздухо-флота. Современный воздушный флот. Тактика и организация воздушного флота. Обзор воздушных флотов иностранных армий. Мирное применение авиации.

ПОЛЕВАЯ СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА.

Содержание: Организация и управление войсками.—Служба связи.—Пехота и конница.—Артиллерия.—Бронесилы.—Воздушный флот.—Инженерные войска.—Техника.—Средства переправы.—Действия соединенных отрядов.—Малая война.—Походное движение.—Отдых и охранение.—Продовольствие войск.—Санитарная служба.

В старой армии большой популярностью пользовалась полевая справочная книжка, изданная в Виленском Военном Округе. Сейчас ее в корне перерабатывают преподаватели Военной Академии и ряд виднейших работников центральных военных учреждений (т.т. Сухов, Цейтлин, Лигнау, Смысловский, Лапчинский, Карбыше, Белолипецкий, Сапожников, Загю, Архангельский и др.). Необходимое пособие для командного состава армии.

СПРАВОЧНИК ПО АРТИЛЛЕРИИ (для командного состава, пехоты, кавалерии, авиации, инженерных войск).

Содержание: Роль артиллерии в современном бою. Свойства артиллерии. Артиллерийские орудия. Снаряды. Средства передвижения артиллерии. Типы артиллерии и описание существующих образцов. Организация артиллерии. Стрельба артиллерии. Артиллерийская позиция. Разведка. Наблюдение. Связь. Боевая работа артиллерии.

Справочник по об'ему будет от 8-ми до 10-ти печ. лист. с 50-ю—80-ю иллюстрациями. Справочник, рассчитанный на командира роты и выше до командира полка включительно, составлен простым языком, без сложных математических формул и отвлеченных положений, выставляя на первый план боевую работу артиллерии в связи с другими родами войск и умение ее использовать в наиболее типичных случаях боевой жизни.

СЛОВАРЬ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ.

Составляется при помощи артиллерийского комитета, инженерного комитета, ученых комитетов при войсках связи, бронесилах и пр. Имеет задачей придти на помощь командному составу при чтении им современной военной литературы, где довольно часто встречаются мало известные рядовому читателю военно-технические термины.

ВЫСШИЙ
ВОЕННЫЙ
РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ
МОСКВА
1923